

ТАТЬЯНА ВЕТРОВА
ВЕРНИ МОИ
КРЫЛЬЯ

18+

Татьяна Ветрова

Верни мои крылья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67270412

SelfPub; 2022

Аннотация

Она студентка академии искусств, ее никогда не волновало небо, как запах масляных красок, льняного масла на кистях и грунтованного холста. Но судьба решила по-другому – внезапно подарив ей крылья. Крылья, которые легко обломать, но сложно склеить... Он парень живущий небом. Пилот, рассекающий гладь облаков, на его счету больше 100 стран мира. На протяжении многих лет его крылья – его самолет. Но судьба распорядилась иначе, столкнув его с девушкой с глазами цвета неба. И она же ее забрала... смысл его жизни. Выход один – они вернут свои крылья!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	23
Глава 4	37
Глава 5	46
Глава 6	53
Глава 7	63
Глава 8	68
Глава 9	76
Глава 10	82
Глава 11	94
Глава 12	100
Глава 13	113
Глава 14	123
Глава 15	130
Глава 16	142
Глава 17	153
Глава 18	165
Глава 19	174
ЭПИЛОГ	239

Татьяна Ветрова

Верни мои крылья

Глава 1

Марк

Не в первый раз замечаю, что летний вечер похож на успокоившееся море после волнения. Яркие события летнего дня к вечеру утихают, щебет птиц слышится отчетливее, становятся заметнее бродящие по дворам бездомные кошки и собаки. Летним вечером лавочки заполняются влюбленными парами и пожилыми людьми. Слышно шум колес велосипедов, роликов и звон детского смеха. Невольно сравниваю вечер с тихой гаванью, куда прибывает корабль после напряженного плавания. И понимаю, что свою гавань с глазами цвета неба я уже нашел. Рядом со мной стоит моя девушка, умилительно маленькая и красивая.

Разве может быть что-то важнее, чем чувство, охватывающее экипаж, когда корабль, плывший долгое время по бушующему морю, случайно заходит в тихую гавань и сбрасывает якорь?

– Вон там, видишь? Свет горит на кухне... – расправив плечи, она показывает маленьким, аккуратным пальчиком на окна пятого этажа, где располагается ее квартира. А я

смотрю на нее и не верю, что эта маленькая, хрупкая девушка со мной. Да я самый счастливый мудака на свете, который даже и не подозревал, что будет под каблучком у этой малышки.

– Марк, ну ты меня слышишь?

Черт, кажется, я залип. Да и как тут не залипнуть, когда перед тобой стоит само совершенство. Я уже молчу про то, что сны, в которых вижу ее счастливую, последние две недели стали нормой.

– Да, малыш, вижу. А какой номер квартиры?

– Зачем тебе? – поворачивается ко мне, смотрит своими большими глазами василькового цвета, чуть задумчиво и игриво. Бровки хмурит, носик маленький морщит, губу нижнюю прикусывает, словно задумывает пакость. Изюминка ее внешности – богатая россыпь веснушек на маленьком лице. Невероятно красивая. Моя маленькая ведьма.

– Как зачем? А знакомиться с будущими родственниками? – ехидно улыбаясь, с удовольствием наблюдаю, как потрясающие глаза, которые в один миг становятся большие, смотрят на меня, не моргая. Пухлые губки, сложенные в протяжную букву «о», привлекают внимание. Так и хочется смять их поцелуем, увести ее к себе домой и любить всю ночь напролет.

– Нет, Марк, никогда. Слышишь? Никогда. Нет! Нет! И нет! – она стоит напротив меня, качает головой, а ее длинные волнистые волосы треплет легкий ветерок. Одна

из прядок попадает на губы, смотрю, как она пытается сдуть ее, но не получается. Подхожу на шаг ближе и аккуратно убираю прядь, задерживаю взгляд на ее губах, которые и так опухли от наших безумных поцелуев. Интересно, она догадывается, как сексуально сейчас выглядит?

– Лисенок, ну ты чего так распереживалась? Я же не сейчас, годика через два... – моя маленькая ведьма задумывается над этими словами, склонив голову набок. Потрясающие глаза с хитринкой на дне с легким прищуром смотрят прямо в душу. Ну точно, что-то задумала.

– Ну, может, годика через два, я подумаю, если лучше кандидата на роль мужа не встречу.

Нет, ее попа точно просится, чтобы ее отшлепали.

– Я тебя понял, лисенок. А теперь беги домой и мне пора, завтра еще рейс, – отправляю ее домой, пока еще что-нибудь не сказала, из-за чего захочется ее наказать.

– Куда летишь? – ее любопытный взгляд – настоящая пытка для меня с первой нашей встречи. Отворачиваюсь и принимаю задумчивый вид, смотря на пожилую пару, сидящую на лавочке у соседнего подъезда. Женщина улыбается своему мужу, что-то рассказывая и активно жестикулируя. А он кивает, соглашаясь во всем. Усмехнувшись, прихожу к мнению, что понимаю их счастье. С улыбкой поворачиваюсь к Лисенку и замечаю прищуренный взгляд, скользну по ней взглядом и натываюсь на сжатые кулаки. Когда она злится, часто так делает. Ну я, наверное, мазохист, раз

люблю ее доводить. Ничего не могу с собой поделатъ, но мне нравится, когда она злится. Такая смешная, насупленная и моя.

– Ну Марк... – не выдерживает, топает ножкой и набрасывается на меня с кулачками. Смеюсь и притворяюсь, что мне больно, разыгрываю небольшую пантомиму. Затем, резко повернувшись, обнимаю ее за талию и притягиваю к себе как можно ближе. Зарываюсь рукой в ее волосы и утыкаюсь носом в шею, вдыхая аромат роз. Хочу надъшаться ею перед отъездом. Мне это необходимо как воздух. Лисенок не достает и до подбородка, утыкается в мою грудь носом и пыхтит, как ёжик. Такая забавная, такая моя.

– Разворотный. Питер, – шепчу на ушко, потом сразу же нежно прикусываю, наслаждаясь ее реакцией. Мы стоим настолько близко, что я чувствую, как пробегают мурашки по ее телу. Кайфую от осознания, что ей нравится.

– Мне пора, лисенок. Надо еще выспаться. Ты знаешь, пилот должен быть отдохнувшим, – произношу, прижимаясь своим лбом к ее, смотрю в глаза и тону.

В голову сразу приходит воспоминание о том, как летал с ребятами в отпуск на Бора-Бора. Мы брали на прокат яхту и ходили в море на несколько дней. Тогда я долго смотрел на морскую гладь и пытался посчитать оттенки синего. Сейчас ее глаза напоминают неопиcуемую красоту океана, они такого же насыщенно-синего оттенка.

– Да, конечно. Мне тоже пора. Завтра зачет у самого вредного преподавателя. Надеюсь, что все сдам, – сцепляет пальцы в замок, выдавая свои переживания, и переступает с пятки на носок.

Для моей девочки учеба очень важна. Она с детства любит рисовать и рисует она потрясающе. А преподаватель? Та еще зараза.

– Лисёнок, все будет хорошо. – Касаюсь пальцами ее нежного лица, от виска спускаюсь к еле заметной венке на шее и аккуратно поднимаю ее лицо так, чтоб наши взгляды встретились. Я вновь в ней тону... Закрываю глаза и накрываю губы своими, она отвечает взаимностью. Тянется ко мне, как путник в пустыне к единственному источнику с водой. Выпивает меня до дна, а я и не против. Наш поцелуй мне кажется безумным. Жадным. Настоящим. Но именно в этот момент я понимаю, как счастлив.

Я хочу быть рядом с ней и любить только её. Я люблю её.

– Беги домой, лисенок, – отправляю ее домой, понимая, что так будет лучше.

Я ведь могу схватить ее в охапку, засунуть в машину и отвезти к себе. К счастью, вовремя понимаю, что нам слишком рано переходить к постельным сценам 18+.

– Хорошо, – она берёт моё лицо в свои маленькие ладошки, быстро целует в губы и убегает, счастливо смеясь.

А я стою, улыбаюсь как дурак и смотрю на уже закрывшуюся дверь подъезда, в котором она скрылась.

Я чертов счастливый мудака.

Но это было тогда... пять лет назад...

Сажу в машине и пустым взглядом смотрю в окно. Новая скамейка, окрашенная в синий цвет, цепляет взгляд, словно в наказание. За ней благоухает пышный, разросшийся куст сирени. Его ветки частично прячут табличку, которая висит около обшарпанной двери подъезда и сообщает адрес: «Лермонтова 18. Подъезд 2». За три года семейного счастья я это выучил и за два года разлуки не забыл. За этой дверью прячется тамбур, где вечно нет света, и лестничная площадка. На пять этажей выше квартира ее родителей. Она снова там живёт, но она давно уже не та...

В синих омутах, так любимых мною, давно нет безграничного счастья, простой житейской радости жизни.

Там пугающая пустота и непреодолимый страх...

За время, на которое судьба развела нас в разные стороны, я здесь не в первый раз. Многие жители, что меня не знают, смотрят с подозрением, завидев машину во дворе, а те, что знают, косятся с жалостью.

Я приезжаю сюда, чтобы увидеть ее. Убедиться в том, что с ней все хорошо и хоть иногда, но она улыбается. Сейчас Лиза не выходит из дома одна, маниакально боясь повторения случившегося. С ней всегда гуляет либо мама, либо старший брат со своей женой Машей. Я же сижу в машине и наблюдаю за ней издалека, как долбаный сталкер. Понимание

того, что девушка, которая является центром моей жизни, меня боится, причиняет адскую боль в груди. Безжалостно разрывает все изнутри и словно насмехается, когда я пытаюсь с ней поговорить. Испуганные глаза, как у загнанного зверька, заставляют молча развернуться и уйти.

Сегодня я снова здесь, но не для того, чтобы сидеть в машине и любоваться ею издалека. У отца Лизы, Алексея Николаевича, юбилей. Мужчине исполняется пятьдесят пять лет, но даже несмотря на столько немалую цифру, он еще полон сил. Усмехаюсь, вспоминая, как три года назад ездили с ним и его сыном Егором на рыбалку. Рыбы, конечно же, не наловили, да и не надеялись. Поездка скорее была как прикрытия. У Егора тогда жена ходила беременная вторым ребенком, он, бедный, вешался от ее «хочу». Чтобы спасти квартиру от разгрома и себя от семейных ссор, привез ее к матери и забрал нас спонтанно на рыбалку. Тогда были потеряны не только сети, но и пара удочек куда-то запропастились. Каким-то образом сдулась лодка, и было выпит почти ящик коньяка. А по приезде домой всем нам троим здорово досталось от своих женщин. Лисёнок долго на меня злилась и изо всех сил старалась не разговаривать. Закуталась в плед и, включив любимый сериал, уснула на диване, объявив мне бойкот. Сейчас я согласен даже на него, только бы она была рядом.

Грустно усмехнувшись, покидаю машину, предварительно взяв с пассажирского сиденья два подарочных пакета и

цветы. Набираю код подъезда. Щелчок. Медленно открываю скрипучую дверь и пешком поднимаюсь на пятый этаж, игнорируя лифт. Мне необходимо время, чтобы собраться с мыслями и понять, как действовать дальше. Я жутко боюсь ее напугать. Снова.

Поворот направо, квартира с резной цифрой «98». Звонок, топот ног по ту сторону двери, следом одновременно щелчок замка и мой глубокий вдох и выдох...

– Добрый вечер...

Глава 2

Марк

– Добрый вечер, Ангелина Андреевна. Вы, как всегда, великолепно выглядите, – ни грамма не лукавая, вручаю цветы. – Эх, жаль только, моё сердце уже занято... – склоняю голову набок и разочарованно пожимаю плечами, наблюдая, как у этой очаровательной женщины появляется румянец на щеках.

Мама Лисенка действительно в свои годы выглядит потрясающе, даже несмотря на то, что ей пришлось пережить. Только даже это не меняет того факта, что Алексей Николаевич ее ревнует. Его можно понять, так как его жена не только красива, но и очень внимательна и добра – интересная в общении женщина. Стоит на нее взглянуть, и на душе становится спокойно от ее лучезарной улыбки и теплого взгляда.

– Ох, Марк, здравствуй, родной. Проходи, не стой на пороге, мы только тебя да Егора ждем. Он позвонил, сказал, что в пробке стоят. А я вот посмотрела в телефоне, нет там пробок. Маше набрала, она сказала, он на работе задержался, вот и опаздывают, – Ангелина Андреевна, активно жестикулируя, говорит без остановки, видимо, надеясь, что так я не замечу, как она нервничает. – А я-то подумала, что он

от Леша получить лещей не хочет за Лизу. Та же психолога себе сменила, нашла нового, а этот находится чуть ли не на другом конце Москвы. Так вот Егор вовремя забрать ее не успел, девочка моя маленькая на такси приехала, хорошо хоть, водителя-женщину попросила. Додумалась, моя хорошая. Боже, Марк, ты бы видел, как она испугалась...

Ангелина Андреевна продолжает говорить, а я уже прикидываю, в каком лесу буду заказать труп Егора. Сука, как он мог опоздать к ней?! Ведь прекрасно знает, что ей еще рано одной передвигаться по городу.

Чувствую, как напрягаются мышцы, сжимаю ладони в кулаки и стараюсь сделать непроницаемое лицо. Вот чего я точно не хочу, так это того, чтобы Ангелина Андреевна заметила хоть малейшее изменение в моем настроении и переживала еще и за меня. Этой интеллигентной женщине и так пришлось пережить слишком много дерьма. Нервы ей знатно потрепали абсолютно все, кто мог до нее дотянуться. Но, несмотря на все те испытания, какие подкинула ей судьба-злодейка, она замечает мое состояние и пытается быстро сменить тему.

– Проходи, проходи. Лиза у себя в комнате, я ее сейчас позову, или сам зайдешь к ней? – невольно останавливается на пороге и переводит на меня встревоженный взгляд, словно боится, что я вдруг передумаю и сбегу.

Да вот только не могу я без нее. Подыхаю.

– Сам, – отвечаю безапелляционно и прохожу в гостиную, где уже слышно много знакомых голосов.

Сегодня собрались почти все родственники и целая детсадовская группа в возрасте от двух месяцев до десяти лет. Пройдя в гостиную, ловлю себя на мысли, что за два года здесь ничего не изменилось. За исключением того, что кто-то смотрит на меня с искренней улыбкой и действительно рад видеть, а кто-то настороженно, будто боится реакции Лисенка на меня.

Усмехнувшись, вежливо со всеми здороваюсь, протягиваю руку Алексею Николаевичу. Поздравляю с юбилеем и традиционно желаю ему всех благ, вручая подарок, обнимаю. Он расплывается в счастливой улыбке, обнимая меня в ответ. И дело вовсе не в подарке, я это точно знаю. Он просто рад меня видеть. Искренне рад.

В какой-то момент в комнате воцаряется тишина, и я чувствую, как как-то стоит у меня за спиной. Взгляд прожигает лопатки, пробираясь глубоко в душу, где есть место только для нее. Приподняв уголки губ, поворачиваюсь, как в самом замедленном видео из всех возможных, и вижу Лизу.

Моя Лиса. Моя маленькая, сильная девочка.

Она стоит в дверном проеме в ярко-желтом вязаном платье с тоненьким пояском на талии, идеально подчеркивающим ее стройную фигуру. Когда в первый раз увидел это платье, мне показалось, что она перепутала размер свитера. А это, оказался, всего лишь новый тренд. «Марк, ты спятил? Какой нафиг свитер? Это платье-балахон, между прочим, так модно», – говорила она тогда. Только вот мне стало все равно, когда я увидел счастливо смеющуюся Лизу, прыгающую на кровати. Она заливалась звонким смехом, лукаво улыбалась и пальцем манила меня к себе. «Марк, ну давай скорее, иди ко мне, раздели мою радость», – сказала тогда и неожиданно кинула в меня декоративную подушку. Она прыгала, звонко смеялась, а иногда пела любимые песни Селин Дион.

– Марк, – слышу откуда-то сбоку и моргаю, надеясь, что это не мираж и по щелчку пальца она не исчезнет.

Она все так же стоит и переминается с ноги на ногу, в руке держит плюшевого зайца, которого я когда-то выиграл для нее в тире. Она даже не догадывается, что до сих пор является моим центром, моей вселенной.

С болью в небесных глазах смотрит на меня, заставляя сжать кулаки и спрятать руки в карманах брюк. Один только Бог знает, как я хочу ее обнять, прижать к себе что есть сил и вдохнуть аромат тела. Родного, но такого далекого сейчас...

Ее глаза, их цвет не так насыщен, как был раньше. В них нет тех самых искорок радости, которые были, когда она ме-

ня встречала раньше. Сейчас она стоит, трясётся как осиновый лист, прикусив нижнюю губу, и смотрит на меня из-под опущенных ресниц.

Черт, это ужасно больно – видеть её такой испуганной и ранимой. Знать, что нельзя к ней подойти и просто обнять, прижать к себе и спрятать от всего этого страшного мира. Безумно хочется взять и укутать ее в махровый плед, так любимый ею. Приготовить её любимое какао с маршмеллоу и почитать её любимую книгу «Ты будешь моим!» – про любовь просто парня и наследницы многомиллионной империи. И она, как раньше, выпила бы какао, укуталась в мягкий плед и легла рядом со мной, свернувшись в комочек. Она всегда говорила, что мой голос её успокаивает, дарит тепло и защиту. Но только не сейчас...

Мы так и продолжаем стоять и смотреть друг на друга, играя в молчанку. Никто не решается заговорить первым. И дело даже не в том, что нам не о чем поговорить, просто мы боимся, что не справимся.

В гостиной все так же стоит звенящая тишина и все внимание обращено к нам, не сводящим друг с друга глаз.

Она нервничает, боится.

– Здравствуй, Лиса, – не выдерживаю, здороваюсь первым.

С ума сойти, как я хочу услышать ее тихий, мягкий голос. Голос, которого мне так не хватает.

– Э... здравствуй, Марк... – произносит негромко, но я успеваю уловить, что голос хриплый, словно она всю ночь плакала.

Чёрт, как же больно. Ощущение, будто нож воткнули в спину и провернули несколько раз. Она несколько не изменилась с нашей последней встречи. Все еще боится меня.

Прикусив нижнюю губу, она дергает за уши зайца и смотрит на меня. В глубине ее глаз отражается непреодолимый страх. Лиза напоминает загнанного оленёнка и даже не представляет, как мне больно смотреть на нее такую.

Больно, как в тот день, когда она сообщила о разводе. Я долго пытался вникнуть в суть написанного на бумаге, но буквы будто расплывались и не позволяли собрать пазл воедино. До последнего надеялся, что это какая-то глупая шутка, опечатка. Но нет, тогда она твердо решила меня отпустить.

Глупая, думала, что я буду счастлив без нее. Как бы не так...

Тогда я взял отпуск за свой счет и точно помню, что недели две пил, не просыхая. Не понимал, почему она решила так поступить, почему перестала бороться за нас, а главное – за себя. Почему она сдалась? И только спустя месяцы безответных скитаний, я наконец понял, что моя девочка сломалась. Она не смогла собрать себя заново и не позволила сделать это мне.

– Как дела? Слышал, экзамены сдала с отличием, правда? – улыбаясь, смотрю на нее и в какой-то момент чудом улавливаю блеск в ее глазах.

Словно она счастлива, что я интересуюсь ее жизнью, даже находясь от нее на расстоянии.

– Да, Герману Сергеевичу понравилась моя дипломная работа. Хочешь посмотреть? – произносит с энтузиазмом и улыбается так, как только может улыбаться человек с раненой душой.

– Да, конечно. Покажешь? – соглашаюсь слишком быстро, боясь, что она передумает и убежит в свою комнату, снова оставив меня одного.

Улыбнувшись, она разворачивается и уходит в свою комнату, а я остаюсь на месте и провожаю её взглядом, не двигаясь. Боюсь, что если вдруг пошевелюсь, то проснусь, а все

это окажется прекрасным сном. Моим сном.

– Марк, ну ты идешь? – Дергаюсь от звонкого голоса и киваю.

– Да, иду.

Прошло два года с того дня, когда я был здесь в последний раз. Видел ее. Она сидела на кровати, прижав колени к подбородку, и раскачивалась, смотря пустым взглядом в стену. Я замер на пороге, боясь сделать шаг ей навстречу. Лиза тогда меня не сразу заметила, слезы катились из ее глаз непрекращающимся ручьем. Моргнув, она перевела взгляд в мою сторону, заставив отступить. Именно тогда, увидев пустоту в ее небесных глазах, я понял, что это наша последняя встреча.

Она убила нас. Нашу любовь.

А потом подала на развод, и я начал жить на автомате: работа, дом, она... на расстоянии.

Сейчас ее небольшая комната немного ожила, наполнилась жизнью. Лиза переклеила обои, сменила ненавистный ей персиковый цвет на нежно-голубой. Переставила мебель, как давно хотела. Центр комнаты занимает ворсистый ковер, единственное, что она забрала из моей квартиры, помимо

своих вещей. Обратив внимание на стены, вижу ее картины, в которых живет частичка ее души. И только самый светлый угол у окна отведен для творчества. Полка с красками, небольшой стол, а нем банка с кистями, рядом мольберт и она.

Я подхожу слишком близко, вдыхая аромат ее волос. Невольно смотрю на картину, на которой сосредоточен ее взгляд. Она стоит молча, обняв себя руками, и думает о чем-то сокровенном.

Жутко хочется ее обнять, прижать к себе и, зарывшись рукой в гладкие волосы, поцеловать. Вспомнить вкус ее манящих губ. Провести языком по верхней губе, коснуться мочки уха и спуститься к шее.

Я помню, это её эрогенная зона, одна из... Но вместо это я сжимаю кулаки и прячу их в кармане брюк, от греха подальше отступаю на шаг.

Невозможно. Она так близко. Так рядом. И мне так хочется ее любить.

– Марк, что ты видишь? – спрашивает тихо, и мне приходится взять себя в руки и вновь посмотреть на картину.

– Ты, как всегда, молодец. Очень красиво, – произношу на автомате, рассматривая картину.

Она правда получилась довольно красивая и живая. В какой-то момент мне даже кажется, что я это уже видел вживую. Лисенок выбрала тему авиации, не знаю почему, правда. Она далека от авиации и рисует только то, что может почувствовать, пропустить через себя. Неужели она смогла полюбить небо, как его люблю я?!

На картине изображено нереально красивое небо. Она использовала несколько цветов, чтобы передать потрясающей красоты закат. Я лично насчитал не менее десяти оттенков. Она как талантливая художница смогла перенести красоту на холст.

Большую часть картины занимает Boeing 737, взмывающий в небо на закате. Мой Boeing, я на нем летаю больше пяти лет и в состоянии отличить его от воздушного судна другого типа. Лисенок знает мою любовь к самолетам и понимает меня, как никто другой.

Я вижу на пустыре пару: парень и девушка. На девушке белый сарафан, на парне голубое поло. Я стою и смотрю на картину в немом молчании. Впервые за долгие годы у меня нет слов, только эмоции. Восхищение, радость, счастье.

И все это так ярко, так четко она смогла передать обычными красками, что в какой-то момент мне показалось, что я и есть тот парень, а она та девушка.

Память подкидывает кадры из жизни, и я вспоминаю все в немом молчании...

Глава 3

Марк

5 лет назад

– Бл... Марк, ну где тебя черти носят? Давай быстрее, мы, как обычно, на пустыре.

– Женёк, на подъезде, минут десять еще. Тут пробка прямо на повороте.

– Давай...

Женёк, Женя... Мой лучший друг с первого курса летного училища, мы за одной партой просидели около пяти лет. Познакомились при поступлении, был день сдачи КМБ. Тогда он показался серьезным и чересчур умным парнем, но как бы не так. Этот неугомонный человек вечно влипает в неприятности. Как-то раз он решил, что нашей группе перед экзаменом надо развеяться, вот и организовал нам квест. Знаете, такой, где по городу бегаешь за подсказками и ищешь клад. Одним из заданий было найти записку на заброшенной стройке, правда, организаторы забыли предупредить, что она охраняется. Нас поймали с поличным, благо охрана отнеслась с пониманием к курсантам-второкурсникам. Конечно, только из-за того, что нам пришлось расплатиться стипендией, которую как раз получили в тот

день. А ведь могли лишиться учёбы, если бы загремели туда, куда не надо. И не было бы неба, не было тех красот, ради которых мы учились столько лет.

Вот и в этот раз Женёк выдумал очередную херню, по-другому и не скажешь. Помимо того, что он первоклассный пилот – а это так и есть, ведь не зря был пять лет лучшим на курсе и в училище, – он еще и отличный фотограф, хоть и любитель. Через объектив видит то, чего не уловит людской глаз. И зная его любовь к фотографии, наши общие подружки-стюардессы решили устроить фотосессию на фоне пролетающего самолёта, и без меня было не обойтись. Ведь ему обязательно надо, чтобы кто-то подержал светотражатель. И похер, что я толком не спал после ночного рейса.

Наконец-то приехал... От моего дома до этого пустыря добираться часа полтора без пробок, сегодня же как будто все вокруг свихнулись. Я почти три часа провел в пути. Да ни***ц просто.

Пока медленно подъезжаю к своей компании, замечаю шатенку в белом сарафане, ей-богу, Дюймовочка. Сидит одна с открытым альбомом и карандашом в руке, улыбаясь солнечным лучам в ожидании самолета, видимо, чтобы сделать зарисовку. Странно, но об этом месте мало кто знает из тех, кто не связан с авиацией. А она явно не наша, это видно невооруженным взглядом. Слишком маленькая для стюардессы.

Подъезжаю к ребятам, паркуюсь на свободном месте и, хлопнув дверью, направляюсь к своим. Пока иду, ловлю себя на том, что уже несколько раз успеваю оглянуться, чтобы взглянуть на нее.

— Мда, не хватает мне еще с Дюймовочкой замутить для полного счастья, — усмехаюсь и вешу себе забыть про нее.

На пустыре проводим около двух часов, за это время Женька успевает поймать в кадр несколько самолетов, уходящих на взлёт и заходящих на посадку. Невольно замечаю, что девушка сидит на том же месте, только в этот раз не просто так, а легким взмахом изящной рукой быстро делает какие-то наброски в альбоме. Мне становится жутко интересно, кто она и как нашла это место. К тому же меня раздрает любопытство, хочется посмотреть, что она там рисует.

Прощаюсь с друзьями, пообещав, что вечером к ним присоединюсь. Развернувшись, иду мимо машины к той самой Дюймовочке.

Незаметно подкрадываюсь, чтобы увидеть рисунок. Внутри просыпается какое-то ноющее, непонятное чувство, кажется, если она заметит, то постесняется и не покажет рисунок.

Удивившись собственной реакции на незнакомку, делаю еще шаг и заглядываю в альбом, который лежит на строй-

ных ногах девушки. Сказать, что я охреневаю от увиденного, – ничего не сказать. Я многое повидал в жизни, даже как-то был на выставке какого-то известного художника, но это ни с чем не сравнить.

Работа полностью выполнена простым карандашом. Каждая деталь фюзеляжа, крыло и оттопыренные закрылки идеально прорисованы. Также за столь короткий срок она смогла идеально проработать тени. Ощущение, что передо мной 3D-композиция как минимум. Помимо самолета, взмывающего в небо, есть закат, выполненный в черно-белых тонах.

Талант, мало кому данный.

Смотря на легкие взмахи ее руки, я понимаю, что хочу с ней познакомиться.

Прежде чем сесть рядом, специально брякаю ключами, чтобы ненароком не испугать малышку. Она оказалась настолько увлечена работой, что не сразу услышала посторонний шум. И только на третий раз она вздрагивает и медленно оборачивается.

А я замираю на месте, не в силах пошевелиться, когда наши взгляды встречаются. Мои зеленые глаза, как весенняя листва, и её насыщено-голубые, как небо. Без которого я не вижу своей жизни.

Скользну по ней быстрым взглядом, мысленно отмечая,

что она очень красива.

Ну еще бы... она является обладательницей шикарных, густых волос. У нее маленький аккуратный носик и веснушки, разбежавшиеся по всему лицу. Маленькие пухлые губы, невольно привлекающие внимание. Заставив себя оторваться от них, смотрю в глаза, обрамленные густыми ресницами. Сейчас они стали ярче и напоминают чистое альпийское озеро Эшинензе в Швейцарии.

– Привет, можно присесть рядом? – произношу как обычно, но выходит наоборот.

Неужели у меня может быть такой смущенный, охрипший голос на этапе знакомства с девушкой?!

– Да, конечно. Это поляна не принадлежит мне, и я не могу тебе запретить, – улыбаясь, произносит незнакомка и, прикусив нижнюю губу, продолжает рисовать.

Смотрю на нее, внутренне чувствуя подвох и ловлю себя на мысли, что она смеется надо мной. Что эж, пожалуй, это плюс в ее копилочку. Мне нравятся веселые девушки, но такие встречаются редко. А те, что встречаются, не позволяют себе шутки в мой адрес, чаще они льстят, пытаются привлечь мое внимание откровенным нарядами. К сожалению, они не понимают, как фальшиво и неискренне выглядят.

– Так это отлично, значит, не прогонишь. Кстати, Марк, – тихо рассмеявшись, протягиваю ей руку для знаком-

ства.

Первую пару секунд она смотрит с сомнением, скользит по мне взглядом, словно сомневается в порядочности. Ну да, я парень не без греха, чего таить. Но все же, подумав, она вкладывает свою ладошку в мои пальцы. А меня как будто током прошибает от ее легкого касания...

– Лиза, – представляется и заправляет прядь волос за ухо.

Успеваю обратить внимание на ее тонкие пальцы с аккуратным маникюром. Короткая длина ногтей и нежно-персиковый лак заставляют улыбаться. Нет, ну а что? Я же не виноват, что меня достали девушки с ярко-красными ногтями длиной, как у ястреба.

– Лиза, знаешь, ты очень красиво рисуешь, – делаю ей комплимент по поводу ее творчества и успеваю словить еле заметную улыбку.

– Спасибо. Я учусь в художественной академии, а это зачетная работа за год, – показывает на рисунок недовольно, еле заметно сморщив свой носик, что привлекает мое внимание.

Красивая она, однако.

– И в чем же здесь проблема? – беру из ее рук альбом и кручу в разные стороны, чтобы попытаться понять, что не так в ее работе. Ей, конечно, виднее – она художник, но и профи своего дела.

– Понимаешь, нам задали изобразить закат, но так,

чтобы невозможно было от него оторвать взгляд. Я долго думала, как это сделать, пока случайно по телевизору не увидела фильм «Экипаж». Душа захотела закат и самолёт на фоне. Но как художник я понимаю, что должна почувствовать этот момент и также понимаю, что разглядеть самолет в небе с подробностями слишком сложно. Пришлось в интернете пролистать множество фотографий, изучить самолет, даже распечатать несколько кадров. И вот я здесь и не знаю, что делать дальше, – она закрывает глаза ладошками и качает головой, – чувствую, что сделала что-то не так. Но не понимаю, где допустила ошибку.

Внимательно смотрю на ее творение, особенно на самолёт и нахожусь ошибку. Человек, не связанный с авиацией, ее бы даже не заметил. Он бы оценил работу в целом, но только не Лиза. В глубине души я рад, что она почувствовала неладное. Она совместила два типа воздушного судна, допустив этим грубейшую ошибку.

– Лиза, скажи, пожалуйста, а ты только картинки смотрела или ещё что-то читала про железных птичек? – Если бы глаза человека могли покидать глазницы, её выпрыгнули бы от удивления.

– А разве это имеет значение? Только картинки... – произносит расстроено и прикусывает нижнюю губу, заставляя отвести взгляд.

– Хорошо, тогда слушай внимательно и исправляй ошибку.

ки. Держи альбом, он тебе понадобится. Смотри, есть два мировых гиганта – это Boeing (американская компания и крупнейший в мире производитель) и Airbus (европейский производитель, подразделение EADS, и создатель почти половины мировых самолетов с воздушно-реактивным двигателем). Обрати внимание, нумерация самолётов Boeing начинается с цифры 7, например, 737, 747, 757. А Airbus начинается с цифры 3, например, A300, A310, A318, A319. Также носовая часть Airbus – выпуклая, закругленная, а носовая часть Boeing – заостренная. А у тебя? – Лиза слушает меня внимательно и даже не смотрит на рисунок. Но после того как я повторяю вопрос, переключается на своё творчество и бегая взглядом по рисунку, находит ошибку.

– У меня заостренная. То есть, получается, это всё? Это Boeing? – восклицает удивленно, и я вижу блеск ее красивых глаз.

– Да, он самый. А также можно отличить по хвосту, – не позволяю ей рано обрадоваться и собираюсь продолжить, но она меня перебивает:

– Это как? Разве хвост у самолётов тоже разный? – восклицает удивленно, заставляя усмехнуться.

Мне нравится, что я смог ее заинтересовать...

– Да. Так уж получилось. Но когда самолёт в полёте, то есть заходит на посадку или взлетает, в этот момент не

многие могут различить. Взгляни на хвостовую часть самолета. Airbus и Boeing имеют круговую форму хвостовой части, но с одним исключением – у Boeinga есть некоторая «отпиленность» на конце. А теперь взгляни на свою.

– У меня получилось, что верхняя линия остается прямой, а нижняя сильно закругляется вверх, – шепчет расстроенно.

– И что получается из этого? – наблюдаю, как она задумчиво покусывает кончик карандаша и хмурится.

А я, как идиот, пялюсь на неё без всякого стеснения.

– Ну... Выходит, что у меня хвост Airbus? – её удивление резко сменяется мелодичным смехом после моего подтверждения.

– Да. Именно так, – улыбаюсь вместе с ней и понимаю, что давно так искренне с девушкой не смеялся.

– А есть ещё какие-нибудь различия? – спрашивает она заинтересованно, при этом что-то зачеркивает, что-то дорисовывает и пишет, так что понятно только ей.

– Из внешних, кажется, всё. Это, конечно, из того, что можешь визуально отличить ты.

– А не из внешних? – она кладет альбом между нами, складывает тоненькие руки на коленях и опускает на них голову.

Ее волосы рассыпаются, и я замечаю на правом плече маленькие родинки в виде созвездия «Кассиопея», которое на-

звано в честь жены эфиопского царя, которая когда-то заявила, что она красивее самих нимф. И я полностью согласен, она прекрасна. Так же, как девушка по имени Лиза.

– Не из внешних? Хм... – сажусь так же, как она. Люблю её милую улыбку и замечаю, как радуюсь в душе. – Тогда слушай. Первое – Boeing может пилотировать только человек, Airbus способен функционировать под контролем компьютера. Второе – двигатели на Boeing вытянутые и похожи по форме на овал, а Airbus-ов они всегда круглые. Но это можно заметить, только находясь рядом. Третье – двери на Boeing открываются классическим распахиванием, а на Airbus они отодвигаются. Четвертое – крейсерская скорость у большинства самолетов производства Airbus выше, чем у моделей Boeing. Поэтому преодолевают расстояния они несколько быстрее. Ну как?

– Эм... Смотри, ты здесь был в компании друзей, которые фотографировались на фоне самолета. Девушки, скорее всего, стюардессы. Следовательно, ты либо стюард, либо пилот. Прости меня за скоропалительные выводы, но я слишком любопытная. Так что, я права? – Лиза, произнося свою пылкую речь, полную энтузиазма, вытягивает тонкие загорелые ножки и облакачивается на джинсовую куртку, на которой до того сидела. Её белый хлопковый сарафан свободного кроя, даже не обтягивает грудь, но это не мешает мне любоваться на неё и фантазировать. Представлять её грудь в своих руках, то, какая она сладкая на вкус,

представлять, как девушка довольно выгибается подо мной и просит еще...

– Да, ты права, – сглатываю и продолжаю замороженно скользить взглядом по её телу. По её ключицам и тоненькой шее, переходя к лицу.

Она закрыла глаза, позволила солнышку её ласкать, скользить лучам по стройному телу, и беззаботно улыбнулась.

– И кто же ты? – не открывая своих небесных глаз, тихим голосом интересуется она.

– Пилот. – Раз... два... три...

– Серьезно? Такой молодой, и пилот? – резко распахнув глаза, обращает все свое внимание на меня. Скользит заинтересованным взглядом с нотками недоверия. – Сколько тебе лет?

– Двадцать пять, – широко улыбаясь, наблюдаю за ее озадаченным лицом.

Мне хочется смеяться, неужели она думает, что на пилота учатся до старости лет?!

– Ну а тебе, Дюймовочка? – спрашиваю, обращая внимание на то, как она морицит носик.

Видимо, ей совсем не нравится, когда её называют Дюймовочка. Запомним, не проблема.

– Мне девятнадцать, – снова закрывает глаза и позволя-

ет солнышку ласкать себя. Чёрт, как же я хочу оказаться на его месте. – Сколько ты уже летаешь?

– Два года.

– Понятно. Наверно, один, без девушки и жены. Правда?

– Правда.

– И отношения серьёзные ни с кем не пытался построить. Правда?

– Правда, – отвечаю и понимаю, что меня начинают напирать её вопросы.

Что она хочет услышать?!

– А ты много где был? – И снова этот небесный взгляд с лёгким прищуром, как будто пытается влезть мне в голову и вытащить интересующую информацию.

– Много. Я люблю путешествовать, поэтому, наверно, и выбрал профессию пилота, – срываю травинку и зажимаю зубами, устремляю взгляд в небо, без которого я, кажется, уже не смогу никогда. Как говорил Леонардо да Винчи: «Испытай один раз полет, и твои глаза навечно будут устремлены в небо. Однажды там побывав, на всю жизнь ты обречен тосковать о нем».

Первый раз я летел пассажиром с родителями, когда мне было одиннадцать лет. С того времени я бредил небом и самолетами. К четырнадцати годам уже мог рассказать о них многое, а в шестнадцать определился с училищем и типом воздушного судна, на котором хотел летать. В двадцать три получил диплом пилота гражданской авиации, и

вот два года рассекаю гладь облаков и изучаю мир.

– А ты, Лиза, где тебе понравилось больше всего из тех мест, которые ты посетила?

– У бабушки в деревне, – спокойно отвечает и еле заметно улыбается уголками губ. – Нет, правда. Ты даже не представляешь, как там красиво, а главное – воздух чистый. И река рядом. Поверь, это круче, чем ваши Бали и Мальдивы. А банька, просто шик.

– Никогда не был в деревне, – признаюсь, устремляя взгляд в небо.

Я сказал ей правду, хоть и умолчал о том, что сам далеко не москвич.

– Оно и понятно, куда вам, москвичам, такая роскошь, – Лиза начинает собирать свою сумку с улыбкой на губах. Встает, отряхивает куртку и аккуратно накидывает ее на плечи. – Ну пока, Марк. Приятно было с тобой пообщаться и спасибо за помощь.

– Пошли. Я тебя отвезу, – встаю и направляюсь в сторону машины, но спустя несколько секунд меня настигает ощущение, что иду я один. Оборачиваюсь и вижу, что Лиза так и стоит на месте, переминается с ноги на ногу, явно раздумывая, стоит ли со мной ехать. – Лиза, ты идешь?

– Знаешь, спасибо, конечно, за предложение подвезти, только я, пожалуй, откажусь. Но если ты не против, можешь проводить меня до остановки? – она стоит, нервно трепет лямки сумки своими маленькими аккуратными

пальчиками, смотрит на меня глазами оленёнка, а я просто не могу ей отказать. Ставлю машину на сигнализацию и направляюсь вместе с ней в сторону остановки.

Да пи***ц просто, до нее пилить минут сорок, потом обратно столько же. Мда, кажется, на сегодня лимит доброго Марка исчерпан, и похер, что я обещал завалиться с друзьями в клуб. Домой и спать.

За то время, что мне довелось побыть с Лизой, мы о многом поговорили. Она оказалась очень умной и целеустремленной девушкой. Помимо художественной академии, в которой учится, она также занимается танцами. Об этом говорит стройная фигура. Мне довелось узнать, что родилась она в творческой семье. Папа и старший брат архитекторы в одной процветающей столичной фирме, мама в ней же работает в рекламном отделе. И только она, маленькая девочка по имени Лиза, выбрала художественную академию.

С момента нашего расставания, после того как я лично убедился в том, что Лиза села в автобус, прошло больше двух часов. Я уже дома и впервые за долгое время по-настоящему счастлив. В руке у меня телефон, а в нём забит номер Лизы. Недолго думая, набираю ей простое сообщение, интересуюсь, как добралась, и желаю спокойной ночи.

Спустя несколько минут приходит ответное сообщение: «Спокойной ночи, пилот».

Засыпаю с улыбкой и мыслями о том, какое бы свидание понравилось Лизе.

Глава 4

Лиза

Марк несколько минут молча смотрит на картину, как на нечто неопознанное. В его взгляде не сразу мелькает осознание увиденного. Я вижу, как он потрясен и немного растерян.

– Это ведь мы, Лиза? Наша первая встреча на пустыре? – голос его звучит хрипло и с подозрением, словно Марк не верит в увиденное.

Неволью улыбка расплывается на лице и слезы наворачиваются на глаза. Мой мужчина всё понял, всё то, что я хотела сказать ему за эти годы, но так и не смогла. Он понял, что, несмотря на случившееся, он по-прежнему мне очень дорог.

Смотрю на него, жадно скользя по лицу взглядом. Он так же красив, как и в день нашего знакомства на том пустыре. Только за эти годы сильно возмужал и повзрослел. Черты лица стали мужественнее, пропал озорной огонёк в глазах, теперь увидеть его так же трудно, как камни в Долине Смерти (США). Да и цвет его зеленых глаз не так насыщен, как раньше.

Прошло несколько минут, а он все так же растерян и напряжен. Я знаю, он боится подойти ко мне ближе, потому что знает о моих страхах практически всё. Но, несмотря на это, самую главную и страшную тайну я ему так и не смогла раскрыть. Тогда я просто испугалась, поступила как самая настоящая трусиха, я его отпустила и ничего не рассказала.

А сейчас чувствую, как меня начинает трясти от переживаний и наполняющих эмоций, от того, что он здесь, рядом со мной. Просто протяни руку, и в ответ он протянет свою и крепко обнимет.

Только я не могу ответить ему взаимностью, пока не буду уверена в себе хоть на чуток.

Я боюсь оплошать...

– Д... да. Тогда началась моя сказка. С... самая настоящая сказка, – произношу, заикаясь от переизбытка эмоций и обнимаю себя руками за плечи, нервно сжимая мягкую ткань платья. Внутри меня буря страха и одновременно неземного счастья. Я знаю, мои страхи его ранят. Их осколки безжалостно воткнутся в сердце и оставят кровоточащие порезы. Даже счастье, которое бурлит во мне, словно гейзер, будет не способно заглушить его боль.

Сейчас меня раздражает многое, даже это чёртово желтое платье, которое так нравится Марку. В тот день, когда я его купила и на радостях мчалась домой, чтобы показать свою находку, он искренне смеялся над моей детской непосредственностью. Тогда Марк сказал, что я похожа на яр-

кое солнышко в теплый летний день, и ему безумно нравится смотреть на меня счастливую. Поэтому его надела, потому что мне нравится ловить хоть изредка улыбку Марка и блеск в его глазах. Сейчас, конечно, я больше предпочитаю джинсы-бананы, которые не обтягивают мою попу, и закрытые кофты. Всё это тёмных тонов.

– И моя тоже, лисёнок, – голос его звучит с нотками жалости и боли, и я понимаю его страх.

– Я, кстати, нашла нового психолога, – не могу промолчать, даже не так. Я просто обязана ему сказать, что не сломалась до конца, что борюсь со своими монстрами, поэтому произношу на выдохе.

А страхов за это время накопилось много... Самые страшные – это Страх, Неуверенность, Гаптофобия.

Монстр по имени Страх следует за мной словно тень. Это самый большой и страшный зверь, который живёт во мне и не желает уходить. Как бы я ни пыталась с ним договориться, какие бы доводы ни приводила, пока всё безрезультатно. Он может дать знать о себе в любое время дня и ночи, он постепенно высасывает все жизненные силы. После него я чувствую себя опустошенной.

Монстр по имени Неуверенность. Да, такой тоже есть. Маленькая букашка, постоянно мнущаяся в стороне с опущенной головой, тоже следует за мной, не отставая. Раньше Марк говорил, что я слишком уверенная в себе девушка, под стать ему. То сейчас все далеко не так. Я совсем не увере-

на, что очередной план лечения, прописанный новым психологом, мне хоть как-то может помочь. Не уверена, что когда-либо смогу снова вернуться к прежней жизни, которая была полна ярких красок. Не уверена, что когда-либо найду в себе силы идти по улицам города, не оглядываясь. Я во много сейчас не уверена.

Монстр по имени Гаптофобия. Последние два года мы с ним неразлучные друзья. Он тоже следует за мной как тень, или наоборот. Иногда меня посещают мысли о том, что это я его тень. Из-за него я не желаю контактировать с другими людьми, поскольку испытываю страх, у меня случаются панические атаки. Первое время я даже не подпускала к себе маму, меня охватывала паника. Сейчас я спокойна только с мамой и папой, брата тоже подпускаю, но прикасаться к себе не позволяю. Что касается Марка, тут всё очень сложно. Я, правда, пробовала, боролась первое время, пока не поняла, что так больше не может продолжаться. Как только он ко мне прикасался, меня одолевал страх, я переставала себя контролировать, иногда даже не осознавала своих действий. Он приезжал первую пару месяцев, потом все реже и реже. Сейчас только по праздникам или между командировками.

Самым страшным для меня было осознать причину этой болезни. О настоящей причине мало кто знает, кроме меня и лечащих врачей. Я бы даже не назвала их врачами, с этими девочками я познакомилась в социальных сетях, они несколько лет как окончили университет. Аида, ей двадцать

семь лет, практикуется на семейной психологии. Она и велела мне завести дневник и писать туда всё, что я чувствую и переживаю каждый день. Ставить небольшие цели и в течение дня их достигать. Лена, ей двадцать восемь, практикуется как сексолог. Именно с ней мы и обнаружили мою боязнь мужских прикосновений.

Поняв всю суть ситуации, мне заново пришлось проходить лечение. Именно сейчас я с большой гордостью могу сказать, что делаю огромные для себя успехи.

– Да, Ангелина Андреевна уже успела сказать, – улыбка мелькает на его губах, а взгляд его сосредоточивается на мне.

Меня бросает в дрожь от того, как он смотрит. В его взгляде нет жалости. Там мелькает еле заметная надежда и безграничная любовь. Марк скользит по мне жадным взглядом, а меня штормит и, кажется, что внизу живота собирается ком, требующий выплеска энергии. Но это не так... Я знаю, что прикоснись он ко мне, всё исчезнет как сон. – Как успехи, лисёнок?

– Посоветовали завести дневник, писать туда всё, что захочу. И самое сложное – это каждый день преодолевать свои страхи.

– Получается? – его беспокойный взгляд застаёт меня врасплох.

Я не знаю, как ему сказать о своем маленьком достижении. Пока он любовался картиной, я, не ожидая от себя таких подвигов, смогла закрыть дверь.

– Да, – решаюсь на отчаянный шаг и смотрю на закрытую дверь. – Одно задание на день из дневника выполнено, – выдыхаю я.

Мне, кажется, что сейчас мою улыбку невозможно стереть с лица.

Марк, проследив за моим довольным взглядом, медленно оборачивается. Я чувствую, как он напряжен, а вместе с ним и воздух в комнате, отчего становится тяжело дышать.

– Лиза, ты как себя чувствуешь?

Бойтся. Это видно невооруженным взглядом. Плечи напряжены так, что видны бугры мышц через тонкую ткань рубашки. Руки сжаты в кулаки, еще немного – и заскрипят швы на брюках в районе карманов.

А ещё он зол на себя. Отводит растерянно удивленный взгляд, чтоб я не увидела страха.

– Всё хорошо. Только ты, пожалуйста, ближе не подходи, – произношу тихо, продолжая стоять на месте.

Знаю, ему больно слышать такое от родного человека. От того, с кем два года брака делил одну кровать и одно одеяло.

Но я борюсь между желанием его обнять и остаться на месте. Сейчас мне проще любоваться им на расстоянии, чем лить горькие слезы, скрутившись в комочек на кровати.

– Да, конечно, – Марк отходит в противоположную сторону комнаты и садится на диван, усыпанный разноцветными декоративными подушками. Скрепив руки в замок, ставит локти на колени и задумчиво смотрит в окно.

Зная его столько лет, с уверенностью в сто процентов могу сказать, что что-то случилось. Что-то серьезное и важное для него. Для нас.

– Нам надо поговорить, лисёнок, – произносит еле слышно, скользя по мне мрачным взглядом.

Сердце начинает отбивать чечетку, к горлу подступает тошнотворный ком страха.

Только не это... Пожалуйста, нет. Я не готова слышать, что у него кто-то есть. Кто-то важнее меня. Я знаю, что у него есть другие девушки. Но это несерьезно, это просто мужская физиология, потребность организма.

Но почему именно сейчас, когда у меня начало что-то получаться? Почему именно сейчас он хочет оставить меня одну?

Я не готова его отпустить. Просто умру, если он меня оставит.

– Марк, что случилось? – голос дрожит от переполняющего меня страха.

Боюсь услышать ответ.

Залезаю на кровать, обхватив колени руками и положив на них подбородок, как бы защищаясь от монстров. Но это не спасает... Я чувствую, как Страх и Неуверенность ведут спор между собой, кто первый меня атакует. Посеет во мне зернышко тревоги, которое с каждым днем будет прорастать все больше и больше, пока не поглотит меня полностью. Оставив лишь никому не нужную оболочку. На глаза наворачиваются слёзы, стоит моргнуть, и они польются рекой.

– Месяц назад я проходил собеседование в «Арабских авиалиниях». Ты знаешь, я давно туда хотел. Ты даже английский тогда начала учить усиленно... Когда-то мы строили планы жить там вместе, – он замолкает на несколько секунд и, грустно усмехнувшись, продолжает: – Пару дней назад мне позвонили и пригласили на работу.

– Когда улетаешь?

Губы немеют и голос дрожит, когда я заставляю себя задать интересующий меня вопрос.

Горькие слезы, полные разбитых надежд, текут по покрасневшему лицу ручьем.

Марк встаёт и направляется к моему письменному столу, открывает верхний ящик и достает салфетки. Он все помнит. Медленно подходит ко мне и, не прикасаясь, просто кладет их рядом.

– В конце следующего месяца.

После того как Марк уезжает, оставшееся до ночи время

я посвящаю себе. Лежа на кровати, скрутившись комочком, оплакиваю разбитую любовь к лучшему мужчине на свете. Вот и все, он сдался.

Но сдалась ли я? Готова ли я отпустить его в другую страну?

Похоронить наши планы на будущие, выкинуть свадебное платье, которое до сих пор висит в шкафу, напоминая о лучшем дне в моей жизни?

Подорвавшись среди ночи, я звоню девочкам и рассказываю все. Абсолютно ВСЕ!

У меня есть ровно двадцать четыре дня, чтобы хоть что-то изменить в наших и так шатких отношениях.

Я смогу. Я справлюсь.

Слишком сильно его люблю, что отпустить в чужую страну одного.

Глава 5

Лиза

«Привет, мой дорогой дневник. Теперь мы с тобой будем встречаться намного чаще, чем хотелось бы. Ты прости, что так искренне это пишу, но по-другому просто никак.

На твоих страничках я буду оставлять свои мысли, чувства и желания.

Мысли о непреодолимых страхах, переживаниях и любви к единственному мужчине в моей жизни.

Самой большой и настоящей любви. Той, о которой слагают легенды... Той, о которой мечтают девочки еще со школы и взрослые женщины с опытом за плечами... Той, которая заставляет страдать и безжалостно вырывать серд-

це, оставляя кровоточащие раны. Они со временем заживают, но превращаются в уродливые рубцы. Уродуя наши души.

Я буду делиться планами на будущее. Счастливое будущее, в котором не будет ужасающих ситуаций и запаха смерти.

Будущее, в котором мы снова будем просыпаться по утрам от солнечных зайчиков на наших лицах. В котором будем строить планы на жизнь и путешествия. Мы ведь так хотели поехать в тур по Европе в арендованном доме на колесах.

Но это всё будет потом. А сейчас...

Дорогой дневник, сегодня четвёртый день, как мы с тобой друзья.

Сегодня четвертый день, как я не виделась и не разговаривала с Марком.

Я, конечно, могу ему написать, спросить, как дела, и так далее. А он, несомненно, ответит. Он всегда отвечает, когда есть возможность. Исключения – небо.

Но нам нужно время. Хотя нет, вру... Это время нужно мне, чтобы собрать себя по кусочкам до конца. Склеить ту самую Лизу, которая плакала от счастья, увидев его имя на экране телефона.

Итак, план действий на завтра:

Встретиться с Марком.

Позволить ему до меня дотронуться.

Мне чертовски нужна уверенность в том, что я сильная, и все мои старания не напрасны. Я справлюсь, как бы тяжело ни пришлось.

На сегодня все.

Пожелай мне удачи, мой дорогой дневник».

Ставлю точку и убираю обычную зеленую тетрадку в клетку в шкаф письменного стола, под свои рисунки. Я знаю, что в мою комнату никто не зайдёт без стука, но мне так спокойней.

Не хочу, чтобы самые близкие люди залезали в мою душу и потрошили ее. А это случится, когда, прочитав все, они устроят мне допрос с пристрастием.

Встаю, подхожу к белому шкафу, чтобы взять нежно-синее полотенце и сменное бельё, после направляюсь в душ. Под струями горячей воды меня накрывает странная паника. Она душит, сковывая горло медными тисками. Заставляет биться в конвульсиях и громко рыдать. Несмотря на горячую воду, мне холодно и чертовски больно. Хочется свернуться комочком в доме на Овражной улице. Хочется почувствовать тепло любимых рук.

Трясущимися руками выдавливаю гель для душа, мой любимый, привезенный Марком с Бали, на мочалку. На протяжении нескольких минут пытаюсь хоть как-то помыться.

Жестко тру нежную кожу до покраснения, но истерика, вызванная паническим страхом, не проходит.

Меня трясёт от осознания близости встречи с Марком.

Выхожу из душа на ватных ногах, вытираюсь полотенцем и надеваю свою любимую пижаму с зайчатами на груди.

Находясь в комнате, беру телефон, подаренный Марком, и включаю наш с ним плей-лист. Любимые песни, одна за другой, звучат из динамика телефона, унося меня в прошлое.

Мы часто слушали музыку, сидя на полу у панорамного окна с видом на аэропорт. Наливали по бокалу белого вина и любовались огнями ночной Москвы и взлетно-посадочной полосы. Любили разговаривать о наших интересах и успехах, строить планы на жизнь.

У Марка в гостиной на всю стену висит карта мира, сделанная из деревянного полотна. Только представьте, какая красота. Темно-синего цвета стена, а на ней миниатюрные континенты, страны и города-миллионники. Он отмечает страны и города, где успел побывать. Мне безумно понравилась эта идея, и я, словно обезумевшая, не удержалась и начала искать такую же. Маленькую копию. По обоюдному согласию мы решили найти ей место в нашей комнате и отмечали там города и страны, где были вместе. Только Я и ОН. У нас даже был планер путешественника в темно-бордовой обложке. Мы вместе выбирали страну и город, который хотели посетить. Вместе составляли подробный маршрут с гостиницами и транспортом, а также не забывали про цены.

Наши путешествия всегда были наполнены эмоциями и яркими воспоминаниями. Пусть это было несколько дней или недель. Но они только наши.

Сейчас, лежа на кровати под теплым одеялом, я слушаю этот плей-лист в одиночестве.

Мне не хватает его нежных объятий и ласковых слов...

Закутавшись потеплее в одеяло, я пытаюсь расслабиться и хоть немного успокоиться. Последнее время медитация – единственная вещь, с которой я смогла подружиться. Поэтому, перевернувшись на спину, закрываю глаза и пытаюсь ни о чем не думать. Музыка звучит тихо, голос французской певицы постепенно расслабляет.

Мне потребовалось больше получаса, чтобы взять в руки телефон. Пальцы снова начали трястись. Эмоции на пределе. Я боюсь, что услышу не его голос...

Знаю, глупо бояться подобного. С учетом того, что мы так давно в разлуке.

Закрываю глаза и нажимаю кнопку «Вызов», отрезая пути назад. За то время, что я слушаю гудки, мне кажется, проходит целая вечность. Я слежу за секундной стрелкой на настенных часах и слушаю монотонные гудки. Проходит почти минута, целая минута, а гудки всё идут и идут, стрелка всё тикает и тикает.

Снова закрываю глаза и чувствую, как катятся по щекам соленые и горькие слёзы.

– Да. – Резко открываю глаза и не верю, что слышу родной

и до боли любимый голос. – Лисёнок, ты меня слышишь?
Что-то случилось? – в его голосе звучит тревога.

Он до сих пор переживает за меня.

– Д... да, случилось, – произношу сиплым голосом.

Мне страшно, что я испугаюсь и завтра просто не выйду из дома. Но я должна ради нас перешагнуть через свои страхи.

– Я жду.

– Нам надо встретиться, Марк.

– Да, конечно. Когда тебе удобно, Лисёнок?

– Завтра, – слишком резко произношу, пугаясь саму себя.

– Хорошо. Во сколько мне заехать? – произносит ласково, заставляя раненое сердце биться сильнее.

Улыбается. Он улыбается, я чувствую.

– Завтра. В двенадцать дня, – улыбаюсь в ответ, заправляя прядь волос за ухо.

Мне кажется, что сейчас счастливей меня никого нет.

– Хорошо, а куда ты хочешь пойти?

Я знаю, что он уже планирует нашу встречу. Мысленно записывает план, куда мы пойдем и что будем делать.

– В парк. Я хочу просто в парк, Марк.

– Хорошо, будет просто парк, Лисёнок. Завтра в двенадцать заеду. Целую.

– Пока, Марк, – слышу, как он усмехается и разъединяет связь.

Заваливаюсь на кровать и улыбаюсь, как сумасшедшая. Проваливаюсь в объятия Морфея, представляя нашу встре-

чу завтра.

Глава 6

Марк

– Лисёнок, я у подъезда. Спускайся.

Сказать, что я счастлив? Да я охренеть как счастлив. Со вчерашнего вечера, когда увидел входящий от Лизы. Сначала даже не поверил, проморгался несколько раз, подумал, может, снится очередной сон с ее участием, но всё оказалось наяву. Она звонила. МНЕ!

Входящий от неё, и она, счастливая на фото, сделанное на Бали в наш медовый месяц. Мы тогда обедали в одном из лучших ресторанов с открытой террасой на пляже, ноги утопали в тёплом песке, солнце пряталось за горизонт, даря туристам малиновый закат. Я что-то тогда сказал, а она мило улыбнулась, и на щеках появились ямочки. Мне так понравилась ее искренняя улыбка, что я не смог упустить такой момент и сфотографировал на память.

Но это было тогда...

Сейчас я паркуюсь у её подъезда, спешу покинуть машину и опираюсь о капот своего любимого Range Rover Evoque.

Трясущимися руками достаю пачку сигарет, кое-как прикуриваю. Сделав убийственную затяжку, устремляю взгляд в небо. Там, на высоте более десяти тысяч метров, виден конденсационный след самолёта, украшающий небесную гладь. Видя четыре еле заметные полосы, успокаиваюсь.

Я не могу сказать, сколько так простоял, смотря на след, оставленный огромным авиалайнером, но в какую-то минуту услышал хлопок закрываемой двери подъезда. Краем глаза смотрю в сторону и вижу её.

Она стоит в пяти шагах от меня в широких рваных джинсах и бирюзовом свитшоте. Волосы ее собраны в высокий хвост, на лице минимум макияжа. Васильковые глаза выглядят безумно привлекательно.

Лиза переступает с пятки на носок и прячет руки за спиной в замок. Почему я так думаю? Да я просто знаю. Дебильная привычка, когда она волнуется.

Смотря на нее, сжимаю кулаки от понимания, как мне дико хочется её обнять и поцеловать...

Отгалкиваюсь от машины и встаю напротив. Улыбаюсь как безумец.

– Здравствуй, Лиза.

– Здравствуй, Марк.

– Ты готова к приключению, лисёнок? – интересуюсь, кажется, дрожащим голосом.

Нервно переступая с пятки на носок, копирую её действия. Да, мне страшно, так же, как и ей. Может, даже боль-

ше. Мы оба не знаем, каков будет исход сегодняшнего дня, который планируем провести вместе.

– Давай попробуем.

Обхожу ее стороной, стараясь не прикасаться. Ей пока это ни к чему, да и мне тоже. Открываю пассажирскую дверь своего внедорожника, рукой приглашая ее сесть. Она очень быстро запрыгивает на сиденье и закрывает дверь сама, не давая помочь.

Усмехаюсь и обхожу машину, сажусь на свое место и устремляю взгляд вперед. Только что из подъезда вышла женщина с мальчишкой лет семи. Он, взяв ее за руку, прыгает рядом и болтает.

Когда-то я тоже мечтал о семье, детях... Да что врать? Я и сейчас об этом мечтаю.

От злости сжимаю руль так, что белеют костяшки пальцев. Лиза это замечает, начинает нервничать и елозить на сиденье, а я проклиная себя последними словами. Идиот. Напугал девчонку.

– Всё в порядке, Марк? – спрашивает еле слышно и сжимает кулаки на коленях.

Нет, б**, не в порядке. Я, сука, хочу ее обнять, прижать к себе, как раньше. Хочу обхватить рукой ее тонкую шею и притянуть к себе, впиться в сладкие губы и просто вдыхать аромат ее тела. А вместо этого сижу и сжимаю руль, чтобы не сорваться и не наделать глупостей.

– Да, всё хорошо. Едем?

– Едем.

– Куда ты хочешь, Лисёнок?

– Не знаю. Давай в наш парк? Будем уток кормить.

Снова усмехаюсь, в этом вся Лиза. Она любила их кормить, когда мы гуляли в парке или у водоёма. Мне приходилось в ближайшем ларьке или магазине покупать буханку или батон. Лиза всегда это делала с заботой, иногда даже что-то приговаривала, подзывая уток.

Такая забавная и милая была...

– Хорошо, поехали. Пристегнись, Лисёнок.

– Д... да, конечно.

Дрожащими руками она хватается за ремень безопасности, пытается пристегнуться. Я вижу, как ей сложно, но не могу помочь... потому что боюсь...

Всю дорогу мы едем молча, и мне это даже нравится. Нравится то, что она рядом со мной. Да, пусть она нервничает, но, несмотря на это, она рядом, сидит на соседнем сиденье и смотрит в окно.

– Пойдем, Лиза, – протягиваю руку, стоя у открытой двери автомобиля с её стороны.

Лисёнок так сильно о чём-то задумалась, что даже не замечает, что мы приехали.

– Прости.

Она улыбается, а от солнечных зайчиков, которые попадают на её лицо через лобовое стекло, жмурится и морщит маленький носик. Говорю, слишком милая.

Сама выходит из машины, не позволяя помочь. Ставлю машину на сигнализацию и взмахом руки приглашаю Лизу последовать ко входу в парк. У яркой клумбы с цветами замечаю палатку со сладкой ватой и, недолго думая, направляюсь к ней. Лиза идёт рядом со мной и не отстаёт. Она только улыбается, когда видит, что я беру две ваты: мне простую, ей вишнёвую.

– Ты помнишь, что я люблю вишневую?

– Я помню всё, Лисёнок. – От моих необдуманных слов моя девочка немного расстраивается. Какой же я осел всё-таки... – Прости, я не подумал...

– Нет, всё хорошо. Всё равно рано или поздно мы должны были поговорить об этом. Нормально поговорить. Понимаешь? Не так, как сейчас. А сесть и поговорить... Мне есть что рассказать, понимаешь?

– Понимаю, но черт возьми, – пинаю первый попавшийся под ноги камень. – Я не хочу, чтобы ты вспоминала всё то дерьмо, Лиза.

– Я всё равно этого никогда не забуду. Да, со временем такой жуткой боли, как будто все кости переломали, не будет. Но и стереть это из памяти тоже не получится, как бы я этого ни хотела.

Дерьмо. Дерьмо. Всё это полнейшее дерьмо. Меня жутко бесит, что здесь я ничего не могу сделать, чтоб ей стало легче.

Лисёнок останавливается, заводит руки за спину и смот-

рит в небо. В небо, в котором высоко летит самолёт, она смотрит и улыбается ему. А я смотрю и улыбаюсь ей.

Внезапно ко мне приходит «гениальная» идея, хотя сомневаюсь, что Лиза её одобрит. Но ведь попробовать никто не запрещает?!

– Лисёнок, а давай полетим куда-нибудь? Хотя бы на два дня. Как ты на это смотришь?

Она стоит, продолжая улыбаться, будто меня не слышит. Понемногу на её губах пропадает улыбка, к ней приходит осознание. Она принимается качать головой, настороженно-го глядя на меня.

– Ты это сейчас серьезно, Марк?

– Да. Тебе надо сменить обстановку. Нам надо. Понезhimся на каком-нибудь карибском пляже, поваляемся под пальмами и попьем кокосовых коктейлей, покупаемся.

– Я не знаю, боюсь...

– Хорошо, тогда давай сделаем это позже.

– Что сделаем? – вопрос звучит слишком тихо, а огромные васильковые глаза смотрят на меня не моргая.

– Потом полетим. Пошли, нам надо еще батон для уточек взять.

– Точно, уточки.

В первом попавшемся магазине покупаем не только батон, но и шоколад с водой. Так уж получилось, что Лисёнок безумная сладкоежка. И в такой маленькой радости я не могу ей отказать. У нас в квартире, до сих пор считаю свою квар-

тиру нашей, наверно, я безумец, но по сей день её закладки с шоколадом находятся на своих местах.

На пруду мы проводим больше часа, кормим этих чертовых уточек (как же без них) и пытаемся поговорить. Я понимаю, она хочет отвлечься от предстоящего разговора, который вряд ли пройдет без последствий. А я готов ей в этом помочь, даже если это уточки, бл*.

– Марк, я тут подумала...

– Продолжай.

– Я могу приехать к тебе на квартиру? – ее голос настолько звучит тихо, а слова кажутся миражом, что я, застыв на миг, как истукан, перевожу на нее растерянный взгляд.

Она не смотрит на меня, просто делает вид, как сильно её интересуют уточки. А может, они действительно круче моей удивленной физиономии?

– К нам, Лисёнок. Это наша квартира, и ключи у тебя есть. Всегда есть.

– Прости. Просто я считаю, точнее, не я. А Аида, она мой психолог, хорошая девочка. В общем, она посоветовала поговорить с тобой на той территории, которую я хорошо знаю. А это твоя, точнее, наша квартира. Так вот... я подумала и решила, что пора. Пора идти страхам навстречу, начать их истреблять и объявить им войну. Но мне нужен сильный напарник, такой как ты, понимаешь?

– Я должен принять в твоём лечении прямое участие?

Сказать, что я ошеломлен ее заявлением? Да ни хрена. Я

надеялся на подобное, почему-то мне казалось, что смогу ей помочь побороть страхи, которые так глубоко сидят. Но для этого она должна мне довериться, как сейчас.

– Д... да. – Лиза всё это время смотрит на грёбаных уточек. И только сейчас закрывает глаза и на выдохе произносит своё желание: – Да, все именно так.

– Хорошо. Что от меня требуется, Лисёнок? – интересуюсь тихо, понимая, что счастье еще возможно.

Во мне столько любви, что я просто обязан поделиться ею с ней. Лиза единственная, кому я позволил вить из себя верёвки. До сих пор...

– Я веду дневник. Каждый день ставлю по две цели и выполняю их. Одну уже выполнила. Я сейчас нахожусь в одном из красивейших мест мира и рядом со мной самый лучший мужчина. – Она смотрит прямо мне в глаза не моргая, а на её щеках появляется румянец, по которому я так скучал.

Улыбаюсь как идиот. Я счастлив.

– А вторая? Ты говорила о двух целях на день. Вторая какая?

– Обними меня, Марк...

Твою мать... Я смотрю на неё ошалевшим взглядом и не верю в то, что услышал. Два года, грёбаных два года я мечтал об этом. А сейчас очкую, как подросток перед первым своим разом.

Лисенок смотрит на меня тревожно, в её глазах виден страх и желание. Хреновые, мало совместимые вещи.

Глубокий вдох – выдох. Шаг к ней, моей маленькой девочке. Нет, за это время она не выросла, всё так же не дотягивает мне и до подбородка. Грубыми пальцами убираю прядь её волос, которая так и норовит попасть ей в глаза, за ушко. Такой простой жест раньше будоражил ее сознание, в принце, сейчас мало что изменилось. Лиза глубоко вдыхает аромат моего парфюма, её любимого, и закрывает глаза с лёгкой улыбкой на лице. Не спеша, касаюсь её мягких волос и зарываюсь своей пятерней в мягкие густые локоны с запахом кокоса. Дышу ею. Другой рукой нежно обнимаю за талию и притягиваю к себе.

Лисёнок постепенно расслабляется в родных объятиях. Я чувствую её почти ровное дыхание на своей груди. Своими маленькими пальчиками она пробирается к моей спине, сцепляет пальцы в замок. Мы часто любили так стоять, дышать и чувствовать друг друга. Лиза говорила, что так она лучше улавливает моё настроение. Хотя мне всегда казалось, что она просто любит обниматься.

Мы стоим так пару минут, а кажется, будто прошла вечность. Мне ужасно мало...

– Марк, мне пора, – посмотрев на меня снизу вверх, она улыбается.

Она счастлива, по-настоящему сейчас счастлива.

Я не тороплюсь её отпускать, так и держу в своих объятиях, только боюсь крепче обнять. Не хочу ее пугать своей одержимостью.

– Конечно, Лисёнок. Только подари мне ещё несколько минут.

Снова притягиваю её к себе, а она и не сопротивляется.

Из парка мы выходим за руки, как парочка в букетно-конфетный период.

– Мне на Летнюю. Отвезёшь?

Смотрю на неё, вопросительно вздернув бровь. Ничего не понимаю.

– Лисёнок...

– Мне надо к Лене, у нас занятие...

Моя девочка смущается и мило краснеет. Аккуратно беру её нежные пальцы и переплетаю в замок со своими. Смотрю прямо ей в глаза со всей нежностью, что есть сейчас во мне. Хочу сказать, что она может мне доверять, как раньше, как всегда это делала.

– Маленькая моя, прости, но Лена – это у нас кто? – спрашиваю тихо, смотря в любимые глаза.

Да, знаю, я дурак, что ни черта этого не помню. А может, она и вовсе не говорила.

– Сексопатолог?

Она смотрит на меня стеснительно и, прикусив губу, отводит взгляд в сторону. Я хочу её поцеловать. Кое-как останавливаю себя и, прикрыв веки, перевожу дыхание.

– Тогда поехали.

Всю дорогу до нужно нам места я не отпускаю руку Лисёнка, просто не могу.

Глава 7

Лиза

Часто говорят, что кабинет психолога навевает тоску и желание как можно скорее его покинуть. Ведь мало кому нравится, когда из него вытягивают душу. Заставляют обнажиться перед посторонним человеком душевно. Вот и у меня так же было раньше – желание сбежать и скрыться.

– Тебе как обычно? – украдкой интересуется Лена, взглянув на меня из-за плеча.

– Да, конечно, – киваю и снова погружаюсь в свои мысли.

Светлый кабинет, оформленный в стиле минимализм с тропическими мотивами, по-своему действует успокаивающе. А мягкий диван нежно-салатового цвета так и вовсе действует расслабляюще. Стоит ли говорить, что заваренный девушкой чай с мятой вызывает доверие? Думаю, нет.

– Ну что ж... приступим. – Открыв блокнот для записей, строго произносит Елена Константиновка. Увы, в стенах кабинета только так.

– Да, давай, – делаю глоток чая и, смакуя вкус мяты на языке, продолжаю: – У нас была встреча... или свидание, я не знаю. Запуталась... Все начиналось как простая встреча, а потом он купил сладкую вату, буханку хлеба и мне шоколад-

ку с водой. Понимаешь? Шоколадку и воду! Он ВСЕ ПОМНИТ! ВСЕ! Я не знаю, что делать... и так боюсь его потерять...

– Это ведь не все? – профессионально намекнув на недоговоренность, девушка мило улыбается и вдыхает аромат мелисы и мяты.

– Нет, не все, – прикрываю глаза и глубоко вдыхаю, а затем на выдохе произношу то, что так греет душу последние полтора часа. – Мы обнимались.

– Хорошо, – взяв ручку и записав данную новость в блокнот, строго продолжает: – Ты поговорила с ним?

– Попросила его помощи, – ступавшись, обнимаю себя за плечи и смотрю в окно, где солнце прячется за крышами домов.

– Лиза, пойми, что это нужно тебе и только тебе! По твоим словам, он ничего не знает, понимаешь? Мужчины, они такие, если им не рассказывать ВСЕ, они могут наворотить кучу ненужных дел. Много ненужных дел, Лиза. А Марк твой не такой! Он боится лишний раз сам к тебе прикоснуться, понимаешь? Недосказанностями ты делаешь только хуже.

– И что ты предлагаешь? Сказать ему, что я боюсь интимной близости? А причина? «Марк, прости, но меня “порвали”»? Ты издеваешься? – рявкаю, понимая, что это предел моей сдержанности.

– Расскажи. Ты смогла рассказать это мне... сможешь и ему, – пропустив мимо ушей мой срыв, настаивает на своем

Лена. Прямо профессионал своего дела.

– Тебе легко говорить... – заключаю очевидное.

– Да, легко. Но такими вещами нелегко делиться. А ты смогла рассказать это маме, смогла принять это. И он поймет, я уверена в нём. – И взгляд такой честный-честный, аж тошно становится.

– Я знаю, что должна. Но не могу вот так вот сразу с обрыва в воду! Это будет больно! Понимаешь? – Она кивает, и я понуро продолжаю: – Я сказала ему сегодня, что мы должны поговорить. Просто Марк, он бывает слишком импульсивен, я боюсь за него. – Ставлю локти на стол против правил этикета и закрываю ладонями лицо.

Сердце разрывается на мелкие кусочки только оттого, что понимаю, какую невыносимую боль причиняю Марку. Он и так себя винит в случившемся, а тут еще с продолжением проблем.

– Лиза, всё рассказать, значит, ВСЕ.

Она что с ума сошла?! Вот так вот сразу?! Да мне легче в ванной утопиться.

– Всё? – шиплю, смотря на довольное лицо психолога и понимаю, что у меня появилась идея фикс: прибить ее нафиг с ее глупыми, но такими правильными советами.

– Да. – Она снова утыкается носом в блокнот и начинает писать, не обращая внимания на мое шипение. – Запомни, в первую очередь это надо тебе. Иначе ты не сможешь расслабиться, зная, что у тебя есть тайна. Это всегда будет между

вами, пойми это.

– Понимаю. Хорошо. Я расскажу ему всё.

– Молодец, девочка. – На этих словах заканчивается эмоционально выматывающий сеанс.

Кабинет психолога я покидаю спустя час, уверенная в том, что пора действовать. Проблемы на то и даны, чтобы их решать и становиться сильнее, независимее. Кажется, пришла моя очередь доказывать окружающим, что меня еще рановато списывать со счетов. Новый путь или дорогу к счастью, называйте так, как вам будет удобнее, я решаю начать с танцев. С тех самых, которые так нравятся Марку.

Помню, когда он в первый раз увидел меня в полумраке комнаты, висящей на пилоне, был приятно удивлен. Он смотрел так жадно, так по-собственнически, что уже тогда я была готова сдаться и отдаться ему полностью. Но я обещала танец, а он небо в алмазах... и ведь исполнил свое обещание сразу после танца.

Оказавшись на улице, обращаю внимание на автомобиль Марка, припаркованный на том же месте. А он как ни в чем не было сладко спит. Тихо открываю дверь и забираюсь в салон, продолжая украдкой разглядывать красивое мужское лицо. Сильное. Волевое.

– Ты не обязан меня ждать, – произношу тихо, когда он открывает глаза и фокусирует на мне сонный взгляд.

– Я знаю.

В его взгляде таится теплота, нежность и никому не нуж-

ная боль. Чувствую, что от переполняющих меня чувств глаза становятся влажными. Я так давно не видела его таким. Нежным. Родным.

– Спасибо.

Всего лишь одно слово, но для него это важно, так же, как и для меня. Он аккуратно касается большим пальцем моего лица, стирает слезинки. Бережно кладет другую руку на талию и притягивает к себе, обнимает. В его руках я расслабляюсь и даю волю эмоциям. Он ничего не говорит, просто обнимает и гладит по волосам, это именно то, что мне надо. Сейчас надо. А он? Он все понимает. Вот так вот – без слов!

– Поехали, Лисёнок.

– Да, конечно.

До моего дома мы доезжаем в тишине, взявшись за руки. Марк никак не хочет меня отпускать, будто боится, что я исчезну, испарюсь. Крепко сжав мою ладонь, провожает до двери квартиры и сдает родителям, которые в один голос просят его остаться. Искренне улыбнувшись, он прощается, сказав напоследок:

– Лизе надо о многом подумать.

Ну почему он всегда прав?

Глава 8

Лиза

«Привет, мой дорогой дневник.

Я каждый день изливаю тебе свою душу, делюсь с тобой своими болезненными переживаниями и непреодолимыми страхами. Но только не сегодня! Ты слышишь меня? Не сегодня!

Хотя о чём это я? Разве бумага может слышать?!

Разве что хранить чужие тайны... и мои.

И сегодня я хочу поделиться с тобой воспоминаниями о той жизни...

Жизни, где не было забот и страха. Жизни, где каждое утро было с улыбкой на лице. Где мы вместе готовили, и неважно, завтрак или обед. Жизни, наполненной яркими красками, даже если это зима и на улице всё мрачно. Где два разных человека, которые не могут друг без друга. Жизни, где пилот, который не видит жизни без неба, и художник,

который не может без запаха краски и холста, всегда вместе. Жизни, где есть любовь.

Дорогой дневник, сегодня хочу я поделиться с тобой хорошими воспоминаниями о той самой жизни.

Теми, что согревали мою израненную душу эти годы. У меня сегодня замечательное настроение. И нет, я не видела Марка. Я всего-то просматривала наши совместные фотографии.

Хочу поделиться с тобой воспоминаниями о своем первом полёте на самолёте. Да-да, на тот момент, когда мы познакомились с Марком, я никогда не летала на самолёте и не бывала за границей. Так уж получилось, что моя семья не была зависима от подобного отдыха. Мама и папа предпочитали дачу, а вот брат с женой любили раз в год слетать куда-нибудь.

Так вот, дорогой дневник, в свой первый полёт я очень переживала и боялась настолько, что по десять раз проверяла чемодан и документы. Марк сказал, что рейс в девять утра, значит, выехать мы должны не позже шести утра. Тогда я не обратила на это внимания, ведь до аэропорта меньше часа. А, как оказалось, зря...

В ту ночь я очень долго не могла уснуть, жутко переживала, и в итоге проспала. Он позвонил утром, а я ещё была в тёплой кровати. Честно? Мне так стыдно не было никогда. Помню, как я резко подорвалась и принялась носиться по комнате, благо вещи заранее приготовила. К Марку я вы-

бежала с опозданием на пятнадцать минут. И толком не обратила внимания, во что он был одет.

Уже на регистрации, когда он сказал, что дальше я сама, а он будет ждать меня в самолёте, заметила, что он в форме. Впервые увидела пилота так близко. Он снял верхнюю одежду и был в потрясающе красивой форме пилота. Три золотых полоски украшали рукава пиджака, как потом сказал Марк, они называются галуны. По их количеству можно определить значение пилота. Четыре галуна – командир воздушного судна (КВС), три – второй пилот, как мой Марк. Также три лагуна у бортинженера. Два можно встретить на униформе бортпроводников (стюардесс и стюардов), а также у курсантов летных училищ, которые совершили хотя бы один самостоятельный полет. Одна полоса венчает погоны курсантов, которые только проходят летную подготовку и не имеют самостоятельных вылетов.

Тогда я поняла, почему многим так нравятся пилоты. Мой Марк чертовски сексуален в темно-синей форме. В тот момент я смотрела на него влюбленными глазами глупой девушки. Также я смотрю сейчас на нашу совместную фотографию, сделанную тогда несколькими минутами позднее. К нам подошёл Степан Викторович, с которым Марк летал на тот момент, и щелкнул нас на память.

Дорогой дневник, на этой фотографии я стою в обнимку с самым любимым и родным мужчиной на свете. Со своим пилотом. На тот момент я и забыла, что это был мой

первый полёт.

Дорогой дневник, есть ещё история, которая произошла на самом прекрасном острове в мире. Это был день рождения Марка, и отмечали мы его на Санторини.

Никогда бы не подумала, что влюблюсь в белоснежные виллы, которые построены прямо на вулканических скалах. Церкви с голубыми куполами, возвышающимися над сверкающим морем. Яркие акценты бугенвиллии дополняли этот идеальный холст. Именно эта красота изображена на фотографии – город Ия. Мы с Марком находились на террасе своего номера и любовались нереальной красотой этого города. Тогда я просто не смогла удержаться и сделала несколько селфи-кадров. И что скрывать?! Получилось очень красиво.

На фотографии мы стоим в обнимку и, загорелые и счастливые, улыбаемся, а за нами потрясающей красоты город.

Ия хорошо известна благодаря закатам, которые можно отсюда наблюдать, и мы с большим удовольствием это делали. Сидели на террасе нашего номера и пили восхитительное вино, периодически отвлекаясь на закат.

Дорогой дневник, а ещё мы были на Камари, где по пути заглянули в художественную галерею, расположенную в Аргирос Канаве, одной из старейших на острове виноделен. Стены старых винных пещер увешаны великолепными картинами, а в углах и нишах разместились скульптуры. Ос-

нову коллекции этой галереи составляют работы тридцати двух современных греческих и иностранных художников. Эта галерея произвела на меня незабываемое впечатление, мне очень понравилось, как художнику особенно.

А также владелец Аргирос Канавы не забывает и про виноделие: часть комплекса отведена под производство нескольких звездных сортов, продаваемых под маркой Art Space Wines. То вино было безумно вкусным. Ах, сейчас я тоже не отказалась бы от бокальчика красного...

Дорогой дневник, а вот день рождения Марка мы решили отметить на острове Тирасия, на котором редко бывают туристы. От того здесь очень спокойно и безумно красиво. В одном из ресторанов на пляже мы взяли еду и вино, а маленьком порту острова у местного жителя арендовали лодку и узнали о прекрасном месте, которое известно только местным.

Это оказался совсем небольшой пляж, спрятанный под навесом скалы. Мы оказались будто на необитаемом острове, почувствовали настоящую романтику природы и её красоту.

Я никогда не забуду Грецию с её белыми домиками и божественными закатами. И тот день рождения Марка. Он тогда в первый раз признался мне в любви.

Так искренне, по-настоящему...

Вот так вот, дорогой дневник, бывает.

А ещё бывает так, что я, оказывается, не люблю капер-

сы. Марк долго смеялся и подкалывал тем, что я выковыривала их из всех блюд, где они попадались. Ну скажи мне, дневник, разве я обязана их любить?

Знаешь, в этих путешествиях есть ведь и приятные моменты, которые невозможно забыть, даже сломленному человеку.

Дневник, а ты знаешь, как я вышла замуж? Точнее, не так. Ты знаешь, как мне сделали предложение?

Это был отпуск у Марка, и мы летали на неделю в Турцию. Ты, наверное, сейчас подумаешь так: «Турция и Греция, какая ощутимая разница».

Поверь мне, разница есть. Мы были в Каппадокии на фестивале воздушных шаров. Их было огромное множество: красные, желтые, зеленые, полосатые, с флагами стран. Всё небо было украшено этим прекрасным творением человека. Казалось, их в небе несколько сотен. Марк арендовал целый шар для нас двоих, правда, помимо нас был еще человек, который им управлял.

Дорогой мой друг, представь, что ты наблюдаешь всю эту красоту и видишь, как между двух шаров внезапно появляется транспарант с надписью: «Лисёнок, выходи за меня замуж».

Лисёнком меня называл только Марк, он говорил, что я слишком хитрая. Так вот, стою я такая ошарашенная, смотрю на Марка, а он, как рыцарь, на одном колене с кольцом в руке и ждет моего ответа. А я смотрю на эту кра-

соту и плачу.

Думаю, ты понимаешь, что не смогла ему отказать?
Мой друг, а ты знаешь, что такое любовь?

Марк говорит, что это крылья. Да-да, именно крылья. Раньше для него были одни крылья. Он жизни не представлял без Boeing 737.

Как-то лежа на диване, заваленном декоративными подушками, мы смотрели фильм и разговаривали. И Марк тогда сказал: «Ты знаешь, Лисёнок, сейчас я безмерно счастлив. Есть всё, о чём только может мечтать парень в двадцать пять лет. А самое главное, есть крылья. Крылья, которые подарила мне ты. Благодаря тебе, я чувствую себя свободным и счастливым. Знаешь, я впервые боюсь кого-то потерять, никогда не держался за отношения, как сейчас. Ты мне очень дорога, Лисёнок. Ты мои крылья. И если ты вдруг уйдёшь, то знай, ты забереешь их собой. Ты ведь понимаешь, что ни бабочка, ни птица без крыльев не может летать?! Даже самолёт не полетит... И я уже не смогу... Без тебя не смогу, Лисёнок». Он тогда обнял меня крепко-крепко, зарылся носом в мои волосы. Он всегда любил так делать, вдыхать аромат кокоса и успокаиваться. Знаю, что ему это признание далось тяжело, и тогда он не хотел, чтоб я видела его слабость передо мной.

А ещё он прав. Любовь – это крылья, которые легко обломить.

Знаешь, дневник, сегодня я рассказала тебе вкратце о на-

ших путешествиях и отношениях. Нет, ты не подумай, у нас много приятных воспоминаний, которые не относятся к нашим путешествиям. Просто эти родные сердцу, они поселились там навсегда.

На них мы слишком счастливы, но, как оказалось, счастье бывает недолгим...

Нет, нет. Я не всегда боялась Марка или кого-либо, просто так получилось, понимаешь?

Мы люди простые, да и непростые тоже не застрахованы от несчастья. Нам надо быть сильными и давать отпор тем, кто нас обижает. Ведь никто из нас не знает, как пройдет наш день завтра, вернёмся ли мы домой или кто-то из наших близких и родных нам людей.

Дневник, вот если бы ты был другом одушевленным, я бы посоветовала тебе позвонить родным людям и просто сказать, как ты их любишь и скучаешь.

Дорогой дневник, спасибо за внимание. Но на сегодня это все истории. Как-нибудь, может быть, я поделюсь ещё чем-нибудь сокровенным.

Пока. До новых встреч».

Глава 9

Лиза

Сейчас я верю в себя и свои силы, как никогда раньше.

«Я смогу», – продолжаю твердить себе уже два часа.

Сегодня я твердо решила, что поставлю ещё одну галочку в своём дневнике в графе «цели на день».

Я возвращаюсь в танцы!

Алина Игоревна Евсеева, трёхкратный чемпион России по Pole Dance, является тренером и по совместительству владельцем студии, которую мне посоветовала Лена. В свое время она лично разработала дизайн всей студии.

Зал, в котором проводятся уроки, оборудован по высшему разряду. Стены нежно-сиреневого цвета, паркет цвета слоновой кости, вместо плинтуса сделана подсветка под цвет стен. В зале установлены семь пилонов, группы по шесть человек, что удобно и ученикам, и тренеру. Одна из стен полностью зеркальная. В помещении также имеется небольшая, но довольно уютная раздевалка. В той же стороне и стеллажи с утяжелителями и защитой, там же маты, чтобы смягчить падения.

Мне очень нравится зал, думаю, здесь я задержусь надолго. К тому же тут есть свои плюсы, можно записаться в груп-

пы так, как тебе удобно. Занятия проводятся утром и в обед, есть, конечно, и вечернее время, но оно мне точно не подходит.

Танцевальный зал для занятий Pole dance, вызывает в душе теплоту и неопишуемое желание начать двигаться. Хочется поскорее перейти к разминке и взлететь ввысь, словно пушинка. Надеюсь, за эти годы мои навыки не пропали, и я всё же быстро войду в прежнюю форму.

Большинство девушек в группе нашего с Леной возраста. Да-да, Лена посещает теперь занятия вместе со мной. И знаете, коллектив получился довольно красивый и слаженный.

Как я это поняла? Легко.

После разминки под руководством строгого тренера мы переходим к выполнению элементов на пилоне. Сначала делаем простые прокрутки без связок чисто для разминки. Потом под музыку забираемся на пилон для выполнения элемента «Банан». С него плавно и изящно переходим на исполнение «Мартины». Для этого шпагатом спускаемся, делаем красивую прокрутку и плавно поднимаемся на середину для выполнения нового элемента. Так как «мартины» – это практически вис на дальней ноге, из него можно сделать любой переход в другой трюк. Мы выбираем «Лотос», затем уходим на «Брасманку». Это становится завершающим элементом связки, из которого мы красиво и изящно выходим. В зеркале каждый элемент и движение выглядят безумно красиво и до умопомрачения синхронно.

После небольшой растяжки мы со всеми прощаемся и отправляемся в кафе, где нас должна ждать Аида.

Её мы видим сразу, как только заходим в уютное помещение. Аида, как всегда, на высоте. Белая шифоновая блузка с брошкой на воротнике, подчеркивающая длинную шею, ей очень идет. Волосы убраны в аккуратный пучок, очки в тонкой черной оправе передают её шоколадным глазам серьёзность и некую сексуальную нотку. Деловая девушка – никак иначе.

Она замечает нас ещё у входа, очаровательно улыбается и приветствует нас. Я замечаю, что у нее идеальный маникюр, а пальцы тонкие, несмотря на силу рук. Кстати, она уже одиннадцать лет занимается боксом.

– Привет, девочки. Я заказала вам кофе, как обычно.

– А что-нибудь более сытное нельзя было выбрать? Мясо, например. – Лена, присев, откидывается на спинку стула и сразу же любопытным взглядом начинает изучать меню.

Мило переглянувшись с Аидой, следуем её примеру. Уже через несколько минут я с удовольствием ем грибной суп-пюре, а на второе меня ждет любимый стейк из сёмги в сливочном соусе.

– Как прошло первое занятие? – улыбаясь обворожительной улыбкой, интересуется Аида.

– Замечательно. Девочки, я так счастлива, честное слово. Такая лёгкость в теле сразу появилась. А на душе так спокойно, так хорошо. – Я начинаю тараторить без умолку, со-

вершенно забыв про суп. – Такое чувство, что я готова горы свернуть. Кстати, – сощутив пытливым взглядом, смотрю на Аиду. – Расскажешь, куда пропала? А то, кроме занятий, тебя и не видно толком.

– Скажем так, у меня намечается роман с потрясающим мужчиной. Мы познакомились с ним два месяца назад, и всё это время просто переписывались. И вот вчера он позвонил и предложил свидание, сегодня наша вторая встреча. – Аида так мило смущается и опускает взгляд на тарелку с салатом.

Боже, я никогда её такой не видела.

– А я думала, чего это ты такая мечтательная в последнее время, – задумчиво произносит Лена, безэмоциональноковыряясь ложкой в десерте. – Кстати, что по поводу шопинга?

– Я за магазины. И мне желательно бы прикупить пару кружевных комплектов. Уж очень хочется быть во всеоружии, – ни капельки не смущаясь, произносит Аида.

– Лиза? – спрашивает Лена, делая глоток кофе и смотря на меня в ожидании решения.

А я что? Я же решила начать жить, а не существовать!

– Я тоже хочу. Не помешает прогуляться.

– Тогда заканчиваем обедать – и по магазинам.

– Погоди. Лиза, а кто тебя заберет?

– Папа, наверное. Я ещё не знаю.

– А Марк?

– Он в ночь. Два разворотных в Питер.

– Оу, так вы с ним каждый день общаетесь? – Аида смот-

рит цепким взглядом психолога, заставляя меня залиться краской. Черт, как я могла ей не сказать? Хотя, конечно, как? Она сама пропала со всех доступных радаров.

– Да. И, кажется, я готова встретиться с ним наедине на его территории.

– Давно пора.

– Лена!

– Да что сразу Лена? Я же не велю ей сразу прыгать к нему в койку. А просто поговорить, довериться. Зная Марка с её слов, согласишься, он почти идеален и, как бы ни хотел, не тронет её. Пока она сама не будет готова.

– Согласна. Но она не готова...

– Я готова. Я смогу, это же просто. К тому же я доверяю ему. Я люблю его, девочки.

– Мы знаем.

– Спасибо вам за всё, – произношу тихо, пытаюсь сдерживать слезный поток, ещё немного – и разрежусь на радость посетителям.

Девочки зовут официанта, мы расплачиваемся за наш вкусный обед и дружно выдвигаемся в торговый центр, где проводим больше двух часов в поисках нарядов по душе.

В своём любимом бутике Incanto я приобретаю потрясающий кружевной комплект белого цвета за сумасшедшую сумму. Лиф состоит из нежнейшего тонкого кружева, без использования поролона, а трусики танго потрясающе сидят на моей подтянутой попе. Да, дома я тренируюсь понемногу,

как могу. В комплекте также есть поясик из кружева на тоненьком ремешке. Ко всей этой красоте я покупаю еще белый халат, тоже выполненный из тончайшего кружева, позволяющий пофантазировать. Надеюсь, что в скором времени смогу в этом покрасоваться перед своим мужчиной без страха.

После покупок мы идем в кино на романтическую комедию, где проводим еще около двух часов.

Ну а дома я оказываюсь в десять вечера, и папе приходится меня забрать.

Хочется сказать, что ему это не понравится, но это будет вранье! Его улыбкой можно освещать дорогу, до того ярко она сияет.

Глава 10

Лиза

– Девушка, приехали, – доносится до моего сознания голос-колокольчик девушки-таксиста. Смотрю в окно, и правда приехали. Машина стоит напротив нужного мне подъезда.

– Да, конечно. Возьмите, – передаю деньги за дорогу, открываю дверь машины и выхожу.

Сжимаю трясущиеся руки в кулаки, так что ногти до боли впиваются в ладони, и, прикрыв веки, делаю глубокий вдох-выдох, медленно шагая в сторону подъезда. Набираю нужную комбинацию кода, щелчок – дверь открывается.

Значит, Марк ждёт.

Медленно, словно по раскаленным камням, подхожу к лифту. Шестнадцатый этаж, и у меня в запасе две минуты на подготовку к тяжелому разговору. А в том, что таковой будет, я уверена. Пожалуй, настал тот день, когда мне следует вывернуть душу наизнанку и рассказать ему все, что случилось. Он ведь знает только малую часть... иначе не отпустил бы.

Приехали. Двери лифта со щелчком разъезжаются в стороны, впуская меня в просторный светлый холл. Но стоит мне шагнуть и повернуть голову налево, как напротив оказывается Марк, который стоит, опершись плечом на стену и

скрестив сильные ноги.

В тёмно-синих джинсах и белой футболке-поло, обтягивающей мускулистое тело, он безумно красив. И самое важное, что в его изумрудных глазах я вижу тепло, а на губах – настоящую улыбку.

– Привет, Лисёнок. – Он аккуратно протягивает руки, чтобы я упала в его объятия, как раньше.

Помешкав, я решаю прогнать все сомнения. Хочется идти уверенной походной навстречу, но, увы, я несмело подхожу к нему и, пряча взгляд, обнимаю так, как он хочет. Так, как мне надо.

Его сильные руки неуверенно обнимают меня за плечи, притягивают к себе. Горячее дыхание чувствуется на макушке. Понемногу меня отпускает, я расслабляюсь.

Мне спокойно. Нам спокойно.

– Привет, Марк. – Вдыхаю аромат его парфюма с нотками муската и цитруса, моего любимого, и искренне улыбаюсь, утыкаясь носом в его шею.

– Пойдём, ужин готов. А я чертовски голоден, – вздрогнув и отстранившись, тихо произносит Марк.

– Конечно.

На кухне меня ждет мой любимый стейк из сёмги в сливочном соусе. Марк знает, как я его люблю, а я знаю, что он любит готовить. Раньше он часто меня баловал чем-нибудь вкусеньким, необычным. Вот и сейчас передо мной стоит белая тарелка с кусочком красной рыбы, на гарнир рис и, ко-

нечно, рядом бокал белого вина. Всё выглядит очень красиво и вкусно, а какой божественный аромат летает по кухне...

Но мне кусок в горло не лезет, пытаюсь хоть что-то в себя запихнуть, чтобы не обидеть его. Ведь он так старался...

Мы разговариваем о погоде, работе, об общих друзьях, с которыми я сейчас довольно мало общаюсь. Только легкий смех, чуть неровный, выдаёт меня с потрохами. Марк замечает мое нервное состояние, видит, что меня что-то терзает, но не подает вида, пока мы заняты едой. Я знаю, он не любит решать проблемы за столом во время еды, говорит, это плохой тон.

Кое-как осилив половину рыбы и выпив бокал вина, тянусь за бутылкой, чтобы налить себе ещё немного. Мне мало, хочется расслабиться, отпустить боль, что гложет изнутри и мешает жить. Да только Марк против... и бутылка, перехваченная в полёте, исчезает из моей руки.

– Хватит!

– Марк, мне надо, понимаешь...

– Нет.

– Марк, пожалуйста...

– Лисёнок, я не знаю, почему ты такая нервная, и что ты хочешь сказать, но обещаю... – Маркс медленно подходит ко мне и кладет сильные руки на мои поникшие плечи так, чтобы привлечь моё внимание. – Я тебя выслушаю и сделаю всё возможное, чтобы понять.

– Хорошо.

Мы садимся на мягкий темно-синий диван с бархатной обивкой – друг напротив друга. Марк, сложив руки в замок, смотрит на меня выжидающе, а я не знаю, с чего начать такой сложный разговор. Беру первую попавшуюся декоративную подушку с морским орнаментом и прижимаю её к груди, будто защищаясь.

– Ты же помнишь, в тот день я возвращалась с танцев? – начинаю разговор издалека, пристально наблюдая за его реакцией. Марк кивает. – Я пошла, как обычно, через озелененный парк, тогда было ещё светло, мамочки гуляли с колясками, дети на площадке резвились. Я шла, как обычно, рассматривала все вокруг и никуда не спешила. Солнышко светило, птички пели, а я наслаждалась прогулкой. Шла через аллею и решила срезать, там есть такой тёмный закуток, помнишь? Именно тогда я почувствовала резкую боль в затылке... и отключилась.

Не знаю, сколько находилась без сознания, но проснулась в сером и сыром подвале. На потолке местами виднелась ненавистная мне плесень, от которой стояла жуткая вонь. В подвале была лишь одна лампочка, которая кое-как освещала ужасное помещение. Она висела на оголенных проводах и время от времени покачивалась от сквозняка, это было жутко.

Я лежала на старом вонючем матрасе, прикованная цепью к батарее. Представляешь, нас посадили на цепь, словно мы не люди, а собаки дворовые. Я оказалась не одна, было ещё

три клетки – и в двух из них девушки. Их звали Саша и Катя. С Сашей мы изредка общались, когда его не было, а вот Катя... Не знаю, что он нам колол и подливал в воду, но после мы становились, как овощи, вялые. Мы всё видели, чувствовали, но не могли сопротивляться и кричать. Катя была у него давно, очень давно. Настолько, что потеряла себя. Она всегда сидела, взявшись за колени, и раскачивалась в разные стороны. Последнее время он ей даже ничего не колол, от Кати осталось только тело... пустое, безэмоциональное.

Самое страшно – это осознавать то, что и мы могли бы стать такими же.

Не знаю, как сейчас, но тогда следователь сказал, что Катя проходит лечение в специализированной клинике. Я не думаю, что она оттуда выйдет. А нам просто повезло, наш мозг ещё жил.

В подвале у него была лаборатория, он работал над чем-то. Говорил, что это лекарство сделает его известным на весь мир ученым, хотя сомневаюсь. Мне кажется, что это был наркотик. А он самый настоящий псих...

А ещё он всегда был в медицинском халате и маске. Единственное, что я видела, – это его холодные серые глаза. Их я никогда не забуду! Он даже шапочку натягивал так, чтобы спрятать брови, до того боялся, что его узнают... Он просил называть его Хозяин.

Это так мерзко...

Когда у него было хорошее настроение, мы хорошо ели.

Ну как хорошо, если две или три вареные картошки и куриная голень можно считать за хорошо, то да. До сих пор не понимаю, почему именно это. А когда плохое...

Он нас избивал и насиловал, всегда!

Но не это самое страшное, что было...

Ещё у него был интерн, он тоже всегда был одет, как он.

Интерн любил БДСМ и часто над нами экспериментировал, ему нравилось смотреть на наши слезы и боль. Он, будто вампир, питался нашими эмоциями, поэтому никогда ничего нам не колол и не заставлял пить. Он с омерзительным удовольствием смотрел на то, как нам больно, как мы плачем и просим его остановиться. Я иногда даже просила, чтоб он вколол мне ту дрянь, чтобы не чувствовать ничего. Когда мы оставались без сил, он брал лезвие и рисовал шрамы на теле. Это была адская боль, которая вызывала на его лице удовлетворенную улыбку. Некоторые шрамы были глубокие и долго заживали.

Чертовски унижительно... все это... говорить. Но Лена сказала, что мне станет легче, как я все расскажу. В общем, после того как они... ну, ты понял... Играли они по несколько раз в неделю, когда кто-то один, когда сразу двое...

Я сижу на любимом диване и сжимаю руками декоративную подушку, смотря пустым взглядом в окно. Там ночь и видны только огни города – не погасший свет в окнах домов и фонари на дорогах. И ни одной звезды в небе, чтобы загадать желание и забыть о кошмаре. Да и в нашей квартире

стоит пугающая до смерти тишина. Такая, что по телу пробегают холодок.

Мне страшно посмотреть Марку в глаза, увидеть в них разочарование. Он ведь ничего не знал, кроме того, что я была изнасилована. Не знал о моих шрамах, которые я старательно прячу. Хотя он и сейчас о них не знает.

Глубоко вдохнув, смотрю на Марка. Он сидит, облокотившись на колени, пальцы рук сложил в замок и подпирает ими подбородок.

Он смотрит в карту путешествий пустым взглядом, а по его щекам текут слёзы...

Настоящие. Огромные капли.

Резко отшвыриваю в сторону подушку, перебираюсь ближе к нему и спускаюсь на колени, чтобы оказаться лицом к лицу. Аккуратно стираю ладонками слезы с мужских щек, немного колючих, и начинаю уже не просто всхлипывать, а рыдать навзрыд. Марк переводит на меня убитый взгляд, в котором, я вижу, плещется адская боль и безысходность.

Аккуратно, будто боясь, что причинит мне боль, он берет мои трясущиеся руки в свои сильные и немного шершавые и начинает целовать каждый пальчик. Словно выпивая мою боль. Дыхание разом перехватывает и по щекам катятся горькие слезы. Слезы прощения, понимания. Тихо всхлипывая, наблюдаю, как он медленно сползает с дивана на пол и крепко меня обнимает. Плавно скользят руками по спине, зарывается в мои волосы и шепчет в макушку «прости», не

переставая.

В эту минуту я понимаю, как глупо было отталкивать от себя самого родного и любимого человека. Того, кто принял бы меня любой.

– Марк, всё хорошо. – Касаюсь пальцами его лица, стираю оставшиеся слезинки со щек. – Это всё в прошлом. Понимаешь, в прошлом?

И кого только я хочу в этом убедить? Не знаю.

– Нет, Лисёнок. – Он опускает голову и садится на пол, опершись о диван. – Прости, маленькая, что я не смог тебя защитить.

– Ты не виноват. От такого никто не застрахован.

– Да... Не застрахован...

– Марк, это ещё не всё... – произношу тихо и замираю на полуслове. В груди начинает грохотать, а в горле будто специально ком колющий проволоки оказался, терзающий, мешающий говорить важные вещи. – Я не могу иметь детей, – произношу сипло.

Жмурюсь, боясь открыть глаза и взглянуть на Марка. Мне страшно подумать, что я могу в его глазах увидеть разочарование или боль. Не знаю... Я еще не определилась, что страшнее всего.

– Лисенок, – тихий шепот ласкает мочку уха, заставляя резко распахнуть глаза и отпрянуть. – Вот и отлично. Я знал,

что этот трюк сработает. – Он усмехается и прячет взгляд, только я успеваю заметить в нем ненависть. Лютую ненависть.

Он взбешен. Он чертовски взбешен. Зол на них за то, что они посмели сотворить со мной, за мои адские мучения и до сих пор не исчезающие страхи. За то, кто я сейчас. Трусливая девочка, которая боится своего мужчину.

Он ненавидит их за нашу несостоявшуюся мечту!

– Лечение. Не знаю еще точно какое, но врач в больнице сказал, что возможность есть. Но она очень маленькая, Марк, – произношу впопыхах, прекрасно понимая, что пытаюсь хоть как-то оправдаться перед ним. Ведь он так хотел сына...

– Как так получилось, Лисёнок? Он, они...

– Внутренние повреждения, ссадины и разрывы. И Марк...

– Да?

Он смотрит на меня с такой болью, что мне страшно говорить дальше.

– Гаптофобия. Она появилась после всего случившегося. И я думала, что из-за неё боюсь близости. Но нет. Я сейчас здесь с тобой и всё хорошо. Я не боюсь тебя и твоих прикосновений. Проблема глубже, намного глубже, и я не знаю, как её решить... – всхлипнув, опускаю голову и сжимаю край футболки. – Из-за изнасилования, которое повлекло повреждения органов, я боюсь секса. Боюсь, что снова будет боль

и повреждения. Прости меня...

Закрываю лицо руками и начинаю рыдать, опуская голову на колени. Мне страшно, что снова будет больно. От одной только мысли об этом мое тело скручивается спазмами, и я ничего не могу поделать.

– Тебе не за что извиняться, маленькая моя. – Марк обнимает меня и перетягивает к себе на колени. Одной рукой гладит по спине, другой убирает прядь волос за ухо и поцелуями стирает слезинки с моих щек. В ответ на его ласку позорно шмыгаю носом, пытаюсь руками вытереть лицо и продолжаю говорить:

– Марк, ты же понимаешь, ч... что даже если я вылечусь п... полностью, то вряд ли смогу р... роди-и-ить, – протяжный вой напоминает крик раненого зверька. Хотя именно так я себя и чувствую.

– Вылечишься. Всё будет, маленькая моя. Все будет.

Марк крепче прижимает меня к себе, давая понять, что я под надежной защитой. Тихо, еле слышно, шепчет на ушко, что мы справимся.

– А если... – всхлипывая, перебиваю его.

– Есть дом малютки, есть детский дом, возможно суррогатное материнство. Ты ведь не против чужого ребёнка? – с искорками надежды в глазах интересуется Марк.

– Нет, не против, – чуть улыбаясь, смотрю в любимые глаза и понимаю, что я действительно готова бороться за этого мужчину.

– Вот и хорошо.

Он снова меня обнимает и начинает укачивать, как маленького ребёнка. Постепенно я расслабляюсь и не замечаю, как засыпаю.

Просыпаюсь, когда чувствую соприкосновения и прохладную ткань подушки. Резко открываю глаза и вижу Марка, который укрывает меня одеялом. Улыбнувшись, он гладит меня сонную по волосам и целует в щёчку.

– Спи, маленькая моя, – произносит, вставая и собираясь уходить обратно в гостиную.

– Остайся, Марк, – удерживаю его за руку и тяну на себя. Он мне нужен сейчас рядом.

– Уверена? – Смотрит на меня любящим взглядом, но в нем столько боли.

– Да.

– Сейчас вернусь.

Приподнявшись на локтях, наблюдаю, как он подходит к шкафу, достает пижамные штаны и уходит в ванную. Возвращается через несколько минут и ложится рядом со мной, аккуратно обнимает за талию и притягивает к себе, как обычно, носом зарываясь в мои волосы и глубоко вдыхая их аромат.

– Я люблю тебя, Лисёнок.

– И я тебя люблю, Марк.

Ночью я сплю плохо, меня беспокоит тревожное состояние Марка. Полежав со мной недолго, он, видимо, подумал,

что я уснула, поэтому тихо встал и вышел из комнаты. Вернулся, когда за окном были уже первые лучи солнца, лёг рядом и повернулся ко мне спиной. Сердце сжалось в ком и на глаза навернулись слезы, когда я почувствовала, как от него сильно несет алкоголем.

Но ведь Марк совсем не пьёт...

Глава 11

Марк

Бали – знаменитый Остров Богов. Здесь есть, казалось бы, всё: невероятной красоты террасы рисовых полей, белые песчаные пляжи, завораживающие взгляд живописные зеленые холмы, манящие заросли джунглей, суровые и величественные вулканы, густые мангровые леса, ошеломляющие своей красотой места, от которых перехватывает дыхание, красивейшие коралловые рифы, интересные достопримечательности и удивительная местная культура.

С первой командировки я полюбил это поистине райское место. Этот ласковый шепот теплых океанских волн и теплые закаты.

Только почему-то сейчас меня всё это дико раздражает...

Заселившись в просторный номер, принимаю душ и переодеваюсь в белую футболку и светлые хлопковые брюки. Сейчас уже десять вечера, должен прилететь Женька встречным экипажем. Мы давно договорились встретиться и посидеть за бокалом пенного, правда, разговор планировался не таким, каким будет. Да и целом ситуация дерьмо, если честно. Вместо того чтобы находиться сейчас вместе с Лисёнком, я должен торчать в этот райском месте двое суток, сука.

Набираю Женьку, стоя на балконе шикарного номера с ви-

дом на вечно голубой Индийский океан, но абонент вне зоны доступа. Смотрю на ночное небо, усыпанное миллиардами звезд и замечаю яркие белые вспышки, именуемые стробами. В небе летит самолет, уносит чье-то горе и печали, а может, безграничное счастье. Обычно контингент пассажиров разнообразен, так же, как и их настроения. Но чаще с острова забирают только хорошее, я же увезу с собой плохое.

Разозлившись на себя в очередной раз, со всей силы ударяю по перилам балкона и возвращаюсь в номер. Беру ключ-карту с прикроватной тумбы и направляюсь в бар. В голове царит бедлам. Куча мыслей и ни одной адекватной. Решаю выпить и желательно что-нибудь покрепче, главное не переборщить. Все-таки еще лететь обратно.

Сидя за барной стойкой, выпиваю очередной бокал виски и думаю о своей девочке. Моя маленькая сильная женщина, моя Лиза. Сколько же дерьма ей пришлось перенести, как же так, б***. А я, мудака, ещё себя жалел...

– Ещё. – Пошёл второй час, как я нахожусь в баре. С каждым выпитым бокалом виски мне становится всё хуже. Я чувствую себя по-настоящему дерьмово.

Мне хочется расхерачить всё к чертям. Как пару дней назад...

На следующий день я изо всех сил старался вести себя сносно, чтоб Лисёнок себя не винила ни в чём. Старался сделать вид, что все хорошо, тогда как внутри умирал. Позавтракав, я отвез ее домой и погнал в зал. Четыре часа, сука,

мне понадобилось четыре часа, чтоб выбить всё то дерьмо из своей головы, что она мне рассказала. В этот же вечер я нажрался в хлам, так что наутро не сразу сообразил, что нахожусь в своей квартире. С Лисёнком в те дни я не виделся. Боялся, что она испугается моего срыва и снова закроется в себе. Единственное, что я позволял, так это разговор по телефону. Я не готов был к тому, чтобы она видела мою пьяную рожу.

– Да? – отвечаю глухо на входящий звонок.

– Ты где?

– В баре. – Сбрасываю. Знаю, Женька поймет.

Так и есть, буквально через двадцать минут мы перебираемся за самый дальний и тихий столик и пьем не чокаясь.

– Никогда тебя таким не видел, что всё-таки случилось? – интересуется мой лучший друг с лётного училища, разливая Jack Deniel's по бокалам.

– Она всё рассказала, – выпиваю не закусывая, лишь слегка морщась. – Понимаешь? Всё.

– Марк, я вижу, что тебя это здорово пошатнуло. Но если ты хочешь мой совет как друга, то подробности, пожалуйста. Какое бы дерьмо это ни было, – Друг произносит спокойно, и я верю, что он готов меня выслушать и помочь советом, а может, и делом. Как пойдет.

– Хм, хорошо, – усмехаюсь, хотя самому плакать хочется и плевать, что почти тридцатилетний мужик. – Двадцать один день в подвале на цепи, в ее крови был найден наркотик, её

насиловали, и она не может иметь детей из-за внутренних повреждений. А ещё она теперь боится секса.

Смотрю на своего друга и вижу округлившиеся глаза и приоткрытый рот, принявший овальную форму. Его брови от удивления взлетают, а в глазах отражается гнев. Шок? Удивление? Он ожидал многого, но точно не такой информации, которая запросто может выбить дух даже из такого сильного и закаленного парня, как он. И я его понимаю, сам мечтаю закопать того уroda, да только он уже мотает свой срок на нарах. Хотя, как по мне, двенадцать лет за такое ничтожно мало.

– Давай выпьем, – Женя разливает виски по бокалам, выпивает и снова разливает. – Это дерьмово, Марк. Я даже не знаю, что и сказать...

– Их было двое... – произношу глухо, снова опрокидывая в себя бокал с огненной жидкостью.

– Бл*, – Женя повторяет за мной.

– Один сидит, интерн на свободе, – выпиваю ещё стопку и чувствую, что эмоции на пределе.

– Лиза? – От звучания ее имени внутри все скручивает спазмом и мне снова хочется что-нибудь расхерачить.

– Не знает. Был вчера в полиции, второго ищут, вроде как есть зацепки. Информация проверяется. Обменялся номерами со следаком, он позвонит, как что-то будет известно. И она не знает, как он выглядит. Только глаза. Сомневаюсь, что его найдут. Да и Лиза, она только жить снова начала. С дев-

чонками по кафешкам ходит, на танцы записалась, ко мне приехала на такси. Да таксист – девушка, но это уже для неё огромный прогресс. И если она узнает, что интернет на свободе... Не знаю. Я боюсь, что это убьёт её. Она навсегда закроется в своем защитном панцире, и её уже никто не вытащит. Она неделю назад меня только к себе подпустила, и позавчера всё рассказала. Она не сломалась, понимаешь? Она такая сильная... – расхваливаю свою малышку и улыбаюсь, вспоминая ее счастливое лицо. Впервые за долгое время.

– Да, Лисёнок – сильная девушка. Она справится! И я согласен, что про интернета ей знать необязательно. И вообще, раз ты говоришь, что есть зацепки, значит, остается шанс, что его скоро найдут.

– Надеюсь, – ставлю локти на стол, руками хватаюсь за волосы. Мне так больно и кажется, что ничто и никто не сможет облегчить эти муки.

– Слетайте куда-нибудь отдохнуть.

– Я предлагал, она ещё не готова.

– Ладно. Одно знаю точно, если твоя Лиза решила, что чего-то хочет, то она этого добьется. Так что всё будет хорошо, пусть и не сразу, – уверенно звучит голос друга, только вот я почему-то сомневаюсь. Лиза уже не та, какую я знал раньше.

Мы сидим в баре до двух часов ночи и выпиваем немеренное количество виски на двоих. Радует, что завтра в течение дня ни мне, ни Женьке лететь никуда не надо. Ну а до вечера вполне можно прийти в себя.

А вот по возвращении домой меня ждет сюрприз...

Глава 12

Лиза

«Увидеть Париж и умереть»! Культовая фраза писателя Ильи Эренбурга как нельзя лучше описывает красоты французской столицы. Достопримечательности Парижа – настоящее произведение искусства, и недели будет мало для их изучения.

Я помню, когда мы были в Париже всего лишь несколько дней, успели посмотреть только малую часть достопримечательностей. Мне безумно понравилась известная всему миру Эйфелева башня, сокровищница мировых шедевров Лувр и прославленный своей коллекцией работ импрессионистов музей Орсе. Без нашего внимания не обошлись Елисейские поля, место парижского гламура, и Монмартр.

И также навсегда в моём сердце останется кабаре «Мулен Руж». Я осталась в неопишемом восторге от посещения этого места. Когда-то там бывали Оскар Уайльд, Пабло Пикассо и даже сам принц Уэльский. Ну и мы, конечно же.

Центр Помпиду произвёл на нас огромное эмоциональное впечатление. Это национальный центр искусства и культу-

ры, названный в честь бывшего французского премьер-министра Жоржа Помпиду. Он состоит из роскошной библиотеки, музея современного искусства, института координации и исследования музыки, многочисленных выставочных залов. Всего сооружение включает пять этажей. Мы провели в нём практически целый день и ни разу об этом не пожалели. Столько эмоций и впечатлений увезли с собой не только в памяти, но и на фотографиях.

Безусловно, без нашего внимания не обошелся и фонд Луи Виттон – культурный центр. Там регулярно проходят интересные выставки произведений современного искусства. Невероятное количество проектов для начинающих художников и фотографов. Я много читала о нем и мечтала там побывать, увидеть всё своими глазами. Мне бы хотелось организовать свою выставку в таком шикарном месте.

Если уж вспоминать изыски французской кухни, то, не стовариваясь, мы отдали бы предпочтение кафе «des Deux Moulins». Это популярное туристическое место на Монмартре, известное всем поклонникам фильма «Амели». Именно в кафе «Две мельницы» происходило основное действие фильма. Со времен съемок фильма интерьер практически не изменился, но о знаменитости места напоминают многочисленные плакаты с изображением Амели. В этом кафе Марк заказывал французский традиционный пирог киш лорен с курицей и брокколи. Именно его приготовлением я сейчас занимаюсь. Марку он тогда понравился, ну а я поставила га-

лочку в своём списке под названием «Интересы моего мужчины».

Спустя час простой и изысканный ужин почти готов. Я занимаюсь сервировкой стола, расставляю белые тарелки и бокалы под вино. Ставлю менажницу с тремя видами сыра, среди них есть «Италия». Тарелку с виноградом и клубникой, безумно вкусными. Обязательно маленькие круассаны с ванильной начинкой, которые любит Марк. Смотрю на

настенные часы в серебристой оправе и улыбаюсь. Время почти девять вечера, значит, Марк скоро должен быть дома.

Положив на кухонный остров полотенце, бегу в ванную, чтобы хоть немного привести себя в порядок. Боже, я так нервничаю. Зачем я только приперлась к нему домой, когда его нет, да еще и не предупредила? Подсознательно я знаю, он будет рад меня видеть. Но неизвестность жутко пугает.

Смотрю на себя в овальное зеркало и вижу дико взволнованную растрепанную девушку. Нервно улыбнувшись, умываюсь холодной водой, чтоб немного взбодриться. Расчесываю волосы, когда-то накрученные на плойку, и делаю укладку а-ля браш, чтобы придать им естественности. Отхожу на несколько шагов, чтоб увидеть себя в полный рост и убедиться в своей скромной красоте. На мне модные рваные джинсы, скрывающие стройные ноги широкими штанинами, и белая свободная футболка с надписью «let's fly away together». Смотрится довольно мило и как-то по-домашнему.

Снова смотрю на часы, нервно держа в руках телефон. Половина десятого вечера, он задерживается. Не люблю, когда так получается. Не было еще и дня, чтобы я чувствовала себя спокойно в такой ситуации. Кто бы что ни говорил, но искренне верю в то, что у него опасная работа, и это страшно. Очень страшно, я сразу же начинаю думать о худшем.

Как-то раз, в то время мы встречались и только жить вместе начали, он задержался больше чем на четыре часа, и телефон был недоступен. Никогда бы не подумала, что способна на такие переживания, но я очень за него боялась. Меня трясло и тело покрывалось холодным потом от страха и неизвестности, в которой я оказалась. Я жутко боялась за его жизнь. Самым страшным ударом стал выпуск новостей, в которых показали самолет его авиакомпании, совершивший аварийную посадку в аэропорту Шереметьево с отказом одного из двигателей. Пилотам пришлось сажать судно в пену, посадка оказалась жесткая как для них, так и для пассажиров, большинство из которых успели, наверно, попрощаться с жизнью. В тот момент я молилась всем богам, чтобы это не оказался рейс Марка.

Как оказалось позже, я зря себя накручивала негативными мыслями. У него всё было намного проще. Из-за пассажира, которому стало плохо на борту, пришлось совершить посадку в ближайшем аэропорту. Тогда я так сильно погрузилась в свои переживания, думая только о худшем, что не сразу заметила, как Марк пришёл домой.

В принципе, в этот раз ничего не изменилось. Я успела накрутить себя так, что не услышала, как щелкнул замок входной двери и та открывалась, впуская в квартиру хозяина.

Я стола у окна с бокалом белого вина, полностью погрузившись в свои мысли, без конца следила за временем на телефоне, что лежит на белоснежном подоконнике. Не знаю, как долго он стоял за моей спиной, прислонившись к двери, и наблюдал за мной. Но его тихое, еле слышное «привет» вывело меня из забытья.

Испугавшись, резко разворачиваюсь и вижу его, довольного и улыбающегося. Все мои страхи отступают на задний план, я ставлю бокал вина на стол и бегу в объятия самого дорого мужчины на свете. Ничего не стесняюсь.

Марк немного ошеломлен моим подвигом, видно, что он не ожидал таких резких действий от меня. Но всё же он обнимает и прижимает мое подрагивающее от нервов тело к себе, зарывается рукой в шелковистые волосы и, как всегда, вдыхает их аромат, понемногу расслабляясь.

– Я так испугалась, когда ты задержался, – шепчу, глотая слезы счастья, что катятся по щекам и утыкаюсь носом в его крепкую грудь.

– Тише, тише, маленькая моя. Всё хорошо. – Он берёт моё лицо в руки и нежно целует, будто боясь, что я исчезну. Растворюсь, как сон.

– Ужинать будем? – отстранившись, заглядываю в любимые глаза, обрамленные пушистыми ресницами.

– Да, только переоденусь и душ приму, – улыбнувшись, он разворачивается и уходит в сторону спальни.

Я смотрю на широкую, мощную спину в белой форменной рубашке, накачанные ягодицы и сильные ноги в темных брюках и улыбаюсь в душе. Какой же он красивый. Мой любимый капитан.

Разворачиваюсь и зажигаю маленькие свечи с ароматом лаванды, у нас ведь сегодня вечер во французском стиле. Все должно быть идеально. Разогреваю пирог, что уже остыл, нарезаю и раскладываю по тарелкам. Беру на себя смелость и разливаю по бокалам вино. Наше любимое.

Марк подходит ко мне еле слышно, не спеша. Аккуратно обнимает со спины и любителю на организованный мной ужин. Увы, но стол выглядит не так скромно, как я планировала.

– Мм, мой любимый? – Это он про пирог, конечно же.

– Да, садись. – Только вместо того, чтобы проводить его к месту, я, наоборот, беру его руку и кладу себе на живот. Он незамедлительно начинает выводить узоры, понятные только ему. Откидываюсь на него спиной и через плечо заглядываю в зелёные глаза. В них видна безграничная любовь и забота. А еще боль...

Не удержавшись, я первая тянусь к его губам, желая хоть немного, но избавить его от вины. Его губы сладкие как мёд с едва заметным привкусом горечи. Развернувшись, обвиваю его шею руками и тяну на себя, как только это возможно.

Сейчас я хочу быть ближе. Стать одним целым, как раньше. Чувствую, как сердце бьется быстрее и не хватает воздуха. Становится тяжело дышать и совершенно не хочется его отпускать. Такого сильного, родного. Но я все равно отступаю на шаг и глубоко вдыхаю, смотря на него во все глаза. Его взгляд, затуманенный и жадный, пробирает до костей, тревожит душу, заставляет сердце биться чаще. Отворачиваюсь, стыдливо пряча взгляд. Понимаю, что поступаю некрасиво, но не могу по-другому. Всё слишком быстро.

Ужин проходит в приятной атмосфере. Аромат лаванды, витающий по кухне, напоминает Францию. А любимый пирог и круассаны добавляют нотки французской романтики.

– Переместимся в нашу лаундж-зону? – смотрю на него, нежно улыбаясь. Я знаю, он понимает, о чём я сейчас говорю. Вижу это в его взгляде.

– Ты серьёзно, Лисёнок? – Горжусь собой, у меня получилось его удивить.

– Да, – беру тарелку с ягодами и круассаны, встаю и направляюсь в гостиную, где располагается лаунж-зона.

Нашей зоной отдыха является ворсистый ковер серого оттенка, разложенный у панорамного окна, и куча декоративных подушек. Так уж получилось, что с первого дня в стенах этой квартиры я безумно полюбила именно это место. Здесь, у окна с видом на ночную Москву, мы проводили много времени. Это была идея Марка, организовать некую романтическую зону. Наше место.

Я всё подготовила заранее, поэтому столик для завтраков уже ждал тарелочку с ягодами. Спустя пару минут будто из ниоткуда появились бокалы с вином.

Марк садится рядом со мной и опирается на спинку дивана. Я скрещиваю ноги по-турецки рядом с ним и понимаю, что руки сами тянутся к ягодам. Вкусным и сочным.

– Почему ты здесь, Лисёнок? – Странный вопрос, ну ладно...

– Не знаю. Просто поняла, что хочу быть здесь, когда ты вернёшься из командировки. Кстати, как она? – Он морщится, будто ест лимон, а не виноград. – Всё хорошо?

– Да. У Женьки тоже был рейс. Так что всё прошло довольно сносно.

– Ну, тогда я не переживаю. Как он? Ещё не женился?

– Нет, но, кажется, скоро всё изменится. – Марк усмехается, а это значит, он знает, кто она.

– Ма-а-арк? – произношу протяжно и смотрю на него из-под опущенных ресниц, улыбаясь.

Я очень любопытная, и он это знает.

– Да? – он перехватывает кисть руки и съедает виноград, затем целует каждый пальчик, некоторые прикусывая, и не сводит с меня жадного взгляда. Я застываю, как изваяние, на этом дико сексуальном моменте и чувствую, как учащается дыхание.

Под гипнотизирующим взглядом темно-зеленых глаз тя-

нужь к тарелке и на ощупь беру виноград. Недолго думая, словно все еще находясь под гипнозом, сажусь на ноги Марка, коленями обнимая его за талию. И все еще не отрывая взгляда от его красивого лица с мужественными чертами, наблюдаю, как постепенно его глаза заволакивает дикое желание. Они становятся темными, как ночь за окном.

– Марк? – не сразу замечаю, как мой голос охрип от возбуждения.

– Маргарита Самойлова. – Его не лучше...

– Что? – Это он сейчас серьезно? Евгений и девушка с двумя детьми?

– В другой раз, Лисёнок. – Марк съедает из моих рук виноград и набрасывается на мои губы как одержимый. С огромным удовольствием я вступаю в его игру, принимаю его правила.

Страсть, что в нас кипит, словно мощнейший гейзер, требует немедленного выхода. Его горячие руки забираются под мою футболку, заставляя прикрыть глаза и тяжело вздохнуть. Мне жарко, его руки, словно раскаленное железо, оставляют на коже ожоги. Недолго думая, Марк снимает с меня футболку и отбрасывает ее в сторону. Целует шею, прокладывая дорожку обжигающих поцелуев, нежно переходит на плечи и добирается до ложбинки груди. Щелчок – и бюстгальтер летит в сторону, куда-то в глубь квартиры. Его большая сильная ладонь обхватывает мою небольшую грудь, сжимает и ласкает. Губы целуют затвердевшие соски, затем

медленно опускаются по изуродованной коже к ребру, где чувствуется шрам.

Я перестаю дышать, когда понимаю, что Марк не двигается. Мне становится тяжело, по щекам снова льются горькие слезы боли, и постепенно я начинаю ощущать, как меня охватывает паника.

Он ещё не видел кошмара, который я стараюсь скрыть даже от себя.

Отстранившись, пытаюсь руками прикрыться и беглым взглядом осматриваюсь по сторонам в поисках футболки – безрезультатно. Понимаю, что ещё чуть-чуть – и начнется паническая атака. Она снова меня поглотит, начнет уничтожать изнутри.

– Убери. – Тихий и властный голос заставляет тело окаменеть. Я смотрю на него, широко распахнув глаза и не веря в то, что услышала. Одно слово, но столько боли.

– Убери, Лисёнок, – он повторяет тихо, и я невольно подчиняюсь, опуская руки, как безвольная кукла. Он смотрит цепким взглядом на мою изуродованную грудь. Шершавыми пальцами, не торопясь, проводит по каждому доступному его взгляду шраму, оставленному мне на вечную память. Глубоко вздохнув и стиснув челюсти, притягивает меня к себе и медленно опускается губами к груди. Обдавая горячим дыханием, языком проводит по шрамам, вызывая мурашки на коже. Я чувствую, как слезы текут из глаз, всхлипываю, глотая соленую влагу. Но еще я чувствую облегчение. Его гу-

бы словно забирают боль. Кажется, что под его языком шрамы исчезают.

– Тише, Лисёнок, – отстранившись и посмотрев на меня, он собирает губами слёзы, катящиеся ручьями по моим раскрасневшимся щекам, отчего я начинаю рыдать ещё сильнее.

Он принимает меня, не отворачивается. Принимает такой, какая я сейчас есть. Изуродованная и сломанная. И это такое счастье, что не передать словами.

– Спасибо, – шепчу еле слышно в любые губы, даря легкий поцелуй.

– Я люблю тебя, Лиза, – он прижимает меня к себе сильнее и начинает качаться вместе со мной. Знает, меня это успокаивает.

– Я люблю тебя, Марк. Очень сильно люблю. Я справлюсь ради нас, справлюсь со всеми своими страхами. Обещаю, – отстранившись, беру его лицо в свои руки и многообещающе целую. Посылая все свою обиду и боль к черту.

Разорвав поцелуй и тяжело вздохнув, Марк осматривается по сторонам в поисках моей футболки. Безрезультатно. Тогда он снимает свою, обнажая потрясающее красивое тренированное тело, и натягивает ее на меня.

– Не хочу, чтоб ты замёрзла, мерзлячка моя. – Снова целует в нос, заставляя меня искренне улыбаться.

– Спасибо.

– Ты с ночёвкой? – интересуется тихо, ловя мой нежный взгляд.

Я все так же сижу на нем, он все так же гладит мою спину, бедра, чаще задерживаясь на ягодицах. Но даже сквозь джинсовую ткань я продолжаю чувствовать его горячие руки, что уж говорить про футболку, что он изредка, но задирает, проникая под нее раскаленными пальцами.

– Да. Уже давно пора было это сделать, – киваю.

– Ты была не готова. – Взгляд серьезный, заглядывающий в самую душу и выворачивающий ее наизнанку. Безжалостно.

– Я и сейчас не готова. – Не вижу смысла ему врать, всё равно он давно уже научился читать мои эмоции. И страх распознает на раз.

– Я знаю. Тебе сделать ванну? – Марк не сводит любопытного взгляда с меня, и его совсем не смущает то, что я немного удивлена его предложением. Скажем так, растеряна.

– Сделай, – снова киваю, соглашаясь.

Да, я хочу ванну с кучей пены. А она у него шикарная и с гидромассажем.

– Хорошо.

Марк аккуратно пересаживает меня на подушки, что находятся рядом на мягком ворсистом ковре, тихо встает и уходит. Я слышу, как набирается вода, как гремят шкафчики. Наверное, он ищет пену. Я улыбаюсь, смотрю на ночную

Москву и понимаю, что в этом доме я надолго.

Глава 13

Марк

Убегаю в ванную, как трусливый заяц, потому что, сука, ничего другого не приходит в забитую под завязку дурными мыслями голову. Мне надо побыть одном, просто необходимо отвлечься от этого дерьма пока не наворотил дел.

Настраиваю воду, делая ее почти горячей, нахожу на одной из полок, расположенных по левую сторону от зеркала, пену для ванны с успокаивающим эффектом, добавляю почти половину баночки. Лисёнок как-то говорила, что она великолепно расслабляет, вот и проверим. Надеюсь, что ей поможет, а то до сих пор сидит как натянутая струна, порой страшно смотреть. Не на нее, а на ее тревожность, которую она сама не замечает.

Вцепившись намертво руками за края раковины и сжимая их так, что побелели костяшки пальцев, жмурюсь. В душе бушует ураган из ненавистных мне чувств: гнева, лютой ненависти и жалости. Самое поганое чувство – жалость, от него хочется скрыться, убежать, чтобы оно не нашло меня. Я стараюсь держаться, дышу правильно, уткнувшись взглядом в раковину. Понимаю, что, если подниму взгляд и увижу в отражении зеркала себя, убитого заживо, расхерачу его. Но даже несмотря на злость, что исходит из меня, которую я кое-как контролирую, больше мне все же хочется разбить морду того уroda, что это сделал. Чёртов интерн.

Каким же надо быть психопатом, чтобы так издеваться над девушками? Убивать не только их красоту, но и душу. Уничтожать, при этом мерзопакостно улыбаясь?

Нет, у неё по-прежнему маленькая и красивая грудь, но эти чертовы шрамы от лезвия всё же заметны. Сколько боли и мучений ей пришлось перенести, находясь у психа в неволе. Чудо, что она сохранила себя душевно.

– Сука, – произношу хрипло и умываюсь холодной водой, чтобы хоть немного привести себя в человеческий вид и спрятать раздражение. Хреново как-то помогает.

Проверяю температуру воды в ванной и остаюсь доволен. Она такую любит. Расставляю по краям ванной ароматические свечи и поджигаю их, включаю неоновую подсветку нежно-фиолетового цвета. Идеальная расслабляющая атмосфера для моей жены.

Оглядевшись в последний раз, мысленно проверяю, все ли сделал для ее удобства, и возвращаюсь в гостиную, наблюдая удивительную картину. Лисёнок на подушках, куда я ее пересадил, смотрит в окно и витает в облаках с самой счастливой улыбкой на лице. Такая маленькая, такая хрупкая и моя. МОЯ!

– Лисёнок? – Она вздрагивает, резко оборачивается в мою сторону и смотрит мечтательным взглядом, всё так же улыбаясь. Протягиваю ей раскрытую ладонь, она доверительно вкладывает в нее пальчики и встаёт. Следует за мной в ванную. Моя маленькая сильная женщина.

Открыв дверь, пропускаю ее вперед, любуясь ее красотой сзади. Мне нравится смотреть на неё, такую спокойную и счастливую. Почти расслабленную. Протягиваю руку, чтобы помочь раздеться, но не касаюсь. Она смотрит, склонив голову к плечу, и, улыбнувшись, едва заметно кивает. Помогаю ей раздеться, аккуратно тяну края своей футболки вверх, пальцами нежно касаясь её живота. Она тяжело дышит, её нежная и упругая грудь поднимается и опускается. С трудом, но Лисенок поднимает руки и позволяет стянуть футболку и отбросить ее в сторону. Отступаю. Смотрю на ее грудь замороженным взглядом, замечая, что горошинки сосков затвердели, и непонятно, то ли от холода, то ли от возбуждения.

Не спеша, скольжу пальцами к джинсам, расстегиваю за-

стежку и молнию, сажусь на корточки и спускаю их вниз, нежно проводя костяшками пальцев по бархатной коже бедер. Я не скрываю того, как хочу её. В этот момент я испытываю такой жгучий чувственный голод, что сам себе удивляюсь. Словно раньше такого никогда не было. Она улавливает мое возбуждение, я знаю. А еще знаю, что подыхаю от желания доставить ей удовольствие, сделать ей приятное.

Лисёнок, впиваясь ногтями в мои плечи, нервно переступает через джинсы. Аккуратно касаюсь её щиколоток и не спеша поднимаюсь вверх, на миг задержав дыхание. Я помню, как эти ножки в порыве страсти обвивали мой торс, чтобы не отпускать меня во время соития. Я помню, как они находились на моих плечах, а в глазах моей нимфы бушевало огненное пламя, помню, как она ласкала свою грудь и сжимала горошинки сосков. И то, как она сексуально прикусывала губки, когда кончала. Эти моменты, наполненные нежными чувствами и безграничной любовью, навсегда отпечатались в моей памяти.

Пальцами цепляю белое кружево трусиков и не спеша спускаю их вниз. Картина, что предстает перед моими глазами, вызывает ярость. Склоняю голову к груди и сильно зажмуриваюсь, сжимаю руки в кулаки от злости, до хруста. Не могу, слишком больно! Меня снова разрывает изнутри от бессилия, от гребаного бездействия. Я понимаю, что уже ничего не могу сделать, только облегчить ее страдания. Глубоко вдохнув, заставляю взять себя в руки и продолжить нача-

тое. Но шрамы, едва заметные, однако находящиеся в интимной зоне, всплывают как картинки из фильма ужасов. Вот зачем, сука? Зачем он это делал там? Что ему, бл*, в этой жизни не так?

Смотрю на Лисёнка, она, чуть запрокинув голову, жмурится, но это не мешает ей хлюпать носом. Я вижу в полумраке комнаты, как она до боли прикусывает нижнюю губу, даже видна едва заметная капелька крови. Она думает, я не слышу, как ей больно. Глупая маленькая девочка. Поднимаюсь, медленно убираю прядь волос за ушко, привлекая ее внимание, и выдавливаю улыбку, хотя хочется всё здесь на хер разгромить – снова и снова.

– В ванну? – Беру её за руку и помогаю опуститься в воду. Включаю на телефоне папку «Релакс», когда-то Лисёнок создала этот плей-лист специально для ваннных процедур, оставляю его на раковине и выхожу под тем предлогом, что надо принести полотенце.

Залетаю в комнату, как дикий бешеный зверь, и со всей дури бью по груше, что стоит в углу комнаты. Пытаюсь хоть как-то обуздать свой гнев, чтобы не беспокоить свою девочку проклятым нервным состоянием, с которым мне все сложнее справиться. Меня трясет, раздражает абсолютно всё, что попадает в поле зрения. Хочется нажраться как свинья и забыться. А лучше приобрести «Маховик времени», что был у Гермiony Грейнджер в «Гарри Поттер и узник Азкабана» и вернуться назад. Забавная вещица, которая бы сейчас

очень помогла исправить сложившуюся ситуацию. Бац – и ты в прошлом. Я бы тогда не задержался в зале, а поехал её забирать. И всё сложилось бы не так...

Беру себя в руки и подхожу к шкафу, достаю любимое полотенце Лисёнка, беру ее трусики, что до сих пор лежат на полке. Она съехала два года назад, но я так и не осмелился что-то поменять. Чтобы не вызвать подозрений, расправляю кровать.

В ванную захожу тихо, чтобы ненароком ее не напугать. Лисёнок спряталась в пене так, что видно только нос. Она полностью погрузилась в свои мысли и даже не слышит, что я зашел.

Не тревожа ее покоя, сажусь на кафельный пол и вытягиваю ноги. Головой откидываюсь на стиральную машинку и перевожу грустно-мечтательный взгляд на свою девочку. Когда-то, пару лет назад, в этой ванне была такая же волшебная атмосфера, играла музыка и был полумрак. Только я был с ней рядом и мог обнять так, как хотел...

«Лиза зажимается, моя маленькая девочка, все еще стесняется находиться рядом со мной обнаженной.»

– Марк, что ты делаешь? – И это даже несмотря на то, чем мы занимались полчаса назад. Сегодня второй раз, когда она осталась у меня, второй раз, как я любил свою девочку. Она ещё совсем неопытная и не готова к эксперимен-

там в постели, но ее скованность вызывает во мне чувства, граничащие с безумием. Я точно знаю, что, если она позволит, я научу ее всему, что знаю сам. Где-то в глубине души я уверен, что она самая настоящая тигрица.

– Ничего, – одной рукой глажу её упругую и нежную грудь, пальцами играю с горошинами сосков. Они затвердели и пьянящие манят. Лисёнок возбудилась, я это чувствую и вижу по ее щекам, которые мило краснеют, вызывая немыслимое возбуждение. Какая же она сексуальная, моя девочка. Со всем ещё малышка, но уже такая горячая. Усмехаюсь и целую мочка уха, тихо шепча: – Расслабься.

Другой рукой спускаюсь к заветной цели, пальцами касаюсь интимного места и нежно поглаживаю. Лиза начинает тяжело дышать, и, сама того не замечая, разводит свои стройные ножки в разные стороны. Восхитительное зрелище. Ввожу один палец внутрь и начинаю не спеша доводить свою девочку ещё до одного оргазма. Она такая узкая и горячая внутри. Чувствую, что она на грани, добавляю ещё один палец и продолжаю поднимать её до небывалой высоты. Картина, что предстает перед моим затуманенным взором, четко откладывается в памяти. Лиза хватается за бортики ванны и сексуально прогибается в спине так, что из-под слоя пены становятся видны торчащие соски. Она дерзко закусывает нижнюю губу, широко раскрывает свои васильковые глаза, полностью затуманенные. И когда она в момент оргазма обращает в мою сторону взгляд своих

прекрасных глаз, меня самого уносит.

“Сука. Как же это прекрасно”, – первая мысль, что появляется в голове.

Обнимаю свою девочку за талию и нежно прижимаю к себе. Целую в плечо, губами прокладываю дорожку вдоль шеи, чувствуя, как она довольно улыбается, находясь в моих объятиях.

– Так будет всегда? – еле слышно спрашивает, пальчиком вода по моей руке.

– Будет лучше. Намного лучше.

И это я не про секс. Ещё пару месяцев назад я для себя решил, что не отпущу ее. Просто ее люблю. Вот такую вот, настоящую и простую».

– Марк? – Слышу тихий голос Лисёнка, постепенно возвращаясь из приятных воспоминаний, и смотрю на неё мечтательным взглядом. Увы, но большего мне пока нельзя. – Ты давно здесь?

– Не знаю, – усмехаюсь и запускаю руку в волосы, нервно их взлохмачивая. Я так задумался о нашем прошлом, что потерял счёт времени. Каюсь, виноват.

Встаю и медленно подхожу к ней, боясь лишний раз напугать, присаживаюсь рядом с ванной на корточки. Беру в руки мочалку в виде мягкой губки, всё проще простого, она не любит грубые. Выливаю гель с ароматом грейпфрута, его она обожает. – Позволишь? – произношу хрипло, протягивая к ней руку.

– Да, конечно. – Лисёнок садится так, чтобы я смог её помыть. Делаю это с удовольствием, нежно водя губкой по обнаженной спине, хрупким плечам. Мне нравится к ней прикасаться и ощущать эти прикосновения. Это тепло. Мне нравится наблюдать за тем, как она меняется и её чувственность постепенно возвращается к ней.

– О чём думал? – Её цепкий внимательный взгляд водит меня в ступор. Я замираю, понимая, что не уверен, что стоит сейчас говорить ей правду. Она просто может подумать не то.

– О нас, – думаю, сейчас этого достаточно. Встаю, протягиваю ей руку и помогаю подняться. Переключаю на режим душа и даю ей возможность смыть с себя пену, сам в это время разворачиваю полотенце и люблю её потрясающей стройной фигурой. – Пойдём?

Помогаю ей вылезти из ванны и заворачиваю, как маленького ребенка, в кокон из махрового полотенца. Беру её на руки, словно она принцесса, в принципе, для меня так и есть, и несу в нашу спальню. Там надеваю на неё свою футболку, и пофиг, что в этой квартире есть её полки с вещами. Сегодня я хочу видеть её в своей футболке. Знать, что она моя. Уже без моей помощи, Лисёнок надевает трусики, а жаль, я бы помог с удовольствием.

Спать мы ложимся впервые за долгое время довольные и счастливые. Всю ночь я с великим удовольствием обнимаю свою девочку, окончательно поверив в то, что она будет ря-

дом. Всегда.

Глава 14

Марк

Просыпаюсь среди ночи и растерянным взглядом смотрю на время. Светящиеся цифры часов, что стоят на столике на прикроватной тумбочке, показывают половину третьего, а в незанавешенное окно заглядывает почти полная луна. Ее свет окутывает комнату, так что я спокойно могу любоваться Марком без стеснения.

Он спит на шелковых простынях сладким сном младенца, лежа на животе, могучими крепкими руками обнимает подушку. Лицо его спокойно, а взлохмаченные золотистые волосы придают ему юношеской нежности. Губы, вечно плутовато улыбающиеся, сейчас расслаблены и слегка приоткрыты. Не удержавшись, пальцами провожу по его губам, они мягкие, как лепестки роз, и сладкие как мёд. Спускаюсь на шею, глажу широкие плечи и сильные мощные руки, рисую только мне ведомые узоры. Не спеша скольжу по спине, пересчитываю позвонки. Марк вздрагивает, но не просыпается. Он укрыт только по пояс и мне прекрасно видно его ат-

летическое тело в лунном свете.

Это мой первый мужчина, мой самый родной и любимый человек.

Я смогу снова сделать нас счастливыми. Я точно это знаю. Выбравшись из-под одеяла, аккуратно ступая на пол, чувствую, как ноги утопают в мягком ворсе ковра. Стараюсь двигаться тише, чтобы не разбудить Марка, покидаю комнату. Слегка приоткрыв дверь спальни, пробираюсь в просторную гостиную, залитую лунным светом. Нахожу свой небольшой ранец, достаю из него дневник и цветные ручки. С дивана стягиваю теплый плед, чтобы в него укутаться, и направляюсь в нашу зону отдыха, прихватив небольшой торшер. Усаживаюсь поудобней среди кучи подушек, открываю дневник на чистой странице и делюсь новыми впечатлениями.

«Доброй ночи, дорогой мой друг.

Каждый день я делюсь с тобой своими достижениями и целям. Каждый день ты помогаешь мне бороться с моими страхами, и я становлюсь смелее и счастливее.

Дорогой мой друг, спасибо тебе за помощь. На самом деле не зря говорят, что бумага тоже лекарь. Ты помогаешь мне лечиться, с тобой как-то проще делиться переживаниями. Я могу рассказывать тебе обо всём, потому что знаю, ты сохранишь мои тайны. Обещаю, я обязательно тебе расскажу, чем закончится наша история любви. Ты ведь помнишь, Марк хочет за границу, и у меня осталось совсем немного времени, если я не успею решить свою проблему, потом бу-

дет сложнее. Намного сложнее.

Нет, он может остаться и попробовать снова через полгода, но я не хочу лишать его мечты второй раз. Да, именно второй раз.

Привет, монстр Страх. Давно о тебе не говорила, всё как-то молча в себе носила. Но вот пришла пора сказать, что мне легче. Представляешь, с каждым днём всё лучше и лучше. Я уже не думаю о тебе, сотрясаясь. Да, иногда бросает в дрожь, но только не с ним. Слышишь? Только не с ним. Я смогла его подпустить, смогла сказать себе, что он ничего не сделает. Теперь он моя защита и опора, с ним не страшно. Рядом с ним я чувствую себя защищенной. Поэтому хочу сказать тебе спасибо. Да-да, именно спасибо. Благодаря тебе я закалила свой характер. Пока, монстр Страх.

Привет, монстр Стеснительность. Как бы странно ни звучало, но с тобой проблем было намного больше, чем я могла когда-то подумать. Ты часто был не один, иногда казалось, что Страх бежит за тобой хвостиком. Из-за той замкнутости, в которую ты меня окунул в первое время, страх был рядом. Охранял, как верный цербер. Я смогла сказать ему «пока», смогу и тебе. Да, не сразу, но первые шаги сделаю уже сейчас. Я до сих пор не ношу юбки и кофты с открытым рукавом. Да, на моем теле есть шрамы, напоминающие прошлое, и пусть они не так значительны и еле видны, но они есть и вызывают дискомфорт. Самое страшное

Марк уже увидел. И он принял меня. Смог принять изуродованной на интимных местах, где шрамы видны больше всего. И знаешь, он всё так же хочет меня. Что может быть лучше? Я благодарна ему за всё, что он сделал для меня. И я не буду теперь стесняться своего тела. Я снова полюблю менее открытые вещи и саму себя. А пока давай прощаться. Надеюсь, что мы больше не встретимся. Пока.

Привет, монстр Гаптофобия. С тобой я пока прощаться не собираюсь, да и не могу. Ты самый большой мой враг, и с тобой тяжело бороться. Я бы сказала, страшно. Ты появляешься в самый ненужный момент, в момент эйфории и сладкого желания. Ты заставляешь прекратить всю сладость близости. И всегда зовешь свою подругу – паническую атаку. Она сковывает меня со всех сторон цепями, заставляет тело каменеть, а сердце рваться наружу. После вас мне плохо и дурно. Хочется всё рвать и метать, не понимаю, как я держусь. Прошу, дай мне шанс на счастье. На счастье с ним. Пойми, я просто хочу жить, очень сильно хочу. Хочу любить и быть любимой, хочу по утрам просыпаться с улыбкой и строить планы на день вместе с ним. Просто дай нам шанс на счастье.

Дорогой мой друг, как думаешь, мои страхи меня услышали?

Знаешь, я долго думала и решила, что хочу быть художником-аниматором. Думаю, у меня получится. Почему бы не попробовать, правда? Это ведь так здорово, рисовать

мульттики и радовать маленьких детей и их родителей. Я уже присмотрела место работы, осталось посоветоваться с Марком и родителями, услышать их одобрение. Я просто хочу попробовать себя в коллективной работе. Фриланс, конечно, здорово, но мало общения.

А ещё я готова принять предложение Марка о небольшом путешествии. Хочется покинуть столицу хоть на пару дней. Оказаться где-нибудь на острове, со всех сторон окруженном пальмами. Погреться на солнышке и искупаться в океане. Да, всё верно. Думаю, он сможет нам это устроить.

Знаешь, ещё я безумно счастлива. И благодарна за предоставленный судьбой второй шанс.

Спасибо, мой друг».

Закрываю дневник и откладываю его в сторону, подтягиваю колени к груди и устремляю мечтательный взгляд на огни ночной столицы. Это нереально круто, каждый день видеть такую красоту. Особенность этого места в том, что видны самолеты. Аэропорт находится не так далеко и вид на взлёт и посадку здесь просто потрясающий.

Блуждая замороженным взглядом по огням столицы, невольно замечаю, как готовится заходить на посадку самолет, со свистом опускаясь, чуть задрав нос. При лунном свете это выглядит завораживающе прекрасно. Такую картину я люблю наблюдать не только из окна, но и из иллюминатора

самолёта.

Когда в первый раз я увидела подобное, рассказала Марку о своих впечатлениях. Он полностью со мной согласился и даже поделился небольшой историей. Рассказал, что пилоты делают этот трюк с помощью крена, и объяснил как. Естественно, я ничего не поняла из его объяснений, и ему пришлось углубиться в подробности.

Как оказалось, всё начинается с физики полёта. На самолёт в воздухе воздействуют четыре силы: подъемная, сила тяжести, лобовое сопротивление и тяга. Когда тяга равна лобовому сопротивлению – самолёт летит с постоянной скоростью, ускорения нет. Когда вес судна равен подъемной силе, самолет будет лететь, поддерживая заданную высоту. Самолёт летит без крена, поэтому и подъемная сила направлена ровно вверх, все хорошо. А если взять пример судна в крене. Получается, что подъемную силу направляем вбок, теперь она «толкает» самолет не ровно вверх, а слегка влево. Если разложить ее на составляющие, то появляется сила, которая тянет самолет в сторону крена, ну и плюс все та же подъемная сила. Но при этом немного уменьшается и подъемная сила, ведь часть энергии уходит «вбок». Именно поэтому при задании самолёту крена, необходимо немного приподнять нос, чтобы компенсировать это самое уменьшение. Тогда самолёт удержит высоту. Именно поэтому самолёт и делает крен, чтобы повернуть налево или направо. Вертикальный стабилизатор не используется. Он просто не даст нуж-

ной силы, которая необходима для поворота. Самолет начнет скользить и очень слабо поворачивать. Оказывается, поэтому самолёт и начал использовать крен вместо простого руля направления. Моему удивлению не было предела. Я честно думала, что в самолёте всё намного проще, но как же я ошибалась.

Просидела я так до первых солнечных лучей, которые блеснули в небе и побежали по крышам домов. Понимая, что надо хоть немного поспать, я беру свой дневник, прячу обратно в ранец и иду в нашу спальню.

Марк лежит всё в той же позе, мило посапывая во сне. Стоит мне устроиться рядом, как сильная рука прижимает к себе, а нос зарывается в мои волосы, рассыпавшиеся по подушке.

– Больше не уходи так надолго, – тихий сонный голос шепчет на ушко, вызывая мурашки.

Боже, спасибо.

Глава 15

Лиза

Кап-кап, кап-кап...

Так каждый день, эти противные звуки воды из капающего крана. Он никогда не закрывает его до конца, наслаждается нашей уязвимостью и жаждой, которую невозможно утолить. Тусклый свет еле освещает помещение, кажется, что его совсем нет. От безысходности хочется выть и рвать всё, что попадётся под руку, но тут только голые обшарпанные холодные стены с вонючей плесенью на потолке.

Я лежу на матрасе, местами драном, и не моргая смотрю в пустоту. Нет, передо мной не совсем пустота. Серая невзрачная решетка, закрытая на амбарный замок, тому подтверждение. За ней, на небольшом расстоянии, находится комната, огороженная плотной пленкой, так что видны только силуэты. Там хорошее освещение, но место чудовищное, жуткое. Он забирает нас туда для опытов, что-то вкалывает, цепляет разные датчики и измеряет давление и пульс, что-то считает и записывает в блокнот, который постоянно носит с собой. В этот момент его взгляд всегда одержимый и кровожадный. От него берет дрожь, хочется бежать, бежать и бежать...

Левее снова мрачная решетка, а за ней девушка моего воз-

раста. Она не очень любит говорить, я мало что о ней знаю. Ей тоже больно и страшно, но вдвойне. Почему я так думаю? Потому что у неё дома маленький ребёнок, а она просто не дошла до детского сада, чтобы забрать свою кроху. Если бы у нас с Марком был мальчик, я бы свихнулась здесь. Страшно, когда не знаешь, сколько тебе осталось и выживешь ли ты вообще...

Дальше снова решетка, там тоже девушка, но постарше. Она не разговаривает совсем. Она давно у него. Либо лежит спиной к нам, либо сидит, сцепив руки в замок на коленях, и качается в разные стороны, снова и снова. Сопровождая процесс молчанием. За эти шесть дней я ни разу не слышала, чтобы она сказала хоть что-то.

Почему шесть? Часы. Они висят на самом видном месте. Только непонятно, день или ночь.

Ровно в семь. То ли утра, то ли вечера он приходит...

Как и сейчас.

Тик-так, тик-так...

Тело в кандалах, намертво прикрученных к стене. Тяжело пошевелиться, дыхание становится резче и тяжелее. Никогда не знаешь, в каком он настроении и что будет делать.

Тик-так, тик-так...

Почти семь, ещё пару минут... Паника охватывает всё тело, крепко сжимаю пальцы в кулаки, так что ногти раздрают ладонь до крови. Больно, но эта боль приятней, чем

та, которую причиняет он.

Тик-так, тик-так...

Скоро он придёт – и чуда не будет. Начнётся личный ад, если его выбор падет на меня.

Щелчок. Сигнализация отключена. Раз. Поворот ключа в замке. Два. Снова поворот. Три. Мерзкий противный скрип двери. Тяжёлая поступь чужих шагов заставляет тело дрожать и покрываться холодным потом.

Он останавливается напротив меня. Замираю, боясь лишний раз пошевелиться. Да, пусть эгоистично, но молю бога, лишь бы не я.

Сегодня он злой. Глаза у него красные, разгневанные, в них есть даже что-то звериное. Это пугает очень сильно, заставляет забиться в угол и дрожать. От страха. От безысходности. Он останавливается и достаёт связку ключей, перебирает её быстрее обычного и останавливает свой выбор на мне.

Я пытаюсь вжиться в стену и молю о том, чтобы слиться с ней. Он направляется прямоком ко мне и отцепляет чертовы кандалы. Я снова молю, чтобы ключ застрял, сломался, испарился в конце концов. Всё что угодно, только не я.

Слышу глухой удар цепи о бетонный пол, чувствую резкую боль в затылке. Он хватает меня за волосы и волоком тащит по холодному бетону, словно мешок с картошкой. Я ползу на четвереньках как можно быстрее, чтобы хоть

как-то облегчить боль. Колени мои разбиты, из них сочится кровь, но мне плевать. Я знаю, сейчас будет самый настоящий ад.

Он резко швыряет меня об стену, я больно ударяюсь головой и чувствую, как с виска тонкой струйкой стекает кровь. Спускаюсь на корточки, сжимаюсь в крохотный комок от страха. Паника нарастает с немыслимой силой, и я просто не могу с ней справиться. Тело начинает колотить от страха, в висках стучит, из-за слез пелена перед глазами, и я вижу лишь тени. Мышцы сводит во всём теле, становится страшнее, когда я в полубморочном состоянии осознаю, что их двое. Две тени, которые хищной походкой приближаются ко мне. Вжимаясь в стену, чувствую, как становится тяжело и больно дышать. Мне просто не хватает воздуха, и я хватаю его кусками, но из-за охватившей меня паники ничего не выходит. Я задыхаюсь. С каждым их шагом я трясусь как осиновый лист. Хочется, чтобы меня подхватило ветром и сдуло. Только ветра здесь нет.

Тот, другой, я вижу его в первый раз, резко хватая меня за горло и поднимает. Ноги прирастают к полу, сердцебиение усиливается в единый миг. И именно в этот момент я мечтаю, чтобы оно не выдержало издевательств...

– Ну, здравствуй, цыплёнок, – шепчет мерзкий противный голос с хрипотцой от курева. Морщусь, когда незнакомец едва касается губами моей шеи. Другая рука уже всюду гуляет по моему телу, и мне хочется блевать, как никогда.

Настолько противно я себя еще не чувствовала. Он накрывает мою грудь своей ручищей и больно сжимает. Слезы капают по лицу, и я молча ими давлюсь. Лучше бы захлебнулась.

– Давай её сюда, – произносит главный, и этот второй подчиняется. Тащит меня волоком к нему.

«Давай же, коли. Хочу быть бесчувственной куклой в руках кукловодов», – глупо мечтаю про себя. Но не всем мечтам суждено сбыться.

– Может, не стоит? Гляди, какая покладистая. – Второй безжалостно разрывает футболку пополам, опускается губами к груди и больно кусает соски. Снова сжимаю пальцы в кулаки, кусаю губы до крови и жмурюсь, жмурюсь, мечтаю испариться. Очень надеюсь, что, когда открою глаза, это всё будет просто мерзким сном. Но нет...

– Ну, как скажешь. Можешь начинать, я закончу, подойду. – Хирург возвращается к работе и начинает изучать какие-то документы и записывать историю с датчиков.

– Пошли, цыплёнок, повеселимся, – интерн, скалясь звериной ухмылкой, накручивает мои волосы на кулак и тащит в комнату пыток.

Швыряет на кровать так резко, что от удара о жесткий матрас меня ведет, зрение становится расплывчатым. Я вижу только силуэт, уверена, мужчина разглядывает меня голодным хищным взглядом, от которого бросает в дрожь. Постепенно взгляд проясняется, и я смотрю во все глаза,

как он раздевается, и не верю в то, что это снова повторится.

Третий раз я буду изнасилована...

Он придавливает меня своим телом и начинает стягивать мои вещи. Слишком резко. Слишком больно. Я брыкаюсь под ним, пытаюсь хоть как-то оттянуть отвратительный момент. Резкая боль в лице заставляет меня остановиться, я смотрю на него и ужасаюсь. Его взгляд кровожадный и полный похоти. Ему нравится то, что он делает.

Ему нравится бить...

Мне никак не избежать этого и единственное верное решение – смириться. Закрываю глаза и молю, чтобы это все поскорее закончилось. Интернет берет мои руки, не вызывая желания бороться дальше, я сдаюсь, перестаю сопротивляться, отдаюсь на волю судьбы. Он цепляет меня наручниками к железному изголовью кровати. Руки находятся в непривычном состоянии, начинают ныть, но я терплю.

Терплю, потому что будет хуже...

Он насилует как хочет, играет со своими мерзкими штуками, совершенно не жалея тело, которое почти потеряло связь с жизнью.

Если с Марком мне нравилось играть, то тут я мечтаю только умереть. Адски больно, всё тело саднит от укусов и резких ударов.

– Поделисься? – возбужденный мерзкий голос...

Их двое. Меня берут насильно. Два чужих человека – и насильно. Вместе. Без анестезии.

Это никогда не исчезнет из моей памяти...

Как бы я ни старалась, они оказались сильнее...

Они сломали меня!

Эти холодные, дикие глаза, полные ненависти и желания, впиваются в меня словно режущими кинжалами. Хирург держит меня за подбородок и медленно произносит, словно смакуя каждое слово и ловя от этого кайф:

– Сейчас мы поиграем с тобой, девочка. Потом я проведу над тобой один очень интересный опыт. Кто знает, может, ты и есть та самая, которая сделает меня известным на весь мир учёным. А затем я тебя расчленю, как предыдущих жертв. Расфасую по мешкам и закопаю в яблонево́м саду, и никто и никогда не узнает где ты, девочка.

Дикий смех сумасшедшего разносится по маленькой блеклой комнате...

Я просыпаюсь слишком резко, словно выныривая из ледяной воды. Меня всю трясет от резко нахлынувших воспоминаний. Постель насквозь мокрая, простыня сбилась подо мной, видно, что я сильно ворочалась. Оглядываюсь по сторонам, ищу знакомые предметы интерьера, чтобы убедиться только в одном – я дома.

Глубокий вдох... выдох – и счастливая улыбка.

– Солнышко, всё хорошо? – тихо интересуется мама, заглядывая в мою комнату.

Она до сих пор за меня переживает, хотя прошло уже два года. Марк говорит, что она всё так же красива, но я вижу, как на ее лице прибавилось морщин, и седину она уже закрашивала в не первый раз.

– Да, всё хорошо, просто сон плохой, – произношу устало и кутаюсь в плед, который до того валялся в ногах.

Мама садится рядом со мной и обнимает, как в детстве. Нежно гладит по голове, перебирая своими тоненькими пальчиками мои волосы и ласковым, успокаивающим голосом произносит:

– Если я скажу, что понимаю, совру. Поэтому прости, малыш, но я не представляю, что тебе приснилось, хотя чувствую, это связано с прошлым.

– Да, с ним, – я ложусь на кровать, сворачиваюсь в клубочек и кладу голову маме на колени.

С детства люблю так лежать, когда она успокаивающе гладит по голове, перебирает мои волосы и что-нибудь говорит, заставляя вернуться в беззаботное детство.

– Знаешь, когда вас не было, я уже думала о вас. О том, какой хочу быть к тому моменту, когда вы придете ко мне. О том, какую семью создам, что смогу вам дать, чему научить. Мне так много нужно было узнать, чтобы подготовиться к

вашей жизни. Когда вы пришли, я и не представляла себе, что это так тяжело, брать на себя ответственность, принимать решения, от которых зависит жизнь таких маленьких и дорогих мне людей, привыкнуть к новой роли и к изменившемуся образу жизни. Нужно было заново расставить приоритеты и не потеряться при этом самому себя. Мне было сложно. Иногда я злилась и срывалась, но тщательно это от вас скрывала.

Сейчас мне важно сказать тебе, что я очень хочу и стараюсь быть для тебя хорошей мамой.

Моя маленькая принцесса, в пять лет ты была маленькая, неугомонная почемучка. Такая искренняя, открытая и безумно любящая. Мне было страшно от одной только мысли, что кто-то может обидеть, что кто-то или что-то может ранить тебя, сделать больно. Хотелось защитить тебя, уберечь.

Но я не смогла защитить, прости меня, родная моя. Я так перед тобой виновата... Когда тебя нашли, я смотрела на тебя, моя девочка, и видела, как нужна тебе, любящая и принимающая. Понимала, как нужна мне ты. Я думала, что именно ваше детство сделает меня действительно взрослой. Но нет, совсем не так. Только когда ты снова оказалась дома, я почувствовала себя взрослой. И знаешь, я счастлива, что ты у меня есть, что тебя не забрали.

Когда тебе было десять, я думала о том, как быстро ты вырастешь, дочка. Уже трудно было представить себе маленький,

теплый комочек, каким ты когда-то была. Ты становилась все более самостоятельной, все смелее и решительнее взаимодействовала с миром. Мне нравится, когда мы делимся друг с другом мыслями, мечтами и переживаниями. И я так ценю, когда за утешением и поддержкой ты идешь ко мне. Но сейчас ты закрылась. Ничего не рассказываешь, я ведь даже и не знаю, что они с тобой делали.

Прошу тебя, помни, Лисёнок, мы с тобой команда. И ты все еще такая моя-моя. Я готова в любую минуту тебя выслушать, попытаться понять, дать совет и поддержать. Ведь ты моя маленькая принцесса. Такая еще малышка, даже сейчас.

Знаешь, я поняла, что ты совсем уже взрослая, сильная, красивая, когда ты познакомила нас с Марком. Он нам сразу понравился. Статный, воспитанный, веселый и умный. А вообще, у него много положительных качеств, тебе ли не знать. Я очень боялась за тебя, ведь до него ты ни разу мне не говорила, что с кем-то встречаешься. А тут вот, знакомьтесь, мама и папа. В тот момент я привыкала не вмешиваться в твою жизнь. И это по-прежнему непросто – оставаться в стороне. Уже тогда ты перестала со мной делиться многим вещами, не морщись, я знаю. Или думаешь, я не могу назвать день, когда ты стала его женщиной? Я твоя мама, Лисёнок, и да, я заметила перемены в тебе. Знаешь, что нам поможет? Наша дружба с тобой.

– Спасибо, мама. Ты права, я многим перестала делиться с тобой, когда появился Марк. В тот момент я была так

счастлива, каждый день летала в облаках и ждала нашей новой встречи. Для меня очень важно, что вы его приняли. И что сейчас он тоже наша семья.

– Да, семья. Вы поговорили? – Голос ее звучит взволновано и как-то тревожно, будто она чего-то недоговаривает.

– Да. Я всё рассказала, он видел шрамы. И принял меня такой, представляешь?

– Он любит тебя, Лисёнок.

– Я его тоже люблю, мама.

– Понимаю. Он знает о твоих кошмарах?

– Нет. Я спала сном младенца. Да и вообще, мне уже давно такое не снилось. Надеюсь, это в последний раз.

– Я тоже, моя принцесса. Ложись спать.

– Мам, как думаешь, будет правильно, если мы с Марком слетаем куда-нибудь отдохнуть?

– Конечно, солнышко. – Её лицо озаряет счастливая улыбка, и я понимаю, что должна сделать.

Поменяв постельное, быстро принимаю душ и переодеваюсь в любимую пижаму с зайчиками. Не державшись, беру в руки телефон, нахожу дорогой мне контакт и пишу смс-сообщение: «Куда бы ты хотел отправиться на пару дней? Где будем только мы».

Я рассчитываю получить ответ только утром, но он приходит через пару минут. Словно он ждал, надеялся.

«На следующей неделе есть рейс на Варадеро. Два дня. И Бали, завтра».

«Бали».

«Завтра в шесть вечера будь готова. Почему не спишь?»

«Сон плохой приснился».

«Всё хорошо?»

«Теперь да. Спокойной ночи, Марк».

«Спокойной ночи, Лисёнок».

Глава 16

Лиза

– Уважаемые пассажиры! С вами говорит капитан воздушного судна Марк Воскресенский. Через двадцать минут наш самолет приземлится в аэропорту Денпасар, острова Бали. Температура на острове тридцать шесть градусов, дождей не ожидается. Пассажиры, сидящие по правую сторону салона, могут видеть остров в иллюминаторы.

Благодарим вас, что воспользовались услугами нашей авиакомпании.

Счастливого вам отдыха и работы, будем рады видеть вас вновь!

Я смотрю на океан мечтательным взглядом, слушаю до боли родной и любимый голос и чувствую, как улыбка сама расплывается на лице. Пальцами касаюсь иллюминатора и любуюсь неопишуемой красотой райского места. Почему-то в памяти всплывает наша первая встреча с этим поистине восхитительным местом. Я помню, как мы тщательно готовились к нашему маленькому, но такому яркому путешествию, узнавали интересные факты и определяли места, в которых

хотели побывать, составляли маршрут и план отдыха.

В моих руках небольшой, но довольно старый исписанный блокнот, конечно, за время путешествий он знатно потрепался. На первых его страницах марки стран и городов, их точно больше пятидесяти, и во всех мы побывали. В этот раз я решила не нарушать традицию и составила небольшой план путешествий на этот уик-энд, только несколько мест, где мы не успели побывать в прошлый раз.

Бали является частью Индонезии – крупнейшего в мире архипелага. Его берега омывает Индийский океан с водами завораживающего лазурного оттенка. Этот цвет манит, влечет. С высоты птичьего полета видна горная цепь, которая считается зоной повышенной вулканической активности. Самой высокой точкой является спящий вулкан Агунг, его высота больше трех тысяч метров, и он до сих пор опасен. Последнее извержение датировано 1963 годом, оно унесло более тысячи невинных жизней. Но туристов это не останавливает, наоборот, их привлекает опасность, адреналин, что просыпается в теле и подталкивает к безумию. Многие горят желанием пощекотать себе нервишки и не думают об опасности. Надеюсь, Марк будет не против такого маленького безумия, но я очень хочу познакомиться с этим местом и поставить галочку напротив.

А еще Бали – это экзотическое место с практически белоснежными пляжами и прозрачной лазурной водой. Она настолько чистая, что кажется, с легкостью можно полюбовать-

ся рыбками и мелкими крабами, которые не боятся подплыть к береговой линии. Не отрывая восхищенного взгляда от иллюминатора, я начинаю отличать группы серферов, рассекающих волны, от простых купальщиков. Самолет снижается, меняет эшелон и становится все более отчетливо виден храм Пура Танах Лот. Этот индуистский храм знаменит благодаря тому, что расположен на воде и добраться к святилищу по суше реально только во время отлива. Мы так туда и не попали в прошлый раз, надеюсь, теперь удача окажется на нашей стороне. А вообще, остров славится множеством старинных храмов и тропических пляжей. В прошлый раз я была дико удивлена разнообразием уникальной флоры.

Самолет постепенно снижает высоту, предоставляя взгляду поистине сказочное и живописное зрелище. Из иллюминатора видны величественные горы, непроходимые джунгли. На золотистом песке виднеются пальмовые рощи, выглядывающие из пышной растительности джунглей. Маленькие белые домики, окруженные стройными пальмами, в ряд стоят на берегу.

Видны выдвигающиеся спойлеры, расположенные на крыле самолета, которые помогают тормозить во время посадки. Они создают лобовое сопротивление, снижают скорость.

Все мое внимание отдано моменту захода на посадку. Мою любимому моменту. Многие боятся летать, а кто-то, наоборот, любит взлет и посадку. А я отношу себя к числу тех сумасшедших, которые ликут при соприкосновении воз-

душного судна со взлетно-посадочной полосой. В этот момент я испытываю многое: неопишное волнение, невероятный азарт, щенячий восторг вкупе с безумием. Мне нравятся эти потрясающие ощущения, они делают полет незабываемым.

Вот самолет несется по взлетно-посадочной полосе на сумасшедшей скорости, и я чувствую, как пилоты включают реверс для большего эффекта при торможении. От этого самолет постепенно замедляется и переходит в стадию руления к указанному заранее месту. Становится видно, как подъезжает трап, затем раздается команда бортпроводников о переведении дверей в положение «disarm». В такой момент из-за непонятной торопливости пассажиров большинство из них уже покинули свои места и готовы к выходу. При этом стюардессы по традиции мило улыбаются и прощаются с нами, даже не догадываясь, что с одним из пассажиров еще увидятся вновь.

Я останавливаюсь на нижних ступеньках трапа, вдыхаю полной грудью свежий воздух и счастливо улыбаюсь, испытывая щенячий восторг.

– Я так скучала, Денпасар, – шепчу, спеша к автобусу, ожидающего туристов.

Автобус подвозит нас к аэропорту, где я прохожу паспортный контроль и спешу на выход, неся с собой только ручную кладь. От палящего солнца прячусь в тени, под козырьком одного из ларьков с водой, ожидая Марка. Зная весь процесс

прилета, понимаю, что ждать его придется минут сорок, если повезет, меньше. Пока они заполняют документы, передадут эстафету другому экипажу и только потом на выход.

Не проходит и полчаса, как я вижу экипаж Марка, от которого взгляд просто так не оторвать. Красивая форма стюардесс ослепляет, привлекает внимание. Девушки выглядят идеально, даже и не скажешь, что в полете пробыли почти двенадцать часов. Пилоты от них не отстают, наоборот, они занимают лидирующее место – выглядят шикарно в своей форме и эти очки «Авиатор», дополняющие их образ, хоть на обложку модного журнала.

Улыбнувшись, направляюсь в сторону экипажа и вижу, как Марк останавливается на полпути к трансферу и достает телефон. Видимо, набирает мой номер.

Тут я увидела стюардессу Анну, она мне сразу не понравилась, еще в прошлую встречу. Я тогда захотела попить водички и решила прогуляться до кухни, а заодно и размять косточки после долгого сиденья в кресле, случайно подслушала чужой разговор и узнала, что ей нравится капитан. Остановившись за спиной Марка, прищуренным взглядом наблюдаю, как она кладет свою идеальную ладошку на плечо моего мужчины, привлекая его внимание. Эта девица имеет наглость заигрывать с капитаном, зная, что в этой поездке он не один.

Он с ЖЕНОЙ, черт возьми... хоть и с бывшей.

– Марк, как насчет посидеть вечером в баре, как обыч-

но? – Надеюсь, я ослышалась, иначе кое-кому не поздоровится.

– Прости, Ань, но я не один. – Марк убирает её руку с плеча и подносит телефон к уху. Вижу, как напрягается его спина, чувствую, что он начинает нервничать от того, что я слишком долго не отвечаю.

– Привет, – тихо подкрадываюсь и ныряю ему под руку, позволяя себя обнять. Марк довольно улыбается и зарывается носом в мои волосы, тихо шепчет: «Я скучал», – так, чтобы слышала только я.

– Привет, а ты, наверное, сестра Марка? – В ее голосе слышится надежда на положительный ответ, но нет. Прости, милая, но этот парень мой.

– Нет. Я его жена. Валерия, – протягиваю ладошку и мило улыбаюсь. – Приятно познакомиться.

– Ты не говорил, что женат! – истерично восклицает, как я понимаю, бывшая подружка Марка.

Неожиданно. Но девушка действительно выглядит удивленной и, кажется, вот-вот заплачет.

– Ты не спрашивала, – холодно и четко. Он не любит женских истерик и слёз. – Машина ждет, идем, Лисенок.

Марк крепче обнимает меня за талию и прижимает к себе, помогает с размещением моего небольшого чемоданчика. До отеля мы едем чуть больше получаса, зарегистриро-

вавшись и получив ключи от номеров, счастливые и уставшие отправляемся отдыхать. Всё-таки двенадцать часов полета дают о себе знать не лучшим образом.

– Значит, жена? – Уже в номере, когда мы по очереди приняли душ и легли в постель, Марк решает поинтересоваться моим неожиданным даже для меня выпадом. Всю дорогу до гостиницы я старалась незаметно за ним наблюдать, украдкой ловить улыбку и блеск в глазах.

– Пусть думают так. Тебе же лучше, – улыбаюсь, а самой плакать хочется. Не так давно я поняла, какой была душой, что решила его отпустить и подала на развод. Одним словом – идиотка.

– Чем лучше, Лисёнок?

Марк нависает надо мной словно каменная скала, тяжелая и непоколебимая. Его губы порхают по моей шее, дразнят легкими прикосновениями. Моё дыхание учащается, я чувствую, как на щеках появляется алый румянец. Заметив это, Марк проводит кончиками пальцев по моим щекам, довольно ухмыляясь.

– Она мне не нравится, – произношу искреннее, не моргая глядя в любимые глаза.

Мне тяжело лежать под ним, зная, что пока я еще не готова на большее, но это не мешает чувствовать внизу живота нарастающий комочек желания.

– Чем не нравится? – Марк ловит мой взгляд и не отпускает, гипнотизирует, манит. В нём я вижу отражение себя и

начинаю тонуть в пучине любви. Нашей любви.

– Она к тебе подкатывает, – голос еле слышно, поэтому, набравшись храбрости, повторяю громче: – Нагло подкатывает.

– Я знаю. Это всё? – интересуется, лукаво улыбаясь.

Его улыбка возвращает меня в реальность, и гипнотический взгляд сменяется жадным, обезумевшим. Я понимаю, что его рука ласкает мою грудь, нежно сжимает, поглаживает затвердевшие соски кончиками пальцев. От переполняющих эмоций тело выворачивает дугой, и я невольно молю о большем.

Мне хочется расслабиться, подарить нам эту райскую ночь.

Не спеша, Марк ласкает губами мои обнаженные плечи, неторопливо целует шею. От нежности его прикосновений я чувствую мурашки, что разбегаются по телу и дарят так давно позабытые эмоции. Они зародились где-то в области солнечного сплетения и требуют немедленного высвобождения.

Я кладу руки на сильные плечи и смотрю на него возбужденным, сияющим взглядом. Притягиваю к себе, и он поддается. Медленно наклоняется, не моргая, смотрит прямо в глаза, заставляя невольно нервно сглотнуть. Его губы такие мягкие и нежные, он целует сначала не спеша, вызывая умиротворение. И я ощущаю между ног дикое желание, требующие развязки. Медленно сгораю от страсти. Тело в исступлении выгибается навстречу ему, и это безумно волнует нас

обоих.

– Останови меня, – его голос похож на бархат, он пьянит сильнее, чем вино. Он волнует меня до дрожи. – Пожалуйста, останови.

– Я не м-могу, – пытаюсь сказать внятно, но из-за переполняющего желания ничего не выходит.

Притягиваю его еще ближе, желая слиться воедино. Стать одним целым. Одновременно его рука скользит по животу, все ниже и ниже, останавливаясь точно там, где я пока не готова. Марк тихо, еле слышно стонет и тяжело вздыхает, упираясь носом в ключицу. Внезапно его тело каменеет, когда он понимает, что я не издаю никаких звуков и не шевелюсь.

Меня парализовало, накрыла волна страха, которого я пытаюсь избежать.

– Лисёнок? – голос его звучит испуганно и встревоженно. Аккуратно взяв пальцами мой подбородок, он заставляет посмотреть ему в глаза. – Прости, Лисёнок.

– Ты не виноват, все н... нормально. – Пытаюсь сгладить дурацкую ситуацию. Знала же, что не смогу, и все равно поддалась его чарам.

– Ошибаешься, это я виноват. – Он скатывается с меня на кровать, встает и уходит на балкон, прихватив пачку сигарет.

Зная Марка, можно сказать, что он будет винить себя за несдержанность, за ошибку, которую допустил с моего позволения. А мне такого не надо. Я ведь тоже виновата, был шанс остановить, когда он просил.

Просто не смогла. Просто не захотела.

Встаю с постели и, закутавшись в одеяло, шагаю следом на балкон. Он стоит, облокотившись на перила, и тяжело дышит, закрыв глаза. На расстоянии в двух шагов я чувствую его боль и смятение. Мне становится противно от самой себя, от того, что не сберегла его чувства.

– Давно ты куришь? – Лицо его выглядит уставшим и чуть изможденным.

– Два года, – затаившись, он выдыхает в ночное небо. Я же наблюдаю, как дым медленно рассеивается, но запах еще долго будет оставаться на теле моего мужчины. – Я брошу, Лис.

– Знаю.

Медленно разворачиваюсь и возвращаюсь в номер. Я знаю, он придет следом.

Не приходит и пары минут, как я чувствую, что за моей спиной прогибается матрас под его весом. Он ложится рядом и притягивает меня к себе, крепко обнимает и зарывается носом в волосы, как обычно.

– Я чуть не совершил ошибку. Прости.

– И ты прости. Я должна быть более настойчивой в своих желаниях.

– Не помешает. Давай спать, завтра большие планы.

– Да, это точно. – Переплетаю наши пальцы в замок и засыпаю сладким сном под тихое дыхание Марка.

Всё будет.

Обязательно будет!

Глава 17

Марк

Просыпаюсь от ярких солнечных лучей, которые без стеснения пляшут по моему лицу. Впервые за долгое за время вставать совсем не хочется, но лучики настойчиво будят, проникая сквозь закрытые веки. Слегка приоткрываю глаза, все еще сонным взглядом смотрю на часы, судя по которым, сейчас еще очень рано, затем в сторону балкона. Все, как всегда... яркое утреннее солнце, из-за перил балкона виднеются верхушки пальм, сквозь ветви которых, солнечные лучики настойчиво прорываются к нам.

Поворачиваюсь на бок, где спит она, самая дорогая и желанная для меня женщина.

Её шоколадные, волнистые волосы разметались по бело-

снежной подушке и стекают вниз водопадом. Лицо спокойное, без макияжа Лисёнок выглядит совсем юной девушкой, и, признаться честно, мне это до безумия нравится. Нравится видеть ее настоящей. Она что-то неразборчиво, бессвязно бормочет, слегка причмокивая губами во сне, и вызывает этим на первый взгляд естественным для спящего человека действием улыбку на моем лице. Хмурит бровки, будто чем-то недовольна, затем мечтательно улыбается, заставляя меня ею любоваться.

Я наблюдаю за ней какое-то время, пока солнечные лучи не добираются до ее ангельского лица. Сейчас они прыгают на ее лоб и щекочут пышные ресницы, заставляя зажмуриться и натянуть одеяло до макушки, чтобы забыться еще на часок в царстве Морфея.

Усмехнувшись, тихо сползаю с постели, чтобы ненароком её не разбудить, и отправляюсь в душ. Встав под горячие струи воды, думаю о времени. Вы когда-нибудь задумывались о времени? О том, как быстро оно летит. Еще пару недель назад у меня даже близко в мыслях не было того, что сегодня я окажусь на Бали, а рядом со мной окажется любимая женщина. Недавно я наблюдал страх в ее глазах, а вчера там было дикое желание, которое безжалостно затягивало меня в свои путы.

Вы замечали, что кто-то приходит и уходит? А кто-то остается с вами, несмотря ни на что. Я задумался об этом совершенно спонтанно. За эти два года я потерял многих

друзей, которые отказались меня понять. Евгений, пожалуй, единственный друг, который в трудное для меня время был рядом. Он смог принять тот факт, что без нее я никто. Наверно, потому что его жизнь не была сказкой. В свое время этот человек много потерял, но нашел не меньше. Подумайте. Мы все когда-то встречали новых людей, а потом они уходили из нашей жизни. Кто-то медленно и незаметно, а кто-то уходил громко. Мы все находим и теряем.

А вы задумывались, почему мы теряем? Почему они уходят? А почему уходим мы? Почему мы не можем кого-то спасти или предупредить об опасности? Почему не можем убедить того, кто нам дорог?

Как-то раз Лисёнок сказала мне, что самое важное – это число 86 400. Я не сразу сообразил, о чем она, и ей пришлось мне, недалекому, разъяснить простую истину. Вы еще не поняли? Это те самые драгоценные секунды нашей жизни за одни сутки. Не стоит их растрачивать зря. Их надо применить с пользой, сделать что-то новое для себя и близких, сказать о своих чувствах, и никогда – слышите? – НИКОГДА не оставлять дорогих людей одних, если есть возможность быть рядом.

Не знаю, что там по времени, но минут пятнадцать я точно провожу под горячим душем и успеваю обдумать многое.

Войдя в комнату, наблюдаю, как моя девочка до сих сладко спит, спрятавшись с головой под белоснежное одеяло. Я знаю, у нее на ключах брелок с перышками, девичьи забавы.

Найдя ее рюкзак, без разрешения залезаю рукой внутрь, кое-как на ощупь нахожу ключи. Не зря говорят, что дамская сумочка – это отдельное королевство, таинственное и непонятное для большинства мужчин. Достаю ключи, а вместе с ними и блокнот. Тот самый, с нашими путешествиями, она его хранила все это время. Чувствую, как на лице расплывается довольная улыбка.

Присаживаюсь на кровать с её стороны и медленно стягиваю одеяло с её лица. Не спеша, вожу перышком по её щекам, заставляя хмуриться и отбиваться маленькими аккуратными ладошками. Так повторяется несколько раз, пока она не открывает глаза цвета васильков. Поняв, кто виновник её нарушенного сна, слегка прищуривается и начинает следить за мной в обманчиво расслабленной позе.

Я не сразу понимаю, как оказываюсь на спине, а она, гордо оседлав меня, сидит сверху, коленями обхватив меня за бедра. В её глазах плещется такое же море свободы и непостижимого счастья, как в моих. Солнечные зайчики, танцующие по лицу, заставляют её морщиться и тихо смеяться. Смех у нее мелодичный, пленительный. Музыка для моих ушей.

Недолго думая, обнимаю её за талию своими сильными руками и резко опрокидываю на кровать. Нависаю над ней, словно скала, прохожусь обжигающим взглядом по ее фигуре и чувствую желание. Замечаю, как на её щеках появляется легкий румянец, вызывающий смущение у моего ангела. Говорю же, совсем еще ребенок.

Маленькие ладошки с аккуратными маленькими пальчиками рисуют только им ведомые узоры на моих мускулистых руках. Медленно, не спеша, поднимаются все выше, обхватывают шею и тянут вниз к мягким, сладким губам с ароматом вишни. Лиза дарит мне нежный поцелуй чистой любви, который способен вдохнуть в человека надежду на счастливое будущее. Если бы она только знала, чего мне стоит остановиться и не сорваться, как вчера. Но я молчу. Наслаждаюсь любимыми губами, потрясающим поцелуем и терплю неудобство в паху. Отстраняюсь и наблюдаю, как на ее лице играет лучезарная улыбка, глаза ее светятся от переполняющего счастья.

– У нас большие планы, помнишь? Надо многое успеть посмотреть, или ты уже передумала? – Смотрю на нее внимательным взглядом, а на губах играет задорная улыбка.

– Помню. Как насчет вулкана? Закажем экскурсию? – Она смотрит на меня тревожным взглядом, слегка прикусывая пальчик, и я сдаюсь.

Сука, как же это сексуально выглядит-то, и она это знает. Знает, что сработает.

Резко срываюсь с постели и встаю на ноги, они кажутся ватными, а дикое желание раздирает изнутри. Становится тяжело дышать при виде ее хрупкой фигуры, облаченной в кружевной, почти прозрачный пеньюар, через который видна ее маленькая, но такая, сука, родная грудь. Лиза встает с постели и направляется в ванну парящей, бесшумной по-

ходкой. При этом лукаво улыбается, будто манит за собой в пучину страсти.

Нет, милая, не сегодня. Прости.

Провожая ее до двери ванной лукавой улыбкой, а после – пиз**ц. Падаю на кровать, прихватив подушку, сцепляю кулаки так, что видны костяшки пальцев, и закусываю угол наволочки до скрежета в зубах. Хочется всё расхерачить к черту. Лишь бы ее любить.

Без оглядки. Без страха в ее глазах.

Лисенок выходит из ванны спустя минут пятнадцать и в одном лишь полотенце. Сцепляю пальцы в кулаки, скрываю под подушкой и отворачиваюсь лицом к балкону. Понимая, что Бали действительно райское место, черт.

Через полчаса мы покидаем номер и направляемся к вулкану Агунг. Да, в прошлый раз нам не повезло с погодными условиями, сейчас же мы готовы покорить его и поставить галочку в блокноте, который все это время ведет Лисенок.

Мы решаем поехать вдвоем с индивидуальным гидом на джипе. Добираться до места придется около двух часов, по дороге мы совершаем небольшую остановку на смотровой площадке, где вулкан Батур открывается перед нами, возвышаясь будто на расстоянии вытянутой руки. Зрелище непередаваемое. Далее по каменистым дорогам мы держим путь к Агунгу, под нами сплошной чёрный песок. Ну а потом совершаем подъем. Дорога оказывается длинной и нелегкой, мы движемся минут сорок. На вершине нас встречает потря-

сающий вид. Дымящийся вулкан – зрелище невероятное.

После обеда в одном из ресторанов острова с видом на джунгли и мы отправляемся в Храм Танах Лот. Он является одним из самых знаменитых на острове Бали. Фишка в том, что он находится на скале в море, и подойти к нему можно только во время отлива. А также это один из немногих храмовых комплексов, по территории которого можно гулять, не облачаясь в национальную балийскую одежду.

Оставшееся время до заката мы проводим на пляже Кута. Сюда приезжает в основном молодежь для того, чтобы днем кататься на доске, ну а вечером здесь бары, клубы и ночная жизнь бьет ключом. Нас же интересует только сёрфинг.

Несколько лет назад, когда были в командировке с Женёй, мы спонтанно приняли участие в местных соревнованиях. Конечно, призовых мест не взяли, но само участие в соревнованиях нам запомнилось надолго. Так что опыт у меня имеется, а вот у Лисёнка нет.

Главное в серфинге – баланс. Вся техника зависит от него. Мы начинаем с заучивания порядка действий, каждое из которых доводим до автоматизма, находясь на суше. Учимся находить точку равновесия и опоры на поверхности воды в любом положении. Под звонкий смех Лисёнка пробуем прыгивать с доски, вставать на нее, выбирать правильную позу и наконец-то ловить волну. А вот держать ее – нет.

Как Лисёнок ни старается, она все равно падает и уходит под воду. Выныривает, смешно и громко ругается, колотя по

доске своими маленькими кулачками. Это выглядит так забавно, что я не выдерживаю и заливаюсь громким хохотом.

Ужинаем на пляже в открытом кафе и провожаем баийский закат, полный ярких красок. Ну а в номер возвращаемся только после десяти вечера, и Лисенок сразу же отправляется в душ, я же решаю покурить. Не спеша выхожу на балкон и, затянувшись в первый раз за весь день, ищу в себе тормоза. Но не нахожу. Я чувствую себя сейчас в самолете с аварийной ситуацией «MayDay», где шанс приземлиться ничтожно мал. Или его вовсе нет...

Знаю, что, если она вдруг решит рискнуть своим телом и душой этой лунной ночью, я не смогу остановиться. Мой разум вновь потеряется в ней. Она как мифическая русалка, как сирена, которая завлекает своим пением моряков и губит их. Стоит ей намекнуть на большее, и я пропаду. Растворюсь в ее ласках и паду к ногам.

Не знаю, сколько так простоял, задумавшись, но нежное прикосновение ладошкой к спине выводит меня из непрекращающейся череды мыслей. Затушив сигарету в стоящей рядом пепельнице, поворачиваюсь к ней и обнимаю за талию, губами прокладываю дорожку нежных поцелуев от шеи к уху.

– Я так счастлив, Лисёнок, – шепчу в висок, даря очередной поцелуй.

– Я тоже, – она обнимает меня и, запрокинув голову, смотрит в глаза задумчивым взглядом. – Пойдем, Марк.

Только оказавшись в комнате, я обращаю внимание на то, во что она одета. С ума сойти. Стопроцентный «Красный код».

На ней белый халатик, едва прикрывающий подтянутую попу и не прячущий абсолютно ничего. Я смотрю на нее ошарашенным взглядом и вижу, как она не спеша дефилирует к постели, как развязывает тоненький атласный пояс, а халатик соскальзывает с её плеч и падает у ног.

– Не надо, Лисёнок, – едва прочистив горло, прошу ее.

Не обращая внимания на мои слова, она залезает на постель с грацией кошки, поворачивается ко мне лицом и садится на колени. С сексуальной улыбкой и томным взглядом изящными руками ведет от линии кружевных трусиков к груди, где через тонкую ткань кружева видны соски, едва касаясь пальцами бархатной кожи. Аккуратно и не спеша сжимает и ласкает грудь, сексуально закусив нижнюю губу, прогибается в спине, демонстрируя моему взору сногшибательный вид. Я встаю напротив этой прекрасной картины, чуть ли не вытирая слюни и с силой сжимаю кулаки. Бл*. Как бы сдержаться и не трахнуть ее. Она ведь совсем не готова... не готова.

Она возвращается в исходную позу, слегка склоняет голову набок, шикарная копна волос рассыпается. Лиза плавно ползет в мою сторону, не разрывая со мной зрительного контакта. Проходит несколько секунд, но для меня словно вечность. Остановившись напротив моего друга, который уже

стоит колом и готов порвать брюки, она довольно улыбается. Пальчиками ведет по напряженной груди прямо к паху, касается ремня, чтобы его расстегнуть. Не в силах больше держаться, я перехватываю ее тонкие руки, чтобы остановить это безумие. Она все так же разжигает во мне пламя за долю секунды, и сейчас мне сложнее всего ей противостоять. Тем более когда я едва дышу от пожирающего желания.

– Не стоит.

Сука, голос мой охрип от переизбытка чувств, тяжело сопротивляться надвигающемуся безумию.

– Марк, просто позволь мне сделать тебе приятно, – тихий шепот с бархатной ноткой нежности сводит с ума.

– Лис...

– Марк?

Сдаюсь, отпускаю ее руки и позволяю продолжить начатое. И только Бог знает, как в глубине души молю, чтобы не сорваться. Я вижу в ее взгляде адское желание проверить задуманное до конца. Она не остановится. Щелчок. Ремень расстегнут. Вжик. Собачка на молнии съезжает вниз. Тоненькие пальчики пробираются под боксеры, вызывают по телу легкую дрожь, и вместе с джинсами она спускает их вниз.

Мой друг готов, стоит колом, ожидания ее горячих губок. Сука, два года прошло, а я до сих пор помню ее возбужденный взгляд снизу. Тоненькие пальчики едва порхают по моему стволу, заставляя его дергаться в предвкушении и же-

лать большего. Одной рукой она обхватывает мои ягодицы, царапает и сжимает, другой ту часть, что ожидает немедленной разрядки. Пару раз вверх, вниз – и ее губки касаются головки с выступившей капелькой. Теплый язычок скользит по уздечке, затем мягкие горячие губки поглощают его целиком. Лисенок делает все, как я люблю, легко и быстро доводя меня до желанной разрядки. Я чувствую, что осталось немного, и как-то рефлексивно наматываю ее волосы на кулак и оттягиваю голову назад, не желая пачкать ее рот. Но она не позволяет мне отстраниться, глотает весь поток горячей спермы, что я извергаю, и смотрит на меня не моргая. Лисенок облизывает губы, смакует вкус и остается чертовски довольна своей выходной. Меня же потряхивает от переполняющих эмоций, мне хочется большего.

Намного больше, чем она может сейчас дать...

Аккуратно беру ее за подбородок и приподнимаю лицо так, чтобы поцеловать. Ее губы солоноватые, но меня это мало волнует, я целую ее с удовольствием. Поднимаю на руки, залезаю с ней на кровать. Положив свою драгоценную ношу на белые простыни, пожираю ее взглядом, стоя на коленях между ее раздвинутых ног. Такая маленькая, хрупкая девочка. В этом воздушном белом комплекте белья она словно ангел, спустившийся с небес, чтобы спасти нас. Спасти наши души.

Пальцами подцепляю бретельку лифа и медленно спускаю с одного плеча, потом тоже делаю с другим. Аккуратно осво-

бождаю ее грудь, она так и манит, чтобы ее поцеловали и покусали. Я чувствую, как громыхает сердце Лизы, как сбивается дыхание. От этих ощущений меня снова разрывает. Я с упоением целую ее грудь, губами прокладываю дорожку все ниже и ниже, пока не добираюсь до тонкого кружева бикини. Смотрю в глаза Лисенка и, увидев в них одобрение и сумасшедшее желание, которое свойственно только ей, я продолжаю свой путь к желанному месту. Подцепляю край трусиков и стягиваю их со стройных бедер моей девочки. Ножки закидываю к себе на плечи и припадаю губами к ее влажному лону. Я знаю, как она любит, знаю, что мне делать. Ее стоны разносятся по комнате, доставляя мне невысказанное удовольствие. Кулачками она сжимает белоснежную простынь и вскрикивает от накатывающей волны наслаждения.

Я ложусь рядом с ней и блаженно улыбаюсь, накрывая нас одеялом. Обнимаю свою девочку и нежно глажу по волосам, рассыпанным водопадом по подушке. Она быстро засыпает, а я любуюсь ее красотой еще некоторое время и не замечаю, как сам проваливаюсь в царство Морфея.

Глава 18

Лиза

«Привет, дорогой дневник.

Знаешь, в греческих мифах птица Феникс похожа на орла с красными и золотистыми перьями. Многие века ей удавалось поражать воображение людей своими удивительными качествами: возрождаться из пепла после самосожжения и жить необычайно долго. Птица феникс – красивая легенда, которая существует в нескольких изложениях. Это удивительное создание существует в мифах разных народов, отделенных друг от друга пространством и временем – в Египте и Китае, Японии, Греции и на Руси. Везде эта птица ассоциируется с солнцем.

В древние времена много легенд о Фениксе ходило по свету. Загадочные и романтические, они передавались из уст в уста, приукрашивались и постепенно меняли свой облик. Об этой птице говорили разное. Одни, что Феникс – красивая птица с грациозной и гордой осанкой и сверкающим оперением, другие изображали ее невзрачной и серой. Сегодня никто уже и не скажет, как эта птица выглядела на самом деле, точно мы знаем лишь одно: Феникс всю свою жизнь стремился к прекрасному.

Существует множество легенд, но сегодня я хочу поде-

литься с тобой той, что смогла зацепить мою душу, дать заново переродиться и позволить жить.

“Прошёл однажды между птицами слух, будто есть на свете рай, и рай тот на солнце. И собрались они и стали говорить о нём. Была на том собрании также и птица Феникс.

И сказал Старейшина собравшимся, что:

– Рай тот совершенен, и мы, птицы, можем быть там. Но труден путь туда!

Не нашлось тогда смельчака, который решился бы достигнуть солнца, не опасаясь сгореть в его обжигающих лучах. И сказали хором все птицы:

– Да, тот рай совершенен, но, видно, не для нас он создан.

И вдруг крикнул Феникс:

– Я достигну Солнца!

И затихли птицы, удивлённо посмотрев на своего отважного собрата. И не поверили ему, ибо было оперение Феникса серо и невзрачно, и смеялись над ним, говоря:

– Поистине, безумен тот, кто говорит, что солнце не убьёт его! Будто перья Феникса крепче наших. Или летает он выше нас? Отчего же тогда...

И вновь тверже камня и громче грома прозвучал голос, перекрыв насмешливый гомон. И был то голос гордой птицы Феникса:

– Я достигну Солнца!

Затем расправил он крылья, поднялся в голубой простор неба и полетел к светилу. Всё ближе и ближе подбирался он к своей цели, а все остальные птицы остались на земле. И смотрели они на Феникса снизу вверх, но ни одна не решилась последовать за ним. А он поднимался всё выше и выше и вот уже почувствовал всем телом своим смертельный солнечный жар. И вспыхнуло тогда оперение Феникса, и загорелось оно алым огнём. Вскричал он от боли неопишуемой, но не остановился!

Не испугался, не замедлил своего полета Феникс и продолжал подниматься, усиленно размахивая горящими крыльями. И видели птицы на земле, какая участь постигла смельчака, но ни одна из них не захотела помочь ему.

Внезапно ударил яркий солнечный луч прямо в сердце смелого Феникса, и рассыпалась гордая птица во прах, а прах тот упал на теплую бrenную землю и смешался с пылью вековой на необозримых её просторах. Так в своем стремлении к прекрасному на глазах у всех погиб Феникс.

И захохотали птицы, злорадствуя:

– Посмотрите, что осталось от этого безумца! Поделом же ему за его глупость!

И не знали они, что не погиб дух Феникса так, как погибло тело его. Не ведали они, что вознесся он к солнцу, чтобы через мгновение ринуться к земле.

А увидели птицы, как что-то сверкающее пронеслось в небесном просторе и остановилось над тем местом, где рас-

сеялось облако праха благородного Феникса. Вспыхнул сноп белого огня, и вылетела из него новая птица. Была она молода, сильна, красива, пурпурным задорным огнем сверкало её оперение.

И был той птицей сгоревший Феникс – так восстал он из праха своего, чтобы всегда продолжать стремиться к прекрасному.

Обомлели и замерли на миг птицы, но вскоре вновь захотали и закричали привычно:

– Безумец! Мало ему одной смерти, хочет он себе и вторую!

Было завидно тем птицам, что обрел Феникс свою вторую жизнь, а у них её не было. И понял Феникс тогда причину их криков и глянул с грустью на собратьев своих, опечалившись безумием их и завистью.

Не вняв крикам их, направился он тогда в горы, чтобы жить одному.

С тех пор каждый год летит Феникс к солнцу в своем стремлении к прекрасному. Только не видим мы его, потому что не понимаем высокого стремления Феникса...”

Знаешь, дорогой друг.

Феникс побывал в жарком пламени огня, прошел невыносимую, страшную боль и возродился вновь.

Я не могу сказать, что чувствую себя как Феникс, но с большой уверенностью скажу: “Я будто снова родилась”.

Родилась и заново научилась жить и любить эту жизнь.

После случившегося, вот не поверишь, мне совсем не хотелось жить. Первые месяцы я была безэмоциональная и безразличная ко всему окружающему кукла. И только зайдя в социальные сети, увидела улыбающегося Марка, и мое сердечко екнуло снова. Спустя два года. Последняя фотография в его ленте, выложенная три месяца назад, заставила меня хотя бы попробовать жить. Ему тоже было плохо на тот момент, но он держался как мог.

Я научилась заново доверять людям, заново ходить по улицам города и не оглядываться каждые пять секунд, ближе подпускать к себе Марка, намного ближе, чем рассчитывала, и делиться с мамой секретами.

У меня будто открылось второе дыхание, появилось вдохновение творить. Я взялась за краски и холст. Начала рисовать цветными красками. Да, в то время я тоже рисовала, но все было тусклым, каким-то невзрачным. Знаешь, я вообще больше художник-пейзажист, люблю рисовать закаты и городские улочки. Но именно сейчас, в такой необычный период своей жизни, мне хочется творить. Писать портреты. Ты ведь уже догадался, кого я так хочу изобразить?

Я научилась не стесняться своего тела и приняла себя такую, какая есть. Со всеми дефектами. И Марк принял меня такой, а на остальное мне плевать. Скажешь, а как же танцы? А вот так. Знаешь, есть удлиненные топы и шорты, они не вызывают стеснения и неудобств. И не вы-

зывают подозрений.

Я научилась быть счастливой и не только с ним. Вообще, видеть счастье в мелочах – ведь, как правило, многие этого не замечают. Тот же вкусный чай или простая карамелька – разве не счастье?

Я научилась обращать внимание на мелочи. Даже на такие, как цвет пасты у ручки, которой пишу сейчас. Приятный насыщенный синий цвет, аккуратный почерк с легким наклоном, что радует глаз. Мелочь, а приятно.

Я просто начала жить заново, будто возродилась».

Поставив точку, закрываю дневник, в котором часть меня, моей души, и убираю его в шкафчик письменного стола. Не знаю, сколько прошло времени с того момента, как я села изливать на бумаге чувства, но сейчас понимаю, что жутко проголодалась, да и с кухни идет аромат свежеиспеченных маминых ватрушек.

Заглядываю беззвучно, в предвкушении потирая ладошки и довольно улыбаясь.

– Привет, мамуль. – Подхожу к родному человеку, обнимаю за плечи и звонко целую в щечку.

Мама так не любит, ну, или притворяется, что не любит, и начинает отмахиваться от меня кухонным полотенцем, как от надоедливой мухи, при этом заливисто смеясь.

– Привет, принцесса. Как дела?

Я знаю, что она имеет в виду, но молчу. Понимаю, что нам надо поговорить, но мне необходимо время. Которое слиш-

ком быстро бежит. Обхожу ее и наливаю в чайник воду, возвращаю его на место, щелкаю кнопкой, а сама сажусь за стол, взяв в руки одну из вкуснейших булочек.

– Все хорошо, – произношу с набитым ртом и пытаюсь улыбнуться.

– А поподробней? – мама смотрит подозрительно, слегка прищурив глаза.

– Правда, мам. Все хорошо. Бали – действительно потрясающее место. И да, вам с папой тоже было бы неплохо съездить отдохнуть. Хоть на недельку.

– Ну уж нет, спасибо. Мы как-нибудь обойдемся без ваших островов. Вы молодые, вот и путешествуйте.

– А зря. Кстати, я почти научилась серфить.

Мама смотрит на меня с улыбкой, и глаза ее сияют от счастья.

– И это все? – Смотрит хитренько, надеясь, что я расколюсь и все выложу. Когда закипает чайник, она разливает по кружкам кипяток и, захватив еще ватрушек, присаживается за стол.

– Да вроде все. Если не считать того, что Марк предложил переехать к нему, – делаю глоток потрясающего чая с имбирем и мятой, прячу счастливую улыбку. Все слишком быстро, но, даже несмотря на это, я безумно счастлива.

– Ну а ты что думаешь?

– Я хочу. Но не уверена, что смогу, – произношу глухо и утыкаюсь взглядом в стол, рассматривая узор скатерти.

Мама замечает легкие нотки взволнованности в моем голосе, нежно берет за руку и легонько сжимает, а после тихо продолжает:

– Солнышко, скажи честно, ты боишься, что Марк устанет ждать и перешагнет эту самую тонкую грань, что между вами сейчас?

– Да, – освобождаю свою ладонь и закрываю лицо руками. Впервые за долгое время мне так стыдно. Я никогда раньше не сомневалась в нем, что же случилось сейчас, отчего я позволяю себе такие мысли? Да, он мужчина, ему хочется, и я это прекрасно понимаю. Но тогда на Бали ничего не было, кроме интимных ласк. Почему же сейчас я так сомневаюсь в своем решении переехать к нему снова?

– Он сможет, принцесса. Тебе не стоит бояться и забывать, что, если бы не он, ты бы сейчас не сидела здесь и не была бы так счастлива.

– Да, ты права, мама.

– Есть что-то еще?

– Есть. – Смущаюсь и опускаю взгляд в кружку. Помните, счастье в мелочах? Так вот, цвет чая ярко-желтый и заставляет улыбнуться.

– Лиза? – Ну вот что за напасть? Почему, когда мамы так смотрят, как-то особенно по-матерински, хочется им все выложить и разложить по полочкам.

– Мам, у нас было... ну, не совсем секс, но близко... – С ума сойти. Мне почти двадцать пять, а я, как десятилетний

ребенок, боюсь обсуждать с мамой эту щекотливую тему.

– Как далеко все зашло? – в ее голосе слышны нотки переживания.

– Оргазм. – Смотрю на неё, у самой лицо красное, как помидор, а она смеется. Надо мной смеется.

– Знаешь, я согласна с зяtkом, ты совсем еще ребенок. – Совсем не стесняясь, говорит она, заставляя меня улыбаться в ответ.

– Бывшим зяtkем. – Не могу промолчать о когда-то совершенной глупости. Наверное, именно сейчас мне просто нужен ее совет, как мамы.

– Ты уверена?

– Да.

– А мне кажется, это ненадолго.

– Посмотрим. Спасибо за чай, и да, ватрушки безумно вкусные. – Встаю и помогаю маме убрать все со стола, затем счастливая возвращаюсь в свою комнату.

Надо сегодня еще поработать, а на следующей неделе сдать новую серию мультфильма в студию.

Глава 19

Марк

Лето – это пора отпусков, смелых путешествий и веселых прогулок, время, когда воплощаются в реальность наши планы на долгожданный отдых и мечты о теплой погоде, разнообразии цветов и ароматов, фруктов и овощей, свет и прохлада, так скажут многие, но не я. Для меня лето – это работа. Чартерная авиакомпания, в которой я тружусь на протяжении нескольких лет, подразумевает выполнение полетов по заказу билетных агентств и туристических фирм в любое время. Конечно, чаще всего выпадают рейсы туристических фирм. И чаще всего ночью, ведь пассажирам надо спать. А это значит, командировки на популярные и хорошо продаваемые курорты есть, но проходят они не так круто, как считают многие.

Вот вам пример: буквально вчера я находился на просторах Италии в долине Кьянте, находящейся в Тоскане. Нежился на солнышке, любовался великолепием мест-

ной природы и живописными пейзажами. Красоты долины Кьянте не затмевают никакой погодой и обстоятельствами – здесь хорошо и летом, и осенью. Также это прекрасное место Италии знаменито своими виноградниками, оливковыми рощами и холмистыми пейзажами. А еще здесь производят одни из лучших сортов итальянских вин, которые мы, прошу заметить, понемножечку продегустировали с экипажем, потому что больше нельзя, находясь в этом волшебном месте на экскурсии.

Но это все было вчера, а сегодня пасмурная и унылая Москва. Поправляю фуражку и направляюсь на парковку для сотрудников аэропорта к автомобилю. Нет и десяти утра, а я еле стою на ногах, радуется только то, что до дома добираться меньше часа. Быстро принимаю душ и заваливаюсь вздремнуть. Выходной выходным, но пилоту нужен отдых, иначе его организм от резкой смены часовых поясов начинает сходиться с ума.

Встав после обеда, сооружаю обед на быструю руку. Легкий овощной салат и запеченная курица с картошкой – то что надо одинокому мужчине. Ближе к шести вечера встает вопрос, чем себя занять.. Усевшись на диван, беру в руки телефон и начинаю пролистывать список контактов в поисках интересного напарника на вечер, ну, или партнерши, она-то точно скрасит вечер.

Наткнувшись взглядом на контакт «Дюймовочка. Пустырь», невольно вспоминаю шатенку с глазами цвета неба.

Конечно, я уверен, что секс с ней сегодня мне точно не перепадет, но, может, немного позже все же повезет. Не утруждая себя лишними мыслями, нажимаю кнопку вызова и слушаю монотонные гудки довольно приличное время и, когда уже решаю, что девчонка меня опрокинула, на том конце отвечают тихим мелодичным голосом.

– Алло, слушаю. – Черт, какой красивый голос, однако, а я уже и забыл.

– Привет, Дюймовочка. Узнала? – Надеюсь, что да, а то как-то обидно будет, что так быстро забыла обо мне. Все-го-то чуть больше недели прошло.

– М-м... простите, а это кто? – Черт, да ладно?

– Неделю назад познакомились на пустыре.

– Оу, пилот Boeing 737? Неожиданно, неожиданно... а я уже подумала, что тебя поймала в свои сети какая-нибудь другая голубоглазая нимфетка. Жаль, конечно... – Вот язва.

– Может, я хочу в твои сети?

– К счастью, я не фанатка дамских угодников.

– Так, может, встретимся и проверим? – Однако, девчонка здорово поднимает мне настроение и, пожалуй, я бы не отказался скоротать вечерок в ее компании.

– Извините, вынуждена отказать. – Слышу довольные нотки в ее голосе, и представляю, как она улыбается, а глаза ее сияют, как ограненные топазы.

– Отчего же? – Черт, только не отказывай. Соглашайся. Уж больно ты интересная птичка.

– Планы. Знаешь, у людей могут быть планы, а это такая вещь, которую большинство людей составляет себе на день, чтобы было проще все успеть сделать.

Да она издевается? Черт.

– Я знаю, что это. – Смеюсь, эта девчонка меня отчего-то волнует.

– Ну... так вот. У меня на сегодня уже есть планы. И ты в них не вписываешься. – «Не выйдет, девочка. Мы все равно встретимся», – думаю я.

– Позвольте узнать, а есть надежда, что меня туда вообще впихнут?

– Одну минуту подожди, пожалуйста, – слышу, как она начинает искать что-то в сумочке, скрещиваю пальцы на руке, как в детстве, и искренне надеюсь, что шуришат страницы не планера. Это будет фиаско. – Вот. Завтра в шесть вечера, устроит? – Занавес, бл*ть.

– Благодарю за предоставленную аудиенцию. Позвольте уточнить место встречи?

– Царицыно?

– У центрального входа завтра в шесть вечера буду ждать.

– Договорились.

Без пяти минут шесть, а ее еще нет. Неужели бортанула? Да нет, быть не может. Кручусь вокруг своей оси в надежде увидеть ее, и точно: она выходит с парка с какой-то девушкой своего возраста, замечает меня и, слегка смутившись, отворачивается к подруге, чтобы быстро с ней попрощаться и уделить мне время. Бл, дожили, напрашиваюсь на встречу с девчонкой, которой на вид нет и восемнадцати лет.*

Где были мои глаза на пустыре? Ах да... у нее же изящные руки и прекрасные ноги, которые так и хотелось приласкать.

– Привет, – произносит тихо и мило краснеет.

Лиза стоит в светло-голубых джинсах, обтягивающих ее стройные ножки и предоставляет моему взору проколотый пупок, в котором виднеется маленький камушек цвета ее глаз. Укороченный белый топ с V-образным вырезом позволяет увидеть красоту ее маленькой груди. На ней свободная джинсовая куртка, из-за чего нельзя назвать ее топ развратным. Длинные шоколадные волосы распущены, а на лице минимум макияжа, все как мне нравится. Терпеть не могу тонны штукатурки на девушках, а она... она прекрасна. В ее руках маленький ранец, наверно, только для кошелька и телефона, не представляю, как туда впихнуть что-то

большее, на тоненьких пальчиках аккуратный маникюр.

– Привет. Идем? – Показываю рукой в сторону входа и приглашаю ее вернуться. Сука, до чего же неловко-то.

– Конечно. Надеюсь, я не заставила себя долго ждать? Надо же, она еще и переживает за почти незнакомого ей парня.

– Нет, что ты. Совсем чуть-чуть.

– Ой, прости. – Лиза округляет свои выразительные глаза и так искренне прикладывает ладонь к груди, что я не могу на нее злиться. Эта умильная девушка заставляет улыбаться.

– Знаешь, я чертовски голоден, поэтому как насчет кафе? А потом прогулка?

– Я не против.

Зашли в кафе у водоема, это выбор Лизы, и мне он нравится, что скрывать-то. Я заказываю полный набор на ужин: и мясо, и салат, и десерт. Лиза же только десерт и чай с имбирем и лимоном. Никогда не понимал, как можно пить эту кислятину и так мало есть.

– Расскажи о себе? – прошу ее начать первой, так как ну очень проголодался. Денек у меня сегодня выдался так себе. С утра пораньше пришлось ехать в учебный центр с опозданием, видите ли, там немного напутали с датами. И вся эта канитель началась на два дня раньше, из-за чего пришлось менять часть планов. Отрабатывали аварийную посадку на сушу, из-за чего освободился только пару

часов назад. Прикинув расстояние, решил перекусить на месте, заодно проверить аппетит Лизы. Разочаровался. Разве это еда?

– Что конкретно ты хочешь услышать?

– Все, что не стесняешься рассказать.

– Ну ладно. Выросла в творческой семье. Папа и старший брат архитекторы, мама работает с ними в одной компании. Ну а я, как ты уже знаешь, еще студентка. С детства люблю рисовать, занимаюсь танцами и обожаю поэзию. Нет, я не пишу, люблю читать и учить то, что понравилось.

– Кто нравится? – Интересно. Давно я не встречал девушки, которая увлекается поэзией.

– Ахматова, Цветаева, Есенин. А ты?

– Заметался пожар голубой,

Позабылись родимые дали.

В первый раз я запел про любовь,

В первый раз отрекаюсь скандалить, – цитирую ее же любимого поэта, давая понять, что сам люблю стихи, и вкусы наши сходятся в литературе.

– Был я весь – как запущенный сад,

Был на женицын и зелие падкий.

Разонравилось пить и плясать

И терять свою жизнь без оглядки.

У нее мягкий красивый голос, который приятно слушать, кажется, я готов внимать ей вечно. Я бы не отказался сей-

час побыть в своей квартире вместе с ней, завалиться на диван и смотреть на ночной город, при этом слушать, как она читает стихи. Да, вечность.

– Мне бы только смотреть на тебя,

Видеть глаз злато-карий омут,

И чтоб, прошлое не любя,

Ты уйти не смогла к другому.

– Ты умеешь играть на гитаре? – Лиза интересуется с предвкушением, заставляя меня улыбаться.

Ее восхищенный взгляд поражает меня до глубины души.

– Да. Студентом был, когда вечерами скучно бывало, мы собирались под гитару.

– Здорово. А у меня не получается, я пробовала, но это не мое. Зато я очень вкусно пеку.

– Серьезно? – Обалдеть. Интересно, ей сейчас сказать, что я фанат домашней выпечки, или в другой раз. В другой раз? Да ладно.

– Да. Как-нибудь тебя угощу. – М-м, какая же она кошечка. Конечно угостишь и не только выпечкой.

– Почему пилот, Марк?

– Не знаю. Я с детства небо люблю, помню, часто задавал родителям вопрос: «Почему люди не птицы?» Еще с малых лет хотел летать, а когда дедушка подарил мне игрушечный самолет, решил, что буду пилотом. А когда в первый раз оказался в аэропорту и увидел Boeing 747, понял, что это он. С того времени у меня цель быть капитаном именно

«Королевы неба».

– Ну, это же постоянный риск, ежедневная возможность разбиться, покалечить себя, умереть. Это опасный труд, вечная напряженность внимания...

– А еще недоступные большинству людей ощущения страшной высоты, потрясающие закаты и рассветы.

– Небо, облака и романтика... красота, однако.

– Именно так.

Это девочка далека от авиации, но у нас с ней столько общего, думаю, это не последняя наша встреча.

Это наше пятое свидание, охренеть можно. Никогда меня так надолго с девушкой не хватало, обычно сразу ко мне или к ней. А здесь чистая невинность. И мне это нравится.

Мы находимся в парке «Зарядье» на парящем мосте. На улице ночь, а вокруг огни Москвы и Кремль. Лисенок стоит ко мне спиной, руками держится за прозрачные бортики и лобуется столичной красотой. Я совсем близко и понимаю, что с такой девушкой, как она, возможны только отношения. Никакой секс на раз или два. И я готов попробовать. Готов быть верным и честным, поверить, что меня ждут дома и любят.

Подхожу на шаг ближе и обнимаю за талию, прижимаю к себе и зарываюсь лицом в ее волнистые волосы цвета мо-

лочного шоколада. Чувствую, как она напрягается буквально на долю секунды, но быстро расслабляется, доверяя мне. Нежно, едва касаясь ее бархатной кожи, целую оголенную шею. Лиза опирается на меня и, зажав дыхание, просит ее поцеловать. В первые несколько секунд мне кажется это неожиданным и одновременно таким желанным, что я не в силах устоять. Держу ее за плечи, аккуратно разворачиваю к себе лицом. Вижу в ее глазах непередаваемое желание, она тоже ждет этого поцелуя. Зарываюсь ладонью в волнистые волосы и притягиваю к себе, медленно и не спеша наклоняюсь к ней.

Это наш первый поцелуй. Поцелуй со вкусом вишни. Нежный и родной. Да, именно родной. Я впервые чувствую себя на своем месте – дома.

Она мой дом. Дом, где уютно и тепло, где тебе всегда рады и ждут.

Я готов попробовать завести отношения.

Август. Двадцать первое число. Четыре месяца как мы вместе. День рождения Лисенка. Двадцать лет. Знакомство с родителями.

Сверяюсь с данным мне адресом по навигатору – все сходится. Беру подарки и букеты, правда, хрен знает, правильно ли все это. Мне еще не приходилось знакомиться с родителями девушки, и поэтому чувствую, как меня потряхивает. Причем нехило так. Провожу рукой по лицу, усмехаюсь,

не веря в то, во что ввязался добровольно.

Знакомство проходит хорошо, принимают меня вполне благополучно. Родители Лисенка действительно творческие люди, это видно по дизайну квартиры, гостиная выполнена в стиле прованс. Все выглядит уютно и как-то по-домашнему.

Моя девочка, несомненно, самая красивая сегодня. В этом нежно-голубом платье – фасона колокол, кажется, – и с тоненьким золотым пояском, изящно подчеркивающим ее хрупкую талию, она похожа на куклу. Волосы распущены и волной рассыпаются по спине, а на лице, как всегда, естественный макияж, никаких излишеств, и только легкий румянец на щеках выдает волнение.

Я подхожу к ней слишком близко, чувствую аромат сладковатых духов и вручаю букет шикарных роз. Ровно сто один цветок. Она сильно удивляется, заставляя меня искренне улыбаться. Я просто не могу оторвать от нее восхищенного взгляда.

Слишком красива, слишком моя.

– Мне же некуда их ставить... – Серьезно?

Держу букет в руках, пока она бежит в поисках подходящей тары. Наконец-то, Лисёнок выбирает ведро и направляется в комнату, позвав меня с собой. Пока она расправляет лепестки роз, как ей больше нравится, я принимаюсь внимательно осматриваться.

Небольшая комната в светлых тонах с белой мебелью

выполнена в стиле минимализм. Кровать, небольшой шкаф, письменный стол со множеством полочек и мольберт. На стенах несколько картин, и, пожалуй, единственное яркое пятно – это огромный цветок в углу комнаты. Его листья красно-желтые, изредка зеленые.

Я не сразу замечаю, как она разглядывает меня из-под опущенных ресниц, точнее, смотрит с нескрываемым возбуждением. Делаю небольшой шаг в ее сторону, она – шаг навстречу, и так, пока мы не оказываемся совсем близко друг к другу. Затаив дыхание, Лиза опускает взгляд на мои губы и облизывает свои, явно думая о чем-то порочном, и наконец делает еще один крошечный шаг ко мне. Я считаю это приглашением и, обняв девушку за талию, впиваюсь жадным поцелуем в ее губки с вишневым вкусом, моим любимым теперь. Руками стискиваю ее попку, как можно ближе прижимаю к себе и, приподняв за ягодицы, сажаю на письменный стол, широко расставив ее ноги. Она цепляется своими маленькими пальчиками за воротник рубашки и тянет на себя, целует с такой страстью, с такой отдачей, что я готов разложить ее прямо здесь и жестко трахнуть. Единственное, что меня останавливает, так это полный дом родственников.

Тяжело дыша, отпускаю Лизу и отступаю на шаг, чтобы между нами была хоть какая-то гребаная дистанция. Лисенок пытается потянуть меня на себя, но я убираю ее руки и, ехидно улыбнувшись, отрицательно качаю головой.

– Не здесь, Лисенок.

– Марк, мне тебя так мало... очень мало. – Да, она права.

За эту неделю мы только видимся второй раз.

– Знаю. Потерпи немного, скоро будем встречаться чаще. У меня для тебя подарок. – Достаяю из заднего кармана длинную коробочку нежно-синего цвета и протягиваю ее Лисенку. Она как завороженная смотрит и не спешит открывать. Но любопытство побеждает и, кое-как справившись с застежкой, она все же заглядывает внутрь. Я вижу, как счастливая улыбка расплывается на милом лице, как по ее щеке катится одинокая слезинка.

– Давай помогу. – Она протягивает мне коробочку, я достаю подарок и снова подхожу к ней непозволительно близко.

Я заказал для нее кулон в форме лисенка с глазами цвета неба, моего любимого цвета, на тонкой золотой цепочке. Надев ей на шею цепочку и убедившись, как та ей идет, обнимаю свою девочку и прижимаю к груди, вдыхая ее аромат. В этот момент я понимаю, как счастлив.

– Ты мне очень дорога, Лисенок.

Пять месяцев, а мы встречаемся два или три раза в неделю. Этого мало, чертовски мало. Я хочу видеть ее чаще, слышать мелодичный голос и заволаживающий смех. Любо-

ваться ее счастливой улыбкой и просто быть рядом.

Больше месяца назад я подал заявку, чтобы пересмотрели мой план полетов, и вот наконец-то я могу обрадовать Лисенка нашими более частыми встречами.

– Марк, а ты уверен, что ее надо ставить именно так? – Нет, бл, не уверен. Как я уже успел убедиться, в палатках я полный профан.*

Сегодня нашим отношениям чуть больше года, но чувство такое, что я знаю ее куда дольше. Мы с компанией друзей решили выбраться на природу с палатками и ночевкой. Лисенка я познакомил со своими друзьями на следующий день после ее дня рождения и, как и ожидал, ее приняли с распростертыми объятиями. Я знал, что она быстро впишется в мою дружную компанию, Лиза даже с девчонками умудрилась быстро найти общий язык. Ну, кроме одной, с той я периодически спал, до начала этих отношений, конечно.

– Брат, может, тебе помощь нужна более опытного человека, скажем так? – Наконец-то хоть кто-то заметил.

– Не откажусь.

– Это тебе не самолет, здесь ручками работать больше надо.

– Хорош умничать, помогай уже.

Пока собираем палатки и разжигаем костер, девчонки всю отдыхают. Кто-то купается, кто-то нежится на солнышке. Пожарив шашлыки, устраиваемся на импровизированном столе у костра, захватив гитару, и погружаемся в настоящую атмосферу отдыха на природе.

В этот летний день я в первый раз слышу, как поет Лисенок. Перебирая струны, наигрываю мелодию и цитирую Есенина «Пой, гитара, пой», а она сидит рядом и тихо подпевает. Со стороны мы выглядим влюбленными и довольными жизнью, и с этим даже спорить не хочется. Закончив играть, я убираю гитару в сторону и притягиваю свою девочку ближе.

– Я люблю тебя, Лисенок, – шепчу тихо ей на ушко, чувствуя, что она улыбается.

Находясь в уютном гостиничном номере, размышляю о прошлом, о том, что между нами было и как так получилось, что меня все устраивает. Со счастливой улыбкой на лице вспоминаю некоторые моменты из нашей жизни, они мелькают перед глазами, как сюжеты киноленты, яркие и красочные, наполненные жизнью: наше первое свидание, первый поцелуй, знакомство с родителями...

Я помню все это настолько отчетливо, словно это было вчера. У меня было достаточно времени, чтобы подумать о

будущем и расставить приоритеты. Улететь или бороться – решать только мне. Уже совсем скоро, буквально через месяц, начнутся экзамены в авиакомпанию, в которой я уже давно хочу работать, и мне кровь из носу надо все сдать. Признаться честно, мне надоела Москва и ее пасмурная погода, хочется скорее оказаться в тепле у Персидского залива. Как только я сдам все экзамены, сразу же расскажу своей девочке и заберу ее с собой. Даже если она будет не готова, уверен, вместе мы справимся со всеми трудностями, что возникнут на нашем непростом пути. С такими сладострастными мыслями я не сразу замечаю, как засыпаю.

Открываю глаза только тогда, когда звонят с ресепшн и мелодичным голосом сообщают, что трансфер для экипажа прибудет через час. Быстро принимаю освежающий душ, надеваю заранее подготовленную форму и спускаюсь на завтрак к экипажу. После чего мы едем в аэропорт, где нас ждет стандартная процедура: досмотр, медицинская комиссия, брифинг, получение документов на рейс и их заполнение, изучение маршрута, выбор запасного аэродрома, расчеты топлива, ознакомление с метеосводкой, осмотр самолета на предмет возможных проблем как снаружи, так и изнутри. В общем, пока все это проходишь, уже и не хочется куда-то лететь.

Дальше проще: руление на взлетную полосу, усыпанную по бокам и центру яркими огнями, ожидание очереди на взлет, разрешение диспетчера – и вот он, тот самый момент,

ради которого я четыре года грыз гранит науки в авиационном училище, сам взлет. Двигатели по максимум, разгон воздушного судна по взлетно-посадочной полосе и отрыв. Впереди виден только нос самолета, устремляющегося в небесную гладь нежно-голубого оттенка с белыми облаками. Пару минут спустя я с восхищением наблюдаю, как под самолетом оказывается перина из облаков необъятных размеров. Она кажется такой воздушной, такой прекрасной. Капитан вежливо приветствует пассажиров, произносит давно заготовленную речь и желает хорошего полета.

Время в пути составляет чуть больше восьми часов. Рейс Владивосток-Москва.

Глава 20

Лиза

Персидский залив – это Ближний Восток во всей красе, с его песками, традициями и духом арабской сказки.

Я лежу под ярким зонтиком на шезлонге, прячусь от солнца и время от времени довольно жмурюсь, потому что ноги мои по щиколотку утопают в горячем, обжигающем песке. Не спеша, маленькими глотками я попиваю безалкогольный коктейль «Мохито» и с восторгом наблюдаю за своим мужчиной, выходящим из воды. Он безумно красив, особенно сейчас, когда капельки воды скатываются по атлетическому телу, заставляя меня облизываться и прикусывать губы

от головокружительного удовольствия. Уверенной походкой он направляется в мою сторону, полностью игнорируя восхищенные взгляды девушек, которые с нескрываемым любопытством рассматривают моего мужчину.

«Выкусите. Он мой», – так и тянет заорать на весь пляж, но я молчу.

Подойдя ко мне, он протягивает раскрытую ладонь и мило улыбается одной из своих «я-знаю-что-ты-хочешь» улыбок. Я смотрю на него восхищенным взглядом и, ни капельки не сомневаясь, в ответ доверительно протягиваю свою маленькую ладошку. Однако... я пытаюсь ухватиться за его руку, но все тщетно... как будто передо мной хорошо сделанная голограмма. Пытаюсь снова и снова, но результат не меняется. Постепенно меня начинает охватывать непреодолимая паника, и я чувствую, как капельки пота катятся по спине, только ухудшая ситуацию. Резко подрываюсь на ноги, пытаюсь за него ухватиться, но он исчезает, растворяется в горячем песке и уносится ввысь.

Туда, где облака и безграничное небо. Туда, где летают самолеты, а еще выше ангелы.

Рыдая навзрыд, прыгаю на обжигающем ступни песке, пытаюсь ухватиться за его ноги и улететь с ним, но тут резкий рывок и падение в никуда...

Сердце стучит как бешеное. Так, что кажется, еще немного – и оно выпрыгнет. Помчится галопом за ним. Холодный пот ручьем стекает по спине, пижама промокает мгновенно.

Я смотрю непонимающим взглядом на часы, стрелки которых показывают одиннадцать часов дня. Меня всю трясет изнутри, что-то непонятное скребется в районе сердца острыми когтями, как кошка. Это что-то мешает дышать, сдавливает горло, причиняя острую боль. Недолго думая, накидываю на плечи халат, трясущимися руками завязываю пояс и отправляюсь в душ. Как ни стараюсь прийти в себя, дурное предчувствие меня не покидает...

Не пойми откуда появляется резкая головная боль, полная растерянность и в завершение – дикая злость. Все чувства обострены до предела, они будто перемешались, превратились в один огромный комок, который застревает в груди и причиняет чудовищную боль. От ужаса, что меня охватывает, в голове появляется вереница мыслей, и я не знаю, за какую ухватить.

Переодевшись в домашние лосины и модный свитшот с цветочным орнаментом, отправляюсь на кухню в надежде, что, может, в присутствии родных на душе полегчает. Родителей застаю за завтраком: папа пьет крепкий чай без сахара и читает новости на планшете, хмуря поседевшие брови, а мама сидит рядом и сооружает для него очередной бутерброд. Мне кажется, или у моих родителей снова конфетно-букетный период? Неважно. Я рада за них.

– Всем доброе утро. – Хотя я бы так не сказала.

Не спеша подхожу к фильтру с водой, наполняю граненый бокал с ярко-желтым подсолнухом, чтобы утолить жажду и

хоть немного успокоиться. Необъяснимая и неясная тревога не дает мне покоя, и, недолго думая, я набираю номер Марка, но он вне зоны доступа. Набираю снова и снова, а потом вдруг слышу голос телеведущей, который заставляет мое тело буквально на мгновение превратиться в каменное изваяние:

– Экипаж рейса Владивосток-Москва, круживший в небе над аэропортом лишних полтора часа, принял решение об аварийной посадке. Из-за отказа переднего шасси пилотам пришлось сажать самолет на аварийную полосу, залитую пеной. Борт приземлился удачно, среди пассажиров и членов экипажа... – дальше я ничего не слышу, в ушах стоит шум неисправного двигателя (я прекрасно помню этот противный звук, еще с полетов на авиатренажере), перед моим взором стоит размытая: картинка Boeing 737 с задраным вверх хвостом. Покореженный нос окутан пеной так, что не видно кабины пилотов, она скрыта от людских глаз. От двигателей идут густые пары дыма, порождающие удушающий страх. Кругом машины скорой помощи и пожарные.

Я не сразу замечаю, как граненый стакан с грохотом вылетает из ослабевших рук и вдребезги разбивается о кафельный пол. На осколки разбилось и мое хрупкое сердце.

Меня всю трясет, а перед глазами будто пелена едкого дыма. Она появляется словно наяву, от этой яркой галлюцинации становится тяжело дышать. Что делать дальше? Как жить, когда часть тебя, часть твоей ранимой души, сердца в

беде...

– По данным Росавиации, посадка была жесткая. Пилотам пришлось отказаться от шасси. Пассажиров эвакуировали по надувным трапам...

Жесткая... одно только слово навевает непреодолимый ужас. Жесткая посадка может означать только одно – множество травм и ссадин, и это в лучшем случае. Марк и капитан были в самом эпицентре, в носовой части. Вся мощь удара досталась им.

На ватных ногах опускаюсь на пол, громко всхлипываю, совершенно позабыв, что не одна, трясущимися руками пытаюсь набрать Марка. Телефон выпадает из рук, с грохотом отлетает в сторону холодильника. Я ползу на коленях, в чертовых лосинах скольжу, как корова на льду, и напрочь забываю про осколки стекла на полу, что могут впиться в руки и ноги. Плевать. Мне нужно услышать его голос, просто необходимо. Трясущимися руками беру телефон и снова пытаюсь ему позвонить. «Абонент вне зоны доступа сети», – вещает милый голос девушки, вызывая у меня истерику. Я чувствую, что кто-то подхватывает меня на руки, улавливаю, папин аромат. Все как в детстве, когда мне было больно, он также брал меня на руки и укачивал, как маленького ребенка, пока я не засыпала. Так и сейчас... он прижимает меня к своей сильной надежной груди, ласково шепчет на ухо: «Тише, тише, все будет хорошо, доченька».

«Не будет папа, если не будет его», – думаю я, даже не

надеясь так быстро успокоиться.

Мама дает новый стакан с водой, но у меня не получается сделать и глотка. Выходит совсем плохо, зубы стучат о стекло, капли катятся по подбородку, но мне плевать. Я стараюсь пить, глупо надеюсь, что успокоюсь. Краем уха сквозь толщину защитного панциря слышу голос папы. Он разговаривает с кем-то по телефону, но я не могу уловить суть, не понимаю ни одного слова. Только голос... родной и успокаивающий.

– Жень, я на громкую связь поставил. Повтори, пожалуйста, что ты мне только что сказал.

Мой любимый папочка, самый лучший на свете, позвонил Евгению, лучшему другу Марка. Конечно, тот, наверно, уже все узнает, но вряд ли расскажет подробности. Так... поверхностно.

– Лисенок, ты меня слышишь? – звучит знакомый голос с нотками волнения.

– С... слышу, Жень... он... он... жив? – произношу, глотая слезы.

Не могу, как же больно становится на душе от одной только мысли.

– Лиза, ну конечно жив. Это всего-то посадка самолета, ну да, отказало шасси. Но тебе ли не знать, какой Марк пилот? Да и капитан его? Они совершили чудо, посадив эту птичку без потерь. Ты можешь спокойно гордиться своим мужем. Ну а то, что дозвониться не можешь? Так и не пытайся...

– Т... ты что такое говоришь? Я не могу... я должна...

– Знаю, Лиза. Но не дозвонишься до него в любом случае, как бы ни старалась. Я позвонил куда надо, все хорошо. Все живы. Сейчас он будет на работе, может, вечером и то поздним, вернется домой. Ситуация так себе, поэтому им еще писать кучу бумаг. Ты же знаешь, какая это волокита, писать все подробно от начала рейса и до конца. А это восемь часов в небе, Лисенок. Понимаешь?

– Д-да. Спасибо, Жень.

– Не за что. Не волнуйся, он позвонит сразу же, как только освободится.

– Я поеду к нему и буду ждать, – выпаливаю прежде, чем успеваю подумать.

Сейчас я уверена, что нужна ему так же сильно, как он мне.

– Ты уверена? – интересуется лучший друг моего мужчины.

– Д... да.

– Я недалеко от твоего дома. Могу отвезти. Поедешь? – Это так похоже на Женю, весельчак и балагур, но всегда придет на помощь.

– Да. Спасибо, Жень.

– Тогда у тебя пятнадцать минут на сборы.

– Хорошо. – Я сбрасываю вызов и бегом несусь в ванную комнату, умываюсь холодной водой, чтобы хоть как-то освежить эмоции и вытравить из головы дурные мысли. Благодаря разговору с Женей и его веселому настроению, мне ста-

ло немного легче. В памяти снова и снова прокручиваю все, что произошло с того момента, как я зашла на кухню и – о Боже! – мама... папа. Как я могла про них забыть? Дуреха, блин.

Вытерев полотенцем лицо, несусь сломя голову на кухню и замираю в дверях с широко распахнутыми глазами. Сердечко, которое только-только успокоилось, снова начинает грохотать и рваться наружу. Передо мной снова не лучшая картина, заставляющая пережить адские минуты. Папа сидит на прежнем месте и тихо считая капает в бокал с водой валерьянку, после протягивает его заплаканной маме. Она берет трясущимися руками, похуже, чем у меня, выпивает. Неужели, когда она давала мне пить, у нее уже тряслись руки от волнения? Скольжу тревожным взглядом по столу, вижу валерьянку и блистер с таблетками. Первая мысль – сердце.

По моему лицу снова текут горькие слезы, но на этот раз от стыда. Как я могла, особенно после всего, что они для меня сделали, забыть про них? Кажется, сегодня я пролью весь свой годовой запас. Я иду к ним и резко падаю, больно ударяясь коленями о пол. Недолго думая, кладу голову маме на колени и обнимаю ее что есть сил.

– П... простите меня, п... пожалуйста. Со мной одни беды, – мои слова звучат бессвязно, жгучей болью отдаваясь в груди.

– Все хорошо, принцесса, – мама ласково гладит меня по голове, как раньше, не переставая лить горькие слезы. –

Марк – наша семья, и мы тоже переживаем за него.

– Я знаю... знаю. Просто не была готова к такому.

– К такому нельзя подготовиться, Лиза, – тихо произносит папа, присоединяясь к маме.

Папа, любимый мой. Как всегда, уверенный в себе, тыл и защита семьи. Несмотря на случившееся, держится как крепень.

– Да, ты прав, – всхлипываю, вытирая слезы.

– Собирайся, скоро Евгений подъедет, а ты красная как рак.

– Папа! – Ну вот, шуточки. Зная отца, могу сказать, что все будет хорошо.

– Принцесса, собирайся, – пока мы с папой обмениваемся взглядами, слышу тихий мамин голос, каким она в детстве читала мне любимые сказки. Именно такой бархатный и ласковый голос рассказывал мне о счастливом будущем принца и принцессы.

Снова ванна, снова умываюсь холодной водой. Бегу в свою комнату, достаю спортивную сумку из-под кровати и кидаю в нее все, что может понадобиться в течение нескольких дней. Меняю лосины на рваные джинсы и накидываю сверху кожанку. В коридор выхожу спустя пять минут и вижу Женю, он уже здесь. Видно, что он тоже переживает за друга, но старается этого не показывать. Эх, мужчины.

– Здравствуйте, госпожа Воскресенская.

Он отвешивает низкий поклон, давая понять, что он все

еще мой личный холоп. Клоун, вот кто он. Так уж получилось, что раньше, если мне надо было что-то срочное, а Марк находился в командировке, Женя всегда становился моей палочкой-выручалочкой.

– Поправочка. Мисс Аникина, – протягиваю ему свою спортивную сумку, набитую битком, и мило улыбаюсь.

– В смысле? Аникина? – Он смотрит на меня как на сумасшедшую, и я понимаю, что впервые за это утро мне хочется смеяться. От души.

– Вот так. Развелись... давно еще. Разве ты не знал? – голос звучит глухо, заставляя даже меня удивиться.

Больно, слишком больно мне об этом думать. Позорно прикусываю нижнюю губу и стыдливо отвожу взгляд. О, сандалики. Надо их взять, все-таки лето. Пока упаковываю сандалики в пакет, слышу, как Женя разговаривает с папой.

– Она что, ничего не знает еще? – Нет, я не подслушиваю, просто это было сказано ну очень громко. Прямо очень... скорее специально, чтобы одна девочка узнала одну тайну.

– Не знаю что? – Смотрю то на папу, то на Женю. Но никто из них не спешит мне ничего рассказать.

– Жень? – произношу грозно и изо всех сил стараюсь испепелить его взглядом.

– Нет, Лисенок. Этого от меня ты не услышишь. – Он поднимает руки, сдаваясь. Чертики в его глазах танцую самбу, дьявольская улыбка расплывается по лицу, а затем он просто уходит.

– Женя, стой, – кричу ему вслед, пока он направляет в сторону лифта.

– Я жду тебя в машине, – доносятся его слова, когда он сбегает по лестнице.

– Папа? – Смотрю на него глазами олененка, желая узнать не мою тайну, надеясь, что сработает, как раньше.

– Он не подписал документы на развод, – произносит папа, мягко улыбаясь.

Я так и думала, что папа все расскажет. Он просто не может поступить со своей маленькой принцессой по-другому. Встав на носочки, целую его в колючую щеку и почти выхожу из квартиры. Но что-то щелкает в моей голове, заставляя остановиться у двери и обернуться в сторону папы. Он стоит, скрестив руки на груди, широко улыбается. Мне сейчас кажется, или он смеется надо мной? Над тем, что до меня слишком долго доходит информация.

– Он что? – мепчу сильным голосом, не спуская цепкого взгляда с папы.

– Вы еще женаты, Лисенок.

– Уи-и... О Боже! – Забыв про возраст и воспитание, кидаюсь папе на шею. Он крепко обнимает меня и громко смеется, в голос. Как давно я не видела его таким счастливым.

– Спасибо, спасибо. – Целую его в колючие щеки, плача и улыбаясь от счастья.

– Беги уже.

Находясь в машине Жени, я расцветаю самой настоящей

счастливой улыбкой, даже несмотря на то, что утро ничего хорошего не предвещало. Он искоса смотрит на меня и тихо смеется, прикрываясь кашлем.

– Рассказал? – интересуется с предвкушением и смотрит на меня искоса, отвлекаясь от дороги.

– Да-а-а-а... – довольно протягиваю, как маленький ребенок.

– Так и знал, не сможет смолчать.

Дома у Марка оказываюсь в обед и за время ожидания успеваю навести порядок и приготовить ужин из тех продуктов, что купили с Женей, заехав по дороге в магазин. Смотрю на часы, уже поздно, а Марка еще нет. Грустно вздохнув, беру плед и, укутавшись, ложусь на диван, подпирая щеку ладошками. Не замечаю, как засыпаю, будит меня щелчок входной двери.

Марк приехал.

Глава 21

Лиза

Резко подрываюсь, роняю на пол теплый плед и сломя голову несусь в коридор встречать любимого мужа. Правда, несусь недолго... стоит мне встать с дивана, как я спотыкаясь о плед и с грохотом валюсь на пол. От стыда моментально заливаюсь краской и прячу смущенный взгляд за распу-

щенными волосами.

Не хочу, чтобы наша встреча после долгой разлуки произошла именно так. Но, видимо, у судьбы другие планы... снова.

Подъем мне дается нелегко. Ноги запутались в пледе. Сижу попой на полу и, дергаясь, пытаюсь как можно быстрее избавиться от пледа, что буквально несколько минут назад меня согревал, и я была не против, а вот сейчас он дико раздражает. Тихо ругаясь не совсем красивыми словами, не сразу замечаю, что уже не одна. Беззаботный, заразительный, безумно родной и любимый смех заставляет закрыть лицо руками и взвыть от позора. Как неудобно-то получилось. Хотя о чем это я? Ему вроде все нравится.

Собираю крупицы достоинства, моргаю несколько раз и, резко развернувшись к Марку лицом, усаживаюсь по-турецки на тот самый плед. Марк стоит у входа в гостиную и, запрокинув голову, заразительно смеется. Я смотрю на него, такого расслабленного и счастливого, и понимаю, что все сделала правильно.

Я должна быть здесь, с ним!

Чувствую, как от этой картины внутри меня зарождается тепло. Маленький огонечек, что не погиб тогда, когда я была на грани, сейчас разгорается жарким пламенем. Я смотрю на

любимого мужчину заинтересованным взглядом и чувствую, что, помимо тепла, которое дарит огонь внутри меня, есть что-то еще. И от этого что-то еще я начинаю плакать, тихо поскуливая. Он замечает, он всегда замечал резкие смены моего настроения, медленно подходит, будто боясь, что я убегу. Было бы только куда.

– Лисенок? – спрашивает тревожно, присаживаясь рядом со мной.

Он не берет меня за руки, как раньше. Просто сидит рядом и тревожно смотрит, ждет.

– Я чувствую, – всхлипываю, торопясь вытирая слезы и одним резким движением обнимаю Марка за шею.

Мне это надо. Очень надо.

Он обнимает крепко, я чувствую, как он вдыхает аромат моих волос и нежно улыбается. Расслабляется. Мы сидим так несколько минут, а потом он отстраняется, шершавыми пальцами проводит по щеке, едва касаясь кожи, но стирая слезу.

– Что чувствуешь? – шепчет тихо, успокаивающе.

– Желание, – смотрю в любимые глаза, которые после моих слов заволакивает пелена безумия, неверия, и улыбаюсь.

Марк осторожно отодвигает прядь моих волос, что упала на глаза, а у меня сердечко начинает биться в бешеном рит-

ме, когда я вижу в его взгляде нежность вперемешку с безграничной любовью. Кожу на пальцах и губах покалывает, ужасно хочу его обнять и поцеловать. Не выдерживаю нежных и таких родных взглядов, первой тянусь к его губам.

Обнимаю, касаюсь манящих и желанных губ своими. Его губы сладкие как мед. Набравшись смелости, дерзко обвожу верхнюю кончиком языка, заставляя его рычать. Одну руку он кладет на мою поясницу и притягивает к себе, давая почувствовать всю мощь его желания. Другой рукой зарывается в мои распущенные волосы и, намотав их на кулак, запрокидывает голову назад, оголяя шею. Я успеваю заметить, как его глаза поглощает тьма желания, замечаю, как в них кипит мощнейшим гейзером страсть. Чувствую, как остатки нерешительности покидают его и меня тоже.

Он набрасывается на меня, как проголодавшийся зверь, долгое время плутовавший по лесу без крошки во рту. Я чувствую его торопливые прикосновения к моему хрупкому телу, они взрывают сознание на миллиарды ярких огней и уносят в прошлое.

Страх нет, его место заменило неожиданное желание повторять это снова и снова. Боязнь ушла, теперь есть ожидание и предвкушение сегодняшней ночи

Его губы такие горячие и страстные. Он целует меня везде, куда только может дотянуться, но особенное внимание уделяет, конечно же, моим губам. Он скучал, и я тоже. Мне безумно хочется этих обжигающих прикосновений ещё и

ещё. С каждой секундой, с каждой минутой мое тело требует большего. Внизу живота собирается огненный ком, требующий немедленной разрядки, кажется, еще чуть-чуть – и я взорвусь.

Марк, снова оторвавшись буквально на миг от моих истерзанных поцелуем губ, проводит дорожку поцелуев от виска к шее, заставляя меня улыбаться. Придерживая сильной рукой за спину, аккуратно опускает на все еще теплый плед, который валяется кучей на полу. Внимательно заглядывает в глаза, нависая надо мной, и, увидев в них необъятное желание, вновь приникает к моим уже довольно опухшим от поцелуев губам.

Мы сливаемся в простом поцелуе, который постепенно набираем обороты и становится страстным.

Это тот самый поцелуй, в котором неважно, кто доминирует. Сейчас мы едины, одно целое. Мы отдаемся нежным ласкам, неопишуемому наслаждению, напрочь теряем контроль над своим сознанием. Есть только чувство. Сумасшедшее и обжигающее.

Я обнимаю его со всей силой, что есть во мне, прижимаюсь, желая слиться воедино. Желая раствориться в его сильном и таком горячем, желанном теле. Руки сами тянутся к пуговицам на его рубашке, хочу как можно скорее освободить его от лишних вещей. Почувствовав мои торопливые действия, Марк резко отстраняется и снимает ее, откинув куда-то в сторону. Кончиками пальцев хватается за мою тол-

стовку и нежно, не спеша, не разрывая со мной зрительного контакта, начинает поднимать ее вверх. Этот процесс кажется таким долгим, но таким возбуждающим. Избавив меня от толстовки, он сразу же припадает к моим губам, словно зависим от них.

Я прикасаюсь грудью к его сильному телу, заново рождая в себе горячее и страстное чувство, которое заполняет и поглощает сознание, как раньше.

Мы оба чувствуем возбуждение тел, прижимающихся, сплетающихся друг с другом. Только мне этого мало, я хочу большего. Обхватываю ногами его бедра и прижимаюсь к губам в еще более страстном поцелуе. Не знаю, как так получается, но спустя время мне кажется, что мы пожираем друг друга, как любимый десерт, который хотят отнять. Вот настолько мы соскучились по нам.

Тянусь руками к форменным брюкам, торопясь расстегиваю бляху и тяну собачку на молнии вниз. Оттягиваю резинку боксеров и провожу ноготками по твердому члену. Он начинает рычать от удовольствия, прокладывая дорожку горячих обжигающих поцелуев от шеи к груди, заставляя меня стонать в унисон и выгибаться дугой. Желая доставить ему удовольствие, обхватываю пальцами член и начинаю медленно и плавно двигать вверх и вниз. Расплываюсь в улыбке, когда чувствую, как он начинает глубоко дышать, с его губ срывается сладостный стон, по телу пробегает сладкая дрожь.

Он хочет того же, чего и я...

Отстранившись на миг, Марк чертыхается, резко подхватывает меня на руки и несет в ванную. Ставит на теплый пол, включает в душе почти горячую воду и возвращается ко мне, чтобы медленно раздеть не только обжигающими руками, но и горящими глазами. Он с упоением целует мою грудь, посаживает и нежно покусывает возбужденные соски, заставляя тело плавиться от его страстных прикосновений. Марк приподнимает меня за бедра, я взвизгиваю, не ожидая такого подвоха, а он, тихо смеясь, направляется в душ под горячие струи.

Вода стекает по нашим обнаженным телам, так идеально подходящим друг другу. Он обнимает нежно и прижимает к себе бережно, словно старается запомнить этот момент. А я вижу его возбужденную плоть, чувствую себя желанной и сексуальной. Но он не торопится...

...Кончиком языка прикасается к моей шее, вызывая легкий озноб и мурашки, доводя до исступления. Скользит по основанию шеи к хрупкому плечу, оставляет влажный след и нежно-нежно покусывает его, срывая с моих уст еле слышный стон...

...Разворачивает меня за плечи спиной к себе, подушечками пальцев скользит от низа живота к моей груди. Это естественное зрелище настолько возбуждает, что я тоже дотрагиваюсь до своей груди и пальцами начинаю рисовать круги вокруг соска. Он рычит, кусает мое плечо и сразу целует...

...Другая рука спускается между моих стройных ножек. От касания его слегка шершавых пальцев там я ощущаю мокроту и приятную тяжесть внизу живота. Мне хорошо. По-настоящему хорошо. Марк дразнит, развратно играя пальцами с моими нижними губками. Целует мочку уха, просовывает один палец внутрь и начинает двигать туда-сюда, заставляя меня стонать в голос. Его палец продолжает свои движения вниз, проникая раз за разом все глубже и глубже, практически доводя меня до безумия. Марк снова целует плечо, затем прокладывает дорожку обжигающих поцелуев по позвонкам к моей попе. До меня не сразу доходит, что он стоит на коленях и разворачивает меня лицом к себе. Я впиваюсь ногтями в его плечи и вижу затуманенный взгляд, обращенный на мои половые губки. Он без стеснения целует меня прямо туда, заставляя меня затаить дыхание, а потом медленно проводит языком вокруг них, вырывая из меня сладостный стон. Улыбнувшись, Марк снова целует там, и я опять издаю громкий стон, крепко впиваясь пальцами за его плечи, оставляя следы от ногтей. Он начинает страстно целовать мои губки и посасывать клитор, не переставая двигать пальцем внутри меня. Из меня вырывается уже не просто стон – крик. Я кусаю губы практически до крови, чувствуя, как глаза закатываются от наслаждения, и спустя мгновение скатывается слеза от первого настоящего оргазма за два года. В голове стоит звон, и я слышу каждый удар наших сердец.

Чувствую себя птицей Феникс – восставшей из пепла и начавшийся заново жить.

Из душевой Марк выходит первым и, взяв полотенце, возвращается ко мне, уставшей и измотанной. Укутывает меня им, как маленького ребенка, и на руках относит в нашу постель.

Я счастлива, по-настоящему счастлива.

Глава 22

Марк

В моих руках самая дорогая, самая желанная для меня девушка. Девушка, которую я люблю больше жизни.

Аккуратно кладу ее на кровать и люблю ее чарующей красотой. Лисенок видит мой восхищенный взгляд и, недолго думая, скидывает на пол пушистое полотенце, оставаясь полностью обнаженной и безумно притягательной. Без доли смущения я пожираю голодными глазами ее тонкую подтянутую талию, плавно спускаюсь к стройным бедрам, люблю ножками и ярко-красным педикюром на маленьких аккуратных пальчиках. Медленно возвращаю восхищенно возбужденный взгляд на изящную талию и поднимаюсь выше к упругой груди, вижу соски, к которым хочется немедленно припасть губами и подарить наслаждение. То, которого она давно не испытывала. Ее глаза, глаза цвета неба в теплый лет-

ний день, затуманены от неистового возбуждения, а блестящие после воды волосы разметались по подушке, делая ее еще более желанной.

Я нависаю над ней, опираясь локтем о кровать, и чувствую, как сбивается ее дыхание, как учащается пульс. Моя маленькая любимая девочка. Усмехнувшись, опускаюсь губами к ее шее и легонько кусаю зубами вену, похожую на ветвь декоративных роз, провожу языком и слышу, как с ее сладких губ срывается еле слышный стон. Стон, который взрывает все оборонительные стены к чертям. Припадаю к любимым губам и начинаю безжалостно терзать их.

Она мой родник в жаркой безлюдной пустыне... Она мой источник жизни.

Спустя пару минут, сам до конца не осознавая этого, я нахожу в себе силы, чтобы прекратить сладкое безумие, сводящее с ума. Смотрю в любимые глаза, наивно ища в них страх и желание снова забраться в панцирь. Но ничего нет... Только огонь и неопишуемое желание, которое я видел последний раз в ее небесных глазах два года назад.

Склонившись, плавно скольжу губами по ее бархатной коже к шее, к упругой груди. Пальцами прокладываю дорожку к животу и ниже. Туда, где всюю полыхает нестерпимое желание моей девочки, требующее ласки и разрядки. Снова целую сладкие губы, наслаждаясь ее самоотдачей, не прекращая ласкать ее там. Лисенок резко хватается простынь и безжалостно комкает ее в своих маленьких кулачках, сладко

стонет через поцелуи, ни капельки не подозревая, какая это музыка для моих ушей, слышать ее стоны. Вынимаю влажные пальцы и легкими движениями массирую клитор, плавно переходя губами к груди. Целую с сумасшедшим наслаждением, кончиком языка обвожу затвердевшие соски и втягиваю губами, нежно покусываю.

Чувствую, что моя девочка на грани, и безумно счастлив, что это дело моих рук.

Я продолжаю неистово целовать ее грудь и плавно перехожу на шею. Один... Лиза закрывает глаза, и блаженная улыбка мелькает на ее лице. Два... она прикусывает нижнюю губу и выгибается с грацией кошки, но все еще улыбается. Три... резко ввожу два пальца и прикусываю венку на шее, чувствуя, как сотрясается ее тело в агонии любви. Четыре... она протяжно стонет, произнося мое имя, заставляя сердце скакать галопом от неопишуемого счастья. Пять... нежно целую ее сладкие губы, расплываясь в улыбке.

Я охренеть как счастлив. Счастлив вместе со своей женой!

Мы лежим в обнимку на протяжении нескольких минут и молчим, и я почти уверен, что на сегодня сюрпризы закончились, хоть мои яйца синие и требуют разрядки, но все же... слишком много эмоций для одного сумасшедшего вечера.

Как бы не так...

Лежа на кровати, я чувствую, как Лисенок своими маленькими пальчиками скользит по моему животу все ниже и ниже. Обхватывает теплой ладонью член и начинает мас-

сировать его вверх-вниз. Мои веки начинают дрожать от головокружительного удовольствия, а с губ срывается беззвучный стон. Уловив мое настроение и сверкнув глазами цвета неба, моя девочка ускоряет темп, но тем не менее ее движения остаются плавными и аккуратными. Лисенок чувствует мой приближающийся оргазм и делает все, чтобы продлить столь приятное удовольствие. Она нежно берет мои руки в свои, перекидывает стройную ножку через меня и, сексуально прогибаясь в спине, нависает надо мной, позволяя в очередной раз глянуть в любимые глаза и утонуть в пучине страсти, что в них кипит. Опирается руками о мою грудь и не спеша, дразня, наклоняется к моему лицу. В этот момент я понимаю, что готов отдать все на свете, только бы она была рядом. Была живой, как сейчас. Здесь, со мной, в полумраке нашей комнаты.

Мы начинаем медленно целоваться, постепенно наращивая темп и забывая обо всем, что так мешало нам сблизиться вновь. Лиза неожиданно отрывается от моих губ, приподнимается надо мной с лукавой улыбкой на лице и медленно садится на мой член, чуть прогибаясь в спине и предоставляя моему взору потрясающую картину маленьких холмиков с торчащими сосками. Стиснув челюсти, закрываю глаза от неопишуемого удовольствия, что врывается в сознание яркими вспышками и мешает сосредоточиться на главном – держать себя в руках. Не открывая глаз, руками сжимаю ее бедра, слышу сладостный стон и не позволяю ей шевелить-

ся. Мне надо время, чтобы уgomонить в себя зверя, который дико по ней тосковал все это время. Я должен привыкнуть к ней снова, ведь она такая желанная.

Такая моя...

Сука, мне просто не хватает слов, чтобы описать, как сильно я люблю эту женщину.

Медленно открываю глаза и смотрю на нее затуманенным взглядом. Одинокaя слеза катится по ее щеке, срывается и падает вниз... падает и забирает с собой боль и страхи, что мучили мою девочку все это время. На ее лице расцветает счастливая улыбка, а щеки покрываются румянцем, заставляя меня улыбаться вместе с ней.

Ослабив хватку, нежно поглаживаю бедра и, немного приподняв, отдаю бразды правления ей. Сейчас ей это необходимо, я остро чувствую. У меня будет завтра и послезавтра, и вся жизнь впереди, чтобы доказать ей свою любовь.

Не спуская с меня пронзительно-счастливого взгляда, Лисенок медленно начинает двигаться вверх-вниз, немного осмелев, берет мою руку и кладет на свою грудь, как бы напоминая, как она любит. А то я не помню... Другой рукой касаюсь поясницы и, слегка надавив, притягиваю ее к себе, сам приподнимаюсь к ней навстречу и целую грудь, прикусывая и посасывая соски. Ее дыхание сбивается. Она приподнимается и опускается снова и снова, начинает двигаться вперед, назад, постепенно увеличивая темп. Скольжу рукой по спине, пальцами считаю позвонки и смотрю на нее. Такую кра-

сивую и сильную, сидящую на мне и находящуюся на грани удовольствия. Наши громкие стоны разносятся в полумраке комнаты, создавая атмосферу чувственной любви и необъятной нежности.

Лисенок выгибается в спине, увеличивая этим давление и позволяя почувствовать ее под другим углом. Рычу от поглощающего удовольствия, пытаюсь ухватиться хоть за что-то, чтобы продлить эти сладостные ощущения. С каждым разом ее движения становятся быстрее, резче. Она опирается руками о мои колени, вздрогнув, резко сажусь и обхватываю ее бедра, помогаю двигаться быстрее, сильнее.

Еще быстрее, еще сильнее... но слишком быстро понимаю, что мне этого мало.

Резко переворачиваю ее на спину, не выходя и не оставляя одну ни на секунду. Мы не сбавляем темп, а только увеличиваем его, все сильнее проникая в друг друга. И телом. И душой. Все сильнее и глубже, без слов доказывая свою безграничную любовь. Любовь, которую мы смогли пронести через годы долгой разлуки, через глубокую печаль и ноющую боль.

Победный сладостный стон разносится по комнате, на лицах появляются счастливые улыбки, а в глазах неугасающий блеск. Наши потные тела, слитые воедино, расслабленно падают на кровать близко друг к другу, обжигая теплом.

– Спасибо, родная моя, – довольно улыбаясь, зарываюсь лицом в изгиб ее шеи и вдыхаю запах кожи после офигительного секса, наполненного безграничной любовью. – Я безум-

но сильно тебя люблю. Всегда любил и буду.

– И я тебя, мой муж. – Услышав ее слова, произнесенные ласковым голосом, я улыбаюсь, как самый настоящий дурачок. Она знает, моя девочка знает, что мы до сих пор женаты.

Что может быть лучше всего для человека, который почти совершил роковой поступок, покинув страну, где живет любовь всей его жизни? Правильно. Вовремя одуматься.

Я поднимаюсь на локтях и смотрю в ее глаза, полные удовлетворения и неизмеримого счастья. В глаза, где отражается наше настоящее и ни грамма прошлого.

– Спасибо, что вернула мои крылья, – шепчу еле слышно и наклоняюсь к ней, чтобы украсть еще один поцелуй, прежде чем она уснет.

– Наши крылья, любимый. – Я слышу тихий обжигающий шепот, чувствую горячее дыхание почти у самых губ и снова улыбаюсь. Целую ее нежно и коротко. Потому что замечаю, что она уже засыпает сладким сном младенца. Моя девочка. Она всегда после бурного секса быстро проваливалась в дремоту, и, кажется, ничего не изменилось.

Сна не было совсем, мне снова вспомнилось сегодняшнее утро, сегодняшний рейс...

Глава 23

Марк

Десятью часами ранее...

За восемь часов нахождения в кокпите при шуме двигате-

лей и постоянной связи мы порядком устали. Кто бы что ни говорил, но работа пилота хоть и романтичная, но довольно изнурительная. Находясь на высоте одиннадцати тысяч метров, я сверяюсь с приборами и довольно расплываюсь в улыбке. Осталось сделать последний рывок – и здравствуй, выходной день, который я планирую провести с любимой женой.

Да, кстати, надо бы ей сказать об этом, что ли.

Подлетая к аэропорту Шереметьево, наконец-то делаем запрос на посадку. Впереди стандартный круг над аэропортом, если требуется в ожидании разрешения на свободную полосу, снижение скорости до необходимой, взгляд на мониторы, выпуск шасси...

– Диспетчер, приветствую, это *** Airline, рейс SU-612, – произносит в микрофон капитан. – Прошу разрешения на посадку.

– *** Airline, SU-612, посадку разрешаю. Ожидаем ваш заход.

– Посадку разрешили, – повторяю вслух и обращаюсь к капитану с едва заметной улыбкой. – Надо замедлиться.

– Да, закрылки на один. – Под руководством пилота с десятилетним стажем перевожу рычаг на одно деление ниже. Выполняю стандартную процедуру, для меня это давно уже привычное действие, не вызывающее сложностей.

– Скорость сто восемьдесят, закрылки – положение один.

– Левее, сорок градусов. Закрылки – положение два, –

слышу в наушниках уверенный голос капитана и снова перевожу рычаг.

– Скорость – сто шестьдесят, – озвучиваю цифры, что видны на мониторах.

– Отлично. – Капитан уверенно кладет руку на РУДы, слегка тянет вниз, замедляя силу двигателей.

Я смотрю в окно замороженным взглядом, визуально определяя положение взлетной полосы, которая вот-вот станет видна. А рядом все те же высотки, все та же дороги и всегда одна высота при заходе на посадку. И вот я уже отчетливо вижу огни взлетной полосы. Они мерцают, манят и приглашают на посадку.

– Выпускай шасси, – командным голосом произносит капитан, и я повинуюсь.

Привычным движением руки дотягиваюсь до рычага выпуска шасси, опускаю его до отказа вниз, цепким взглядом наблюдая за тем, как постепенно загораются зеленые лампы задних стоек шасси над рычагом.

– Закрылки полностью. – Голос капитана перебивает голос техники. – Триста... двести...

Мы все ближе подлетаем к полосе, видим мерцание ярких ламп все более отчетливо. Они встречают, приглашают на посадку. Но внезапный громкий сигнал на весь кокпит, как сигнал бедствия, заставляет обоих вздрогнуть и с недоверием взглянуть друг другу в глаза, с нотками страха и ничем не прикрытой паники.

– Что за нахер? – вскрикиваю, крепко упираясь рукой в темную панель, нервным взглядом пробегаю по всем приборам, выискивая пищащую проблему. Натыкаясь на мигающую красную лампу передней стойки шасси, меня пробирает холодная дрожь. Паника накрывает внезапно, окутывает плотным одеялом, сотканным из страха, и оставляет одну лишь мысль: «Как остаться в живых?»

– Шасси! – кричит капитан, рефлекторно рукой отклоняя от себя РУДы и увеличивая мощность двигателей, снова поднимая огромный самолет в небо. На второй круг. Пролетая над взлетной полосой, взглядом провожая встречающие огни, капитан выходит на связь с диспетчером и пытается перекричать жуткий звук красной кнопки.

Бл*, к такому я не был готов...

– Диспетчер, это *** Airline, SU-612, у нас проблемы с передней стойкой шасси. Посмотрите, мы уходим на второй круг.

– *** Airline, SU-612, вижу вас, – молчание в несколько секунд кажется долгими минутами ожидания. – Черт, у вас нет передней стойки, створки закрыты.

– Ухожу на второй круг, – уверенно произнес капитан, задирая нос самолета вверх. – Попробуем запустить еще раз, если нет, готовьте аварийную полосу. Будем садиться на брюхо.

Да чтоб меня.

Он произносит все четко, твердо и до жути уверенно. Буд-

то это не первая его аварийная посадка.

– Набирайте эшелон сто девяносто, следуйте ему, я уберу встречные самолеты, – голос диспетчера дрогнул.

– Эшелон сто девяносто, – и голос капитана тоже истончился. Скажу честно, ситуация – дерьмо и, кажется, до капитана это дошло только сейчас. – Марк, убери шасси.

Все стихает после того, как я поднимаю рычаг, и оставшиеся шасси уходят внутрь самолета, прячась за створками. Как будто ничего и не было вовсе, только вот удары сердца слышны слишком четко и тяжелое дыхание капитана, который расслабляет галстук.

– На сколько у нас хватит топлива?

– Примерно часа на полтора. Сейчас пересчитаю еще, – быстро хватаю журнал и выдвигаю небольшой столик, начинаю делать расчеты корявым от нервов почерком. – Да, один час двадцать минут. Не больше.

– Надо связаться с салоном, – трясущейся рукой капитан переключает кнопку для связи, на секунду закрыв глаза. Медленно выдыхает и вновь вдыхает больше воздуха, пытаясь скрыть свое волнение от пассажиров, мечтающих как можно скорее оказаться дома. – дамы и господа, говорит капитан, прошу не беспокоиться. Наш борт уходит на второй круг, аэропорт ставит нас в очередь ожидания на посадку. Авиакомпания приносит свои извинения за вынужденную задержку. Ориентировочное время прибытия...

Один час двадцать минут на высоте в несколько тысяч

метров в неопределенном положении заставляет подумать о многом. Например, о том, что я наизнанку вывернусь, если, конечно, выживу, но любимую жену верну любым способом. Даже если придется находиться с ней под одной крышей и спать в соседней комнате, я готов.

– Будем садиться без передней стойки, время есть, хватит, чтобы подготовиться к аварийной посадке. Сейчас свяжусь с вышкой, будем решать, как лучше действовать, а потом придется объявить об этом пассажирам.

Слова, прозвучавшие как приговор, довольно резко возвращают меня в жестокую реальность, и первые несколько секунд я с трудом понимаю их суть. Мой мозг вновь и вновь отрицает страшную информацию, а взгляд пытается найти ответ в компьютере. Но тот, как назло, работает идеально. Ошибок нет, система их просто не видит. Я снова и снова перепроверяю все по несколько раз – результат тот же. Ситуация реально выходит паршивая. Ну а вишенка, пожалуй, в том, что никто и никогда не знает, как все пройдет. Будут ли жертвы или того хуже... даже страшно подумать.

На данный момент наша задача – посадить самолет, и ради этого, ради себя, ради своего экипажа и пассажиров, мечтающих оказаться дома и обнять своих родных, я сделаю это.

– *** Airline, рейс SU-612, полосу готовят. Садиться будьте в пену, – доносится из динамика голос диспетчера, и я мысленно представляю ВПП.

– Диспетчер вас понял. Марк, запомни главное правило

при посадке, не задирай нос, иначе скорость упадет и нос рухнет на землю. Держим нос самолета прямо. – Слушаю и киваю как болванчик.

– Да, я понял. Не задирать нос.

Осознание всей ситуации приходит только тогда, когда я не обнаруживаю зеленого сигнала, отвечающего за переднее шасси. На протяжении часа мы усердно думали, как сесть, чтобы смягчить посадку и, самое главное, избежать жертв. Разработали ряд действий, согласно регламенту аварийных ситуаций, приняли решение о порядке этих самых действий, но только сейчас я понимаю, что капитан меня только отвлекал.

Но, черт возьми, помимо того что наша жизнь и жизни еще трехсот человек висят на волоске и только от нас двоих зависит исход, я понимаю, что может быть хуже. Хуже для меня, если все пройдет удачно. Нас немедля атакуют репортеры со всех каналов, информация мигом просочится в СМИ, и Лисенок узнает...

– Надо связаться с салоном. – Слыша эти слова, я простонал от мысли, какой кошмар творится сейчас в салоне, столько паники и страха у людей, которые возвращаются кто из отпуска, кто просто домой. За лишний час, что они провели в небе в полном неведении, перед ними сейчас пронеслась вся их жизнь.

– Справимся, капитан.

С этим пилотом я летаю меньше года, и сейчас ни грамм

не сомневаюсь в его профессионализме. Это не первая его аварийная посадка, как я понял по речи и знаниям, и для меня огромная честь летать с таким капитаном. Особенно на «королеве неба», которая весит почти двести тонн, и посадить такую птичку в аварийной ситуации чрезвычайно тяжело.

– Конечно, справимся. А пока связь с салоном. – Капитан глубоко вдыхает-выдыхает, на секунду снова прикрывает глаза и как ни в чем не бывало произносит, согласно в инструкции: – Дамы и господа, у нас небольшая техническая неисправность. Во время посадки я очень прошу вас сохранять спокойствие в салоне и исполнять все инструкции бортпроводников. Сейчас нам необходимо ваше сотрудничество. Посадка пройдет в аварийном режиме, в аэропорту уже идет подготовка к принятию борта. Прошу вашего понимания и уважения к персоналу, настоятельно рекомендую не расстегивать ремни безопасности, пока не прозвучит команда. По требованию бортпроводников вы должны принять защитную позу и оставаться в этом положении до полной остановки самолета.

– Капитан, пора. – Чувствую, как мышцы деревенеют от поступающего страха, на теле выступает холодный пот и нервы просто на пределе. И почему именно сейчас я так остро ощущаю весь спектр эмоций?

– Диспетчер, *** Airline, SU-612, прошу разрешения на аварийную посадку.

– Аварийное оборудование готово, *** Airline, SU-612.

Снижайтесь до ста шестидесяти пяти.

– Вас понял, снижаюсь до ста шестидесяти пяти. – Капитан выставляет нужную высоту и медленно опускает рычаг закрылок, сбавляя скорость. Обычно это делаю я, но сейчас капитан всецело берет управление на себя. И, черт возьми, я искренне ему за это благодарен.

– *** Airline, SU-612, полоса залита пеной, рядом дежурят машины пожарной и скорой помощи. Ваша полоса левая, снижайтесь до пяти тысяч футов, посадку разрешаю. Удачи вам, ребят, – проскрипел голос диспетчера.

Пять тысяч – это так мало. Это ничто...

– Марк, держим нос самолета параллельно полосе как можно дольше, баки не полностью пусты, может начаться возгорание при ударе о землю.

– Надо замедлиться! – кричу капитану, ожидая приказа на выпуск закрылок.

Мы слишком низко... Слишком опасно.

– Закрылки на два.

Приказ услышан. Приказ выполнен.

Перед глазами снова взлетная полоса с мерцающими огнями, залитая пеной на случай пожара. Я вижу, как с каждой долей секунды мы приближаемся, в принципе, страх тоже подступает. Резкий толчок. Огромный самолет с шумной работой четырех двигателей на задних шасси на бешеной скорости несется по взлетно-посадочной полосе все ближе и

ближе приближаясь к пене. В какой-то момент кажется, что его невозможно остановить. Сила тянет носовую часть вниз, она упорно хочет помешать нам совершить задуманное. Я прислушиваюсь к шуму двигателей, они продолжают усердно работать, таща по полосе тяжелый самолет, безжалостно раздирая металл обшивки кокпита. Нашей кабины. В этот момент время останавливается вместе с дыханием, а где-то на задворках памяти мелькает мысль о том, что под нами находятся люди. Капитан держит нос самолета параллельно земле до последнего, не переставая нажимать на тормоза.

– Семьдесят узлов, – озвучиваю картинку на мониторах, догадываясь, что сейчас довольно жестко сядем на нос.

– Отличная скорость, чтобы прокатиться по полосе без шасси, – капитан плавно опускает нос самолета, и резкий толчок заставляет упереться руками в бортовую панель. С невероятной силой нас тянет вперед, сдерживают лишь ремни безопасности и ноги, что упираются в педаль тормоза. – Давай же, тормози.

Я вижу в окно лишь серый асфальт и слышу противный скрежет металла, который режет слух сильнее сигнала красной кнопки. В мыслях рисуется страшная картина, заставляющая содрогнуться, я представляю, как двигатели волочатся по земле, от них валит черный дым и искры, а потом... баки взрываются.

Нам просто повезло...

Мы замедляемся настолько, что скрежет постепенно

умолкает. За ним стихает раздражающий сигнал красной кнопки, сопровождающий нас последние несколько минут. Несколько минут, что кажутся адом. К счастью, самолет остановился намного быстрее, чем мы думали. И все остались живы.

Только рано радоваться – впереди эвакуация.

– Экипажу начать эвакуацию, – спокойно произносит капитан в микрофон, давая понять пассажирам, что все прошло довольно неплохо. Затем снимает наушники и закрывает глаза, прекрасно понимая, что сейчас начнется паника и люди будут давить друг друга, направляясь к аварийным выходам и желая вдохнуть свежий воздух. Просто почувствовать себя живыми.

– Дерьмо, – кричу, ударяя рукой по панели. – Капитан, да вы крутой!

– Да, возможно, – капитан расстегивает ремни безопасности и с трудом выбирается из кабины, которая носом упирается в асфальт и стоит под наклоном. – Но надо выводить пассажиров. Отключай все системы и на выход.

Оказавшись внизу, я невольно оборачиваюсь, чтобы в последний раз взглянуть на самолет, о котором мечтал с самого детства. Быть пилотом Boeing 747 когда-то было недостижимой грезой маленького ребенка, а сейчас уже взрослым мне приходится наблюдать жуткую картину. Покореженный нос самолета лежит на сером асфальте, его накренило так сильно, что двигатели касаются темного бетона. Трапы, как

гигантские лапы паука, уродуют его еще сильнее. Отвратительная картина красивого лайнера предстает передо мной и заставляет ужасаться реальности, в которой мы не застрахованы от многих вещей.

Мало того что наш рейс оказался аварийным и задержался почти на два часа, так еще и в аэропорту приходится провести больше четырех часов за бумажной работой, от которой начинает болеть голова. В подробностях описав всю ситуацию с самого начала до момента эвакуации пассажиров. Я вымотался ужасно, ничего не хочется делать: ни есть, ни думать. Подъезжая к дому, я получаю смс-сообщения от Женьки и начинаю глупо улыбаться, читая простую фразу: «Она у тебя».

Да, это стоит того, чтобы улыбнуться, как дурачок.

Если бы я знал, чем все закончится, мчался бы домой раньше.

Глава 24

Лиза

«Привет, мой дорогой дневник.

Помнишь мои самые первые записи на твоих чистых страницах? Помнишь, при каких обстоятельствах мы с тобой познакомились? И, конечно же, ты помнишь, что я тогда была разбита вдребезги и искала в себе силы, чтобы жить и бороться дальше. А знаешь, ты мне очень сильно помог.

Каждый день я рассказывала тебе о своих панических страхах, пугающих мыслях и маленьких и таких важных достижениях. И, наверное, ты помнишь все записи, в которых я рассказывала тебе о нем.

Сегодня я тоже буду делиться с тобой личными победами, потому что я смогла.

Смогла стать счастливой!

Вчера была самая лучшая и долгожданная ночь любви. Самая волшебная сказка, которая только может быть, наяву. Да, я прекрасно осознаю тот факт, что все случилось из-за эмоционального выплеска. Нам обоим было необходимо расслабиться, и мы оказались в пучине безудержной страсти и неистовой любви.

Но знаешь, мой друг, мне это здорово помогло заглянуть внутрь себя. Вспомнить себя настоящую. Непреодолимый страх и болезненная нерешительность исчезли, словно их и не бывало рядом. Я любила и была любима самым лучшим

мужчиной на свете. Своим мужем.

И еще, Монстр Гаптофобия, обращаюсь к тебе. Я хочу, чтобы ты знал, что ты был самый злой и вредный и все никак не хотел меня покидать. Ты не верил, что я сильная, что я смогу справиться. Из-за тебя я боялась робких прикосновений, близости со своим мужчиной... и его.

А я смогла! Поэтому просто пока! Прощай навсегда.

Дорогой друг, сегодня я проснулась в самом прекрасном настроении с самой искренней улыбкой на лице. Разбудил меня аромат вкусного чая с мелиссой вперемешку с запахом кофе. Так себе смесь, но что поделать, если вкусы немного разные. Марк вошел в комнату бесшумной поступью со столиком для завтрака в руках, набитым разными вкусностями. Тут было все: и воздушный омлет, и нежные сырники со сметаной, и легкий бутерброд с творожным сыром и кусочками авокадо, порезанным тонкими ломтиками, и чай с мелиссой, и кофе. Это был самый вкусный завтрак, что я ела за последние два года.

Мы сидели на кровати, да-да, конечно, это некрасиво и неправильно, я это прекрасно знаю, но это так круто! Мы не обсуждали то, что было волшебной ночью, но по нашим игривым взглядам и довольным улыбкам было и так все понятно. Мы разговаривали о погоде, о планах, о родителях, обо всем... только бы не расставаться.

А потом мы снова друг друга любили. Слишком страстно. Слишком горячо. Слишком эмоционально. Слишком ска-

зочно. Слишком восхитительно.

Он целовал меня жадно и нежно, упиваясь моими губами. Он брал меня не спеша, смакуя каждый миг, постепенно наращивая темп и доставляя нам неземное удовольствие. Доводил до эйфории раз за разом, заставлял думать только о нем. Мое тело взрывалось сотней ярких фейерверков, я рассыпалась на миллионы осколков.

Он был безумно нежен и аккуратен, не просто брал, он любил!

Сегодняшнее утро мне напомнило наш первый раз...

Я с улыбкой вспоминаю тот день, как наяву. День, когда по-настоящему стала его женщиной.

“Я зябко передергиваю плечами:

– Марк, кажется, дождик начинается. – Он запрокидывает голову, чтобы посмотреть на затянувшееся небо и убедиться, что я не шучу. Увиденное его, конечно, не радует. Прямо над нами серые тучи, и такое чувство, что вот-вот пойдет дождь.

– Лисёнок, знаешь, я здесь недалеко живу, можем побежать ко мне или завалиться куда-нибудь в кафе, чтобы переждать дождик. Прости, но до машины мы просто не успеем добраться.

Марк, конечно же, прав, мы гуляем уже больше двух часов, и автомобиль остался очень далеко, в другом конце парка, а недалеко от нас шикарный жилой комплекс, где на первых этажах небольшие кафешки.

– А ближе к тебе или к тому кафе? – Указываю пальцем на небольшую вывеску кофейни ‘Эмилия’, что располагается на углу элитной новостройки.

– Ко мне.

Вот я не понимал, почему он так заразительно улыбается?! Мы вот-вот попадем под дождь и промокнем насквозь.

– Тогда к тебе, – произношу слишком уверенно и даже не подозреваю, чем закончится этот вечер.

– Тогда побежали”.

И знаешь, мой друг, мы действительно побежали как сумасшедшие. Взявшись за руки и громко смеясь, как влюбленные голубки, бросились к тому самому жилому комплексу, где, оказывается, обитает Марк. Вблизи дом оказался еще красивее, имел просторную парковочную зону, всюду были клумбы с роскошными цветами. Большая детская площадка и спортивная зона для молодёжи – идеальное место для семейной пары. Мы старались бежать быстрее, но всё-таки промокли. Поэтому, как только вошли в светлую квартиру с модным дизайном, Марк сразу же отправил меня в душ. Принёс свою белоснежную рубашку и нехотя вышел. Я быстро приняла горячий душ, вытерлась предоставленным мне махровым полотенцем с ароматом зимней свежести и надела предложенную Марком рубашку. Как только я покинула ванную, мне в руки была всунута кружеска горячего чая с медом и долькой лимона, также меня укрыли пледом нежно-кофейного цвета и посадили на диван, очень вежливо по-

просив, чтобы все выпила и ни в коем случае не вылезала из-под пледа. Я довольно кивнула и закуталась поплотнее.

Выпив весь чай и согревшись, я все же решила осмотреть квартиру, хотя бы ту комнату, в которой находилась. Женское любопытное, оно такое коварное. Быстро скинув с плеч плед, я встала и повернулась, чтобы осмотреться по сторонам. Интерьер гостиной мне очень понравился. Светло-синие обои и светло-серые шторы на панорамных окнах с видом на тот самый парк, где мы гуляли. Тогда я для себя решила, что это мое самое любимое место в квартире. Вид из окна был ошеломительным, я даже боюсь себе представить, какая красота открывается ночью. Угловой диван, заваленный декоративными подушками в тон интерьеру, был центром гостиной комнаты. Маленький комод под телевизор темного цвета стоял у одной из стен, сама панель висела над ним, растянувшись практически на всю стену.

И фишка этой комнаты – карта. Карта мира, которая расположилась напротив стены с телевизором. На ней много иголочек с красными и жёлтыми шапочками. Невероятно просто... тут больше ста иголочек с шапочками. Марк в свои неполные двадцать шесть побывал просто в огромном количестве городов и стран.

Я проводила пальцами по этим самым иголкам и смотрела на всё это как завороченная, мысленно представляя себя в сказочных местах. Именно за этим занятием меня и

застал Марк.

– Красные – командировки, жёлтые – самостоятельные путешествия.

Это была его фраза, сказано было тихо с легкой хрипотцой в голосе, но я услышала все. Он стоял, опершись на дверь, и смотрел на меня, не отрывая восхищенного взгляда.

Посмотрев на него, я забыла, как говорить, потому что он был так красив. Я пыталась себе объяснить, что это просто парень, не звезда, не спортсмен, но почему-то только он заставлял мой пульс учащаться.

Он был в одном трико, низко сидящем на бедрах, и его тело выглядело восхитительно. Будто над ним поработал сам Микеланджело. Его могучие атлетические плечи и подтянутая фигура с матовой темной кожей и кубиками пресса – небольшими, но такими, что хотелось провести по ним кончиком языка, вызывала восхищение. И желание пальчиками проложить дорожку по рельефной груди и темной поросли волос, которая тонкой полоской спускалась к низу, прячась за поясом спортивного трико.

Рядом с ним мозг отключался, а внутри меня появилось незнакомое ранее чувство.

Это был первый раз, когда я увидела практически голого мужчину. Когда нагло гладела на него, я даже не представляла, чем все закончится.

Дыхание спёрло, и я жадно хватала ртом воздух, пытаясь вдохнуть поглубже, когда он подошёл ко мне совсем

близко. Просто непозволительно близко. Одну руку он положил мне на поясницу и нагло притянул к себе, так что я почувствовала, как от него пахло морем и безудержной нежностью. Пальцами другой руки он рисовал узоры на моём лице, касаясь ресниц и заставляя жмуриться от удовольствия. Он чувствовал, как сбилось мое дыхание, как поднимается и опускается моя грудь. Он видел в моих глазах безумное возбуждение, ранее мне неизвестное, и дикое желание. Я видела страсть и чувствовала любовь в его прикосновениях.

Он провел большим пальцем по нижней губе, ладони его показались горячими, словно оставляли след ожога, затем оттянул ее вниз, заставляя приоткрыть рот. Кончиком языка я провела по подушечке его пальца и слегка прикусила, заставив прикрыть веки и глубоко втянуть воздух. Я смотрела на него ошарашенно и не узнавала себя.

– Я для чего дал тебе плед, Лисёнок? Или тебе не говорили, что рядом с большими мальчиками разгуливать в таких рубашках опасно?

Эти слова он прошептал мне уже на ушко, а я почувствовала только то, что трусики становятся жутко мокрыми и возникает желание подарить ему себя. Именно тогда я и поняла, что значит хотеть мужчину до безумия, до головокружения. Просто сходить с ума только от его бархатного голоса и от того, что он рядом и держит в своих крепких объятиях.

Я осмелела настолько, что коснулась пальчиками его мощной груди, почувствовала, как он замер, а его горячее дыхание обжигает мою шею. Забыв о каких-либо предостережениях, я поцеловала ямку на его ключице и слегка укусила. В этот же миг его сильные руки оказались под рубашкой и настойчиво начали гладить ягодицы, едва касаясь кожи, поднимались выше и выше, пересчитывая кончиками пальцев позвонки. Не спеша, он задирает рубашку вверх, чтобы после ее стянуть и откинуть в сторону.

Я не помню, как мы оказались в комнате, это как-то прошло мимо. Но четко помню, как он навис надо мной, как мы смотрели друг на друга, пока еще осознавая, что сейчас произойдет. Я предвкушала что-то необычное, прекрасное, дикое и страстное. Мое тело горело и ждало разрядки, но он медлил, смаковал каждое мгновение, каждый мой вздох и движение. Мне дико хотелось, чтобы на моем теле остались следы его любви.

Он сжал мои руки и поднял их над моей головой, не давая свободы. Я пыталась вывернуться, мне надо было прикоснуться к нему, убедиться, что это все не сон. Но он не позволил, лишь усмехнулся, наклонился и накрыл мои губы глубоким, чувственным поцелуем, выбивая сомнения прочь.

Горячими ладонями он провел по моим рукам, плавно поднимаясь к плечам. Не спеша, расстегивал пуговицы на рубашке одну за другой, касаясь моей кожи кончиками пальцев и вызывая сладкую дрожь в теле. Я позволила стянуть

с себя рубашку и с нескрываемым восхищением наблюдала за тем, как он снимал трико и отбрасывал его в сторону, оставшись в одних лишь боксерах. Мой восхищенный взгляд быстро сменился голодным. Марк снова навис надо мной и прильнул в сладостном поцелуе, позволяя кончиками пальцев исследовать его напряженную спину. Постепенно поцелуй становился более глубоким, более страстным, внизу живота я начала чувствовать легкую пульсацию. Оторвавшись от моих губ, он принялся прокладывать дорожку поцелуев к груди и, спустив немного чашечки лифа, дразнить языком затвердевшие соски. Я рвано хватала воздух, сладко стонала и выгибалась еще сильнее, требуя немедленной разрядки. Продолжая ласкать мою грудь, он просунул руки под спину и растянул застежку лифчика, затем отбросил его куда-то в сторону. Мне было уже все равно, я думала только о нем и его руках, что творили невероятные вещи. Горячими ладонями Марк провел по изгибам моей талии, стянул кружевные трусики, развел мои ноги. Я обняла его за шею и прижалась, думая только о нем. Мне необходимо было чувствовать жар его тела. Он вновь припал к моим губам страстным, безумным поцелуем, а я с удовольствием отвечала. Затем обвила его ногами, мне не терпелось слиться с ним воедино.

Я хотела его чувствовать душой и телом.

Капелька пота скатилась по виску Марка на мои разгоряченные щеки. Я чувствовала, как сильно он был возбуж-

ден, и понимала, что он сдерживал себя из последних сил.

— Марк... — еле слышно прошептала, выгибаясь дугой, касаясь сосками его мужественного тела.

Его стон прокатился по комнате, отзываясь во мне музыкой. Пальцами одной руки он начал творить невероятные вещи, знакомить меня с другим миром. Я почувствовала, как мышцы внизу живота сокращаются, будто все приятные ощущения, которые только может испытывать тело, сосредотачиваются в одной точке. По телу пробежала дрожь, заставляя вцепиться руками в простыню и отпустить себя. Мой стон был сладок от нахлынувшего удовольствия.

Не дав мне прийти в себя после крышесносного оргазма, Марк накрыл меня своим телом и, смотря в глаза, резко вошел, навсегда сделав своей женщиной. Я думала, что будет больно, но оказалось все не так, как пишут в книгах и медицинской литературе. Это было совсем не больно, ну, может, чуть-чуть...

Он двигался медленно, все так же смотря в мои глаза, будто выискивая сожаления о содеянном или испуг. От нехватки воздуха я тихо застонала и вцепилась руками в его плечи, оставляя следы от ногтей. С каждым нашим движением я испытывала неведомые ранее ощущения, вызывающие приятную тягу внизу живота. Мне хотелось скорейшей разрядки, я подалась ему навстречу и впиалась страстным поцелуем в его медовые губы. Забывшись, он вошел в меня до

упора, заставляя тело взорваться миллионами ярких фейерверков. Его взгляд был безумен. Он покрывал мое тело поцелуями, нежно кусал, потом зализывал укусы, словно извиняясь. Я выгибалась и стонала от удовольствия снова и снова... снова и снова.

Наши тела блестели от пота, мы тяжело дышали, но продолжали двигаться в бешеном темпе. Марк, покрывая мои ноги поцелуями, положил их к себе на плечи, делая ощущения еще острее. Я сходила с ума, ожидая повторной разрядки, мне до безумия снова хотелось улететь. Улететь вместе с ним...

Сил не оставалось. Я выгнулась в сладкой судороге, в руках сжала простынь и улетела. Марк зарычал мне в шею и в несколько мощных, глубоких толчков догнал меня.

Я помню, как он смотрел на меня с нежностью, с безграничной любовью.

Нам было очень хорошо вместе. Хорошо, когда мы просто лежали в обнимку, и он гладил мою обнаженную спину, уделяя внимание ягодицам. Хорошо, когда вместе стояли под горячим душем и страстно целовались, забывая обо всем на свете. Хорошо, когда сидели на кухне и ели заказанную пиццу, разговаривали и смеялись. Нам было хорошо всегда.

Таких моментов множество, их можно вспоминать до бесконечности...

И я бы с радостью, да боюсь, что чистых листов твоих,

мой милый друг, не хватит.

Вот такие вот приятные воспоминания, дорогой дневник, посетили меня этой ночью.

Знаешь, я безумно счастлива! Я жива и любима, что может быть лучше и прекрасней?!

Говорят, что бумага будет молча хранить все секреты, что ей доверит хозяин, так будь добр, сохрани мои мысли и береги их как зеницу ока!

Не знаю, когда мы вновь встретимся и встретимся ли мы вообще. Но клятвенно обещаю, что к этому моменту буду самой любимой женой и счастливой мамой!

Пожелай мне удачи, мой друг!

Прощай».

ЭПИЛОГ

7 лет спустя

Дубай – город сказка, расположенный на окраине пустыни, который способен воплотить в жизнь необычные фантазии и исполнить любые мечты. И мечта моего любимого мужа сбылась еще семь лет назад.

После той ночи я переехала к нему, и он, наконец-то, смотря прямо мне в глаза и не моргая, сознался, что мы до сих пор женаты. «Я просто не мог тебя отпустить...» – часто вспоминаю фразу, сказанную им тогда, и улыбаюсь.

Я тоже не смогла его отпустить.

Конечно, на тот момент я была безгранично счастлива, ведь наш семейный быт налаживался, в доме вновь стало тепло и уютно. А спустя неделю он улетал в Дубай на собеседование в одну авиакомпанию, которая занимала лидирующее место среди авиаперевозчиков в мире. Еще через месяц он переехал в чужую страну, через два – я отправилась к нему.

На сегодняшний день мой муж капитан «Королевы неба». Его мечта сбылась, и я безумно им горжусь.

Живем мы в шикарном небоскребе на сорок третьем этаже с видом на башню Бурдж-Халифа. Апартаменты здесь стоят немало, но компания дорожит хорошими сотруднича-

ми и предоставляет жилье с потрясающими видами. Первое время я не работала, только изредка получала мелкие заказы через интернет. К сожалению, мои познания в английском были ничтожны, и я не могла найти достойную работу. В один из дней, когда Марк находился в пятидневной командировке, я решила попробовать себя в роли стюардессы. Признаться честно, мне удалось удивить мужа. Помню, как он помогал мне изучать материал, объяснял что-то из того, что сам знал и понимал, а я пыталась запомнить все, что он говорил. Через год я была уже летной птичкой. И, знаете, побывав в кокпите во время взлета или посадки или даже просто посмотрев закат с высоты птичьего полета, меняешь-ся навсегда. Первое, я до безумия полюбила небо. Второе, стала лучше понимать мужа и его любовь к этим прекрасным железным птицам. А еще стабильно раз в месяц мы попадали на один рейс, не знаю, как он это делал, но мне это нравилось.

Страхи прошлого наконец-то меня отпустили. Хирург и интерн находятся в местах лишения свободы и, судя по всему, очень-очень надолго. Я долго думала, что было бы лучше: исчезли бы они насовсем, или четыре холодные стены на долгие годы.

Мне пришлось многое пережить, многому научить и стать еще сильнее, чем была. И виноваты во всем они... Тот, кто работал над новым видом наркотика, и тот, кто попался на очередном изнасиловании девушки.

Но это прошлое, сейчас все не так...

Я лежу на шезлонге, прячусь от палящего солнца под зонтиком и наблюдаю за своими мужчинами со счастливой улыбкой на лице. Да-да, мужчинами. Нашему с Марком сыну полтора годика, и я с уверенностью могу сказать, что ребенок зачат в безграничной любви. Ведь мы так о нем мечтали...

Я проходила курс лечения в разных клиниках, в России и Дубае. И вот счастье случилось, долгожданные две полоски спустя пять лет. Марк до сих пор с меня пылинки сдувает и с сыном помогает постоянно, даже несмотря на то, что сам загружен работой.

Наблюдаю с улыбкой, как они не спеша направляются в мою сторону и о чем-то переговариваются. Стас – маленькая копия своего отца, мои у него только глаза. Он уже бровки хмурит, как папа, когда чем-то недоволен, правда, у него это получается пока что смешно.

Марк садится рядом со мной, а сынишка отправляется под зонтик строить замок из песка. Я чувствую, как на мое плечо ложится мокрая рука мужа, он притягивает меня себе, заставляя вздрогнуть от прикосновения.

– Лисенок, а я тебе сегодня говорил, что люблю тебя? – еле слышно шепчет мне на ушко мой муж.

– Говорил. Но будь уверен, сегодня ты превысишь свой лимит.

– Отчего это? – Он смотрит на меня нежно, с толикой лю-

бопытства на дне глаз.

– Оттого, – улыбаюсь и кладу его руку себе на живот. Сказать, что Марк ошеломлен, ничего не сказать. Я вижу, как проясняется его лицо, от улыбки собираются морщинки в уголках любимых глаз.

– Сколько? – Он смотрит не на меня, а на мой еще плоский живот.

– Пять недель.

– Спасибо, любимая.

P.S. Через восемь месяцев на свет появилась Алиса Воскресенская – с мамиными глазами и папиным характером.